Старая Россия и старая Чечня: невыученные уроки

(Изучающим Отечественную историю)

Пешехонов. А.В. «Культурная драма»

Составление, редакция, предисловие и примечания доктора исторических наук В.В. Швецова

Научная редакция, предисловие доктора исторических наук, профессора М.В. Новикова

Ярославль

ВЕБ-БИБЛИОТЕКА Z АБРЕК ЗЕЛИМХАН
http://abrek.org/portal-abrek/biblioteka/knigi/

ББК 63. 3 (0) 52/53
УДК 94 (47)
С 77

Старая Россия и старая Чечня: невыученные уроки (Изучающим Отечественную историю) / В.В. Швецов. Под ред. М.В. Новикова. Ярославль, 2006. 308 с.

Составление, редакция, примечания:
доктор исторических наук В.В. Швецов
Предисловие:
доктор исторических наук В.В. Швецов
доктор исторических наук, профессор М.В. Новиков
Научная редакция:
доктор исторических наук, профессор М.В. Новиков

ББК 63. 3 (0) 52/53

ISBN 5-87-555-254-9

© Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского.

© В.В. Швецов – 2006 © М.В. Новиков 2006

Алексей Васильевич Пешехонов

Алексей Васильевич Пешехонов родился 21 января 1867 г. в Тверской губернии в семье священника, закончил духовное училище, исключен из духовной семинарии за издание нелегального рукописного журнала «Из-под гнета». Работал учителем, отбывал воинскую повинность в Дагестане, принимал участие в земской работе. Летом 1891 г. учился на землемера в ярославском имении кн. Д.И. Шаховского, в 1892 г. работал вольнонаемным землемером в Ярославской губернии. Всё это время вел революционную народническую работу.

В 1898 г. ему навсегда запретили заниматься земской деятельностью. В этом же году был приглашен Н.К. Михайловским в его журнал «Русское богатство» постоянным сотрудником в отдел «Хроника внутренней жизни», с 1904 года член его редакции. В этот период Пешехонов занимал позиции либерального народника, сотрудничая одновременно и с эсерами, писал для них прокламации, а также в их центральный орган "Революционная Россия". Входил в состав депутации общественных деятелей, пытавшихся предотвратить расправу над рабочей демонстрацией 9 января 1905 года. В связи с этим был арестован, заключен в Петропавловскую крепость, а затем выслан в Псковскую губернию.

После издания Манифеста 17 октября 1905 года вернулся в Петербург, стал одним из основателей и лидеров партии народных социалистов. После слияния последней с трудовиками входил в Центральный Комитет Трудовой народно-социалистической партии, издавал ее газету

“Народное слово”, входил в главный организационный комитет Всероссийского крестьянского союза. С мая по август 1917 года Пешехонов возглавлял министерство продовольствия во Временном правительстве. После прихода к власти большевиков вел борьбу против Советской власти, в 1922 году выслан за границу, жил в Риге, Праге Берлине. С 1927 года работал в торгпредстве СССР в Прибалтике. Умер в 1933 году в Риге, похоронен в Ленинграде.

Публикуемый материал взят из журнала «Русское богатство» (1911. №7,9,11).

КУЛЬТУРНАЯ ДРАМА

I

Из личных воспоминаний. Из истории последних лет. Разбойничьи племена или порочные люди? Туземное правосознание и государственная власть.

Начну с кое-каких личных воспоминаний. Лет двадцать тому назад мне пришлось пройти этапным порядком от Владикавказа до укр. Ходжал-Махи (недалеко от Гуниба) и затем два года прослужить солдатом в Дагестане…

Совершил я и обратный путь – на этот раз по проходному свидетельству –до Владикавказа. В результате этих путешествий по Терской области и пребывания в Дагестанской у меня получилось некоторое представление о жизни на Северном Кавказе, конечно, - неполное и поверхностное, но имевшее все-таки характер непосредственности: кое-что из тамошней жизни я лично видел, кое о чем слышал от ее участников, кое в чем прямо-таки ее почувствовал. И до сих

пор моя память сохранила некоторые из впечатлений, какие тогда оставила во мне эта своеобразная жизнь.

Своеобразная даже во внешних своих формах... Возьму хотя бы постройки. Не только в мелких поселениях, но и в таких крупных слободах, как Хасав-Юрт, и даже на городских окраинах, как в Грозном, многие дома были обращены фасадами не на улицу, а во двор. Туда же выходили своими отверстиями и все другие постройки данного владельца, расположенные, обыкновенно, сплошным четырехугольником, который замыкался крепкими воротами. Окна, обращенные на улицу, обязательно были снабжены прочными ставнями, с железными болтами, проходившими внутрь и отсюда запиравшимися на ночь. В ряде других особенностей местной архитектуры сказывалось тоже стремление превратить свой семейный очаг в военную крепость, способную выдержать нападение.

Не мало поражал свежего человека и воинственный вид местных жителей. Оружие являлось у них необходимою и чуть ли не главною принадлежностью мужского туалета, начиная с детского возраста. Нередко, например, можно было встретить туземца почти в лохмотьях с дорогим кинжалом на блестевшем серебром поясе. Видно было, что это главная его гордость и, быть может, единственное богатство. Вообще в отношениях кавказского и, в особенности, горского населения к оружию проглядывало какое-то особое чувство, которое я даже затрудняюсь выразить каким-либо русским словом.

Помню, я как-то заспорил с одним горцемподростком о сравнительных преимуществах кинжала и револьвера. Я считал револьвер более сильным оружием, а мой собеседник доказывал преимущества в этом отношении кинжала. Тема была не сложная и все, возможные с той и другой стороны,

аргументы довольно скоро и сравнительно легко были исчерпаны нами при помощи жестов и тех немногих слов, какие я знал по-горски, а мой оппонент — по-русски. Друг друга мы не убедили... Нашелся, однако, еще довод, которого я совершенно не предвидел. Мой собеседник неожиданно убежал, но скоро опять появился,— на этот раз с револьвером. Сунув последний мне в руки и обнажив висевший на поясе кинжал, он встал в боевую позицию и знаками приглашал меня на деле испытать силу того и другого оружия. Я даже вздрогнул: такая в его глазах горела решимость убить меня или самому погибнуть, лишь бы надлежащим образом разрешить глубоко его взволновавший спор,— спор, который я затеял от нечего делать...

Отпечаток воинственности, лежавший на местной жизни, и воинственная психика местных жителей во многих случаях представлялись не больше, как пережитками, унаследованными от тех времен, когда на Кавказе шла беспрерывная война, завершившаяся в конце концов его «замирением». Не раз, однако, приходилось убеждаться, что не в одной только истории лежат корни этой воинственности, что местами и современность дает ей немалую пищу.

При первом следовании по Терской области мы имели остановки, большею частью в станицах. Причем, меня помещали в одном доме с унтер-офицером и ефрейтором, которые сопровождали довольно большую партию новобранцев и которым был поручен «строгий присмотр» надо мной. Отводившаяся нам квартира, обыкновенно, превращалась в своего рода клуб: в нее набирались станичники, нередко приходил и атаман как будто бы по делу, а на самом деле, чтобы попить чайку и поболтать с путешественниками, хотя и не очень знатными, но все-таки довольно занимательными. Случа-

лось, что тут же за чаем, он делал свои распоряжения, назначал наряды, давал им инструкции: такие-то в секрет на такую-то дорогу, такие-то - на такую, залечь там-то, в случае чего действовать так-то... Оказывалось, что всякую ночь во все стороны от станицы высылаются секреты, чтобы предупредить возможность внезапного нападения. Днем же, в особенности в базарные дни, при всех въездах ставятся заставы, которые должны обыскивать приезжающих горцев и отбирать у них оружие на время пребывания в станице.

Разговор в таких случаях сам собой направлялся в определенное русло. В рассказах собеседников перед нами вставал целый ряд эпизодов из местной жизни, в которой мирный труд земледельца оказывался неразрывно связанным с чисто военными тревогами, а подчас — и кровавыми схватками. В громадном большинстве случаев дело шло об имуществе, которое необходимо было сторожить, не спуская глаз, и охранять, не жалея жизни. Больше всего приходилось опасаться за скот: его могли незаметно отделить и угнать из стада; могли увести со двора, разобрав стену или выломав ворота; могли отнять открытой силой при случайной встрече и внезапном нападении. Не малый соблазн для горцев представляло также оружие, в особенности усовершенствованное, приобретать которое законным путем они не имели права. Да и всяким другим добром они не прочь были поживиться... Но не редки были—чаще всего на почве мести— и иные счеты, в которых вопрос шел уже о жизни того или иного лица, а вместе с тем и всех его родственников.

Само собой понятно, что взаимные отношения между казаками и инородцами освещалась в этих рассказах, главным образом, со стороны первых. Жизнь горцев привлекалась рассказчиками лишь как материал для пояснений и мелькала перед нами в совершенно бессвязных отрывках:

- Им и своего убить ничего не стоит...
- Промежду себя-то они еще больше режутся...

За русского отвечать нужно, а между собою - кто их там разберет. Если и осудят которого, то только в другой аул на жительство переведут. Закон для них на этот счет легкий...

- Не в законе дело... Народ уж такой: чуть что, сейчас за кинжалы хватаются... Вон Касспулатка-то давеча заходил,- ведь он весь истыкан, места живого не найдешь... Мы попросили как-то одного из таких «истыканных» показать нам свое тело. Он не заставил себя долго просить, моментально сбросил одежду, и перед нами предстал человек, чуть не сплошь покрытый шрамами. Найти цельное место и впрямь было трудно.

Жизнь бок о бок с людьми, падкими до чужого имущества и всегда готовыми пустить в ход оружие, была полна, конечно, всевозможных треволнений. По рассказам казаков, существование их представляло непрерывную цепь всевозможных беспокойств, обид и насилий, какие им приходится терпеть от туземцев.

Надо, однако, сказать, что счеты казаков с горцами, - иногда очень старые и запутанные, - не мешали в отдельных случаях дружбе между ними, - подчас тоже давней и испытанной. Слышишь, бывало, в каком-нибудь рассказе, что вот-де в таком-то ауле «у меня есть кунак», - и думаешь, что это-ирония, что, в лучшем случае, это - просто знакомый. Но, оказывается, нет, это - действительный кунак, нечто большее, пожалуй, чем русский кум или сват...

Случалось, далее, что беседа принимала достаточно откровенный характер. Казаки не скрывали, что и они не прочь при случае поживиться имуществом туземцев, что и в их среде найдутся люди, способные угнать скот, отнять кинжал и даже принять участие в набеге...

За время службы в солдатах мне пришлось убедиться, что атмосфера хищничества и насилия, в которой протекает жизнь местного населения, не остается без влияния и на регулярные войска. В местных дагестанских частях это не так еще было заметно: случалось, бывало, что солдаты стащат что-нибудь у туземцев, но такие случаи имели характер обыкновенного воровства и даже «баловства». Отношения к туземному населению, вообще в Дагестане довольно мирному, резко, однако, изменились, когда к нам перевели батальон из Терской области, в котором и растворилась наша небольшая команда. После этого даже «баловство» получило разбойнический характер: например, ночные экспедиции в сады и виноградники туземцев предпринимались уже солдатами не иначе как с ружьями. И имуществу туземцев от нашего соседства грозил уже более серьезный ущерб. Не только до фруктов, но и до скота, бывало, добирались: если баран подвернется, то живо освежуют...

Горцы, если им не удалось укараулить и отстоять свое имущество, прямо поражали потом своею беспомощностью... Помню как-то в составе взвода, без офицера, мы занимали караул в одном из укреплений, заброшенных в глубь гор. Пищевое довольствие нашей команды было организовано донельзя скверно и временами нам приходилось буквально голодать. Пожива в окрестных виноградниках была обильная, но для солдатского желудка слишком легкая. Скот же был далеко в горах. Лишь одна овца с двумя барашками паслась почему - то на соседней, совсем выжженной, горе,

на самом виду у нас.

- Видно, бобылкины,- объяснили себе солдаты - не с кем, знать, в горы отправить...

Скоро, однако, один из барашков исчез. Долго потом «татарка»[1] бродила по пустынной горе, недоумевая – куда - бы он мог деваться. В конце концов, она, видимо, догадалась и направилась прямо к укреплению. Но подойти к нему не решилась и, постояв, побрела, рыдая, к аулу. Да и что бы она могла сделать?.. Ее несчастный вид разжалобил кое-кого из солдат, послышались даже упреки по адресу тех, кто спроворил барашка; но если бы татарка вздумала «засканда-лить», то ей, вероятно, просто «накостыляли бы в шею».

Жалобы, конечно, бывали... Но за все время своей службы я не помню ни одного случая, когда бы солдата от-дали под суд за кражу у туземцев. В лучшем случае, бывало, наложат дисциплинарное взыскание, да и то, если провинив-шийся солдат уже имел какие-либо счеты с начальством. Во-обще же сору из роты не выносили и туземцам на счет жа-лоб повадки не давали.

II

Я отметил лишь кое-какие штрихи из сохранившихся в моей памяти.

После того прошло двадцать лет. В течение довольно долгого времени мне как-то мало приходилось интересо-ваться кавказской жизнью, и в качестве публициста я почти не касался ее. Время от времени газеты поднимали шум по поводу кавказского «разбойничества», причем националис-тическая печать неизменно требовала усиления репрессий. Предлагались ею и некоторые общие меры, среди которых самыми верными и радикальными, обыкновенно, считались две: поголовное обезоружение туземного населения и введе-

ние паспортной системы для кавказского скота. Предпринимались попытки и осуществить эти меры, хотя бы и не в полном их виде. Толку, однако, не выходило. Между тем, поднятый газетами шум, обыкновенно, затихал и националисты обращались к более интересным объектам для травли, вроде поляков и финляндцев, не говоря уже о неизменных евреях, пока кавказские инородцы вновь не привлекали почему-либо их внимания.

Жизнь же на Кавказе шла своим чередом. Можно было, конечно, надеяться, что она сама собой размоет камень, положенный на пути русской государственности историей. Правда, планомерных усилий, чтобы приобщить полудиких горцев к культурной жизни почти не предпринималось, но культура ведь могла и должна была просочиться к ним через всякие щели. Вот и железная дорога прошла по самому предгорью, прорезав наиболее беспокойные местности Северного Кавказа - Чечню и Ингушетию. Гудермес - это один из самых «разбойничьих» аулов, а теперь там станции. Должно же это в местной жизни сказаться. Если штык оказался не в состоянии замирить горцев, то, может быть, купон их утихомирит. Пусть даже хищнические инстинкты надолго еще сохранятся, но в иные формы они будут отливаться, менее грубые и кровавые...

Однако и этим скромным расчетам не суждено было до сих пор оправдаться. Успехи капитала на Кавказе несомненны, видное место среди его деятелей занимают туземцы[2], но цивилизующее влияние его на последних до сих пор остается ничтожным. Этот изворотливый «джентльмен» сумел расположиться между штыком и кинжалом, нисколько не стесняя и не стесняясь их. В результате новые формы хищничества развились, но и старыми оно продолжает широко пользоваться.

Жизнь на Кавказе вообще ведь поражает своею культурною пестротою. В ней рядом встречаются такие вещи и наблюдаются такие явления, которые, казалось бы, должны быть разделены громадным промежутком во времени или пространстве. На дороге, по которой только что промчался стальной автомобиль, вы встретите потом допотопную арбу, в которой нет ни золотника железа. Сюда быстро доходит парижская мода и jupes culottes[3], например, вероятно, уже выписаны кавказскими дамами; но отсюда не ушла еще чадра и здесь сохранились еще женские шальвары, свои юбки-штаны, которые носят туземные бабы. Многие горцы, как подлинные дикари, еще красят свои бороды красною краской, но и на Кавказе, конечно, имеются люди, которые спрыскивают их духами...

Не только в обывательском, но и в государственном обиходе царит эта пестрота. Здесь одновременно действуют и новое Уголовное Уложение и старая Русская Правда, с ее круговою ответственностью за преступления. Кроме «дикой виры», в дальнейшем изложении мы встретимся с не менее любопытным институтом «следоводителей»,- вроде тех «следопытов», о которых мы читали у Фенимора Купера. У следоводителей есть еще дело, и тут же рядом филеры и провокаторы усердно работают. Может быть, нам придется упоминать и о ямах, которые в аулах служат для заключения арестуемых горцев,- о ямах, сохранившихся до сих пор бок о бок с прекрасными зданиями, давно уже возведенными для чиновников...

Такое же разнообразие наблюдается и в сфере экономических отношений. Технически совершенные способы производства богатств здесь практикуются наряду с совершенно примитивными приемами их первоначального накоп-

ления, утонченная и вполне легальная эксплуатация трудящихся масс - рядом с грубыми и безусловно противозаконными грабежами и разбоями. Тут же и всякие «интенданты» действуют, - интенданты, сумевшие сочетать грубое вымогательство с очень тонкой подчас техникой…

Великое движение[4], глубоко всколыхнувшее русскую жизнь, вскрыло много таящихся в ней противоречий. Обнажило оно и не переваренных до сих пор русскою государственностью кавказских горцев с их зверскими и хищническими инстинктами. Осетины, ингуши, чеченцы появились даже на всероссийской арене. Полудикие люди оказались одними из самых надежных оплотов для существующего в государстве порядка[5]. Все знают, какой ужас навели и наводят они на беззащитное крестьянское население, имевшее несчастье опередить их в своем культурном и политическом развитии. Не довольствуясь ролью «успокоителей», некоторые ингуши и чеченцы занялись, как известно, во внутренних губерниях и разбойничеством. Нет ничего невероятного, что и впредь, хорошо зная теперь дорогу на Русь, они будут являться сюда для этого промысла. Во всяком случае, если не в качестве прямо разбойников, то в качестве стражников ингуши и чеченцы сделались уже необходимым элементом общерусской жизни и еще не раз дадут нам себя почувствовать.

Да и там, на Кавказе, с ними еще придется посчитаться... После того, как кавказские «разбойники» получили себе дело во внутренних губерниях, в местной жизни, казалось бы, должно было наступить некоторое успокоение. В действительности, однако, произошло как раз обратное: пореволюционные годы ознаменовались на Кавказе
- и это, конечно, не случайность - небывалым усилением грабежей и разбоев. «Даже мы, старики, прожившие до преклонных лет, - пишут в своем приговоре (1909 г.) казаки станицы Ассиновской,- не слышали таких нападений и в войну с Шамилем, как в настоящее время». Возродились даже такие формы хищничества и насилия, которые, казалось, безвозвратно отошли в историю.

Жизнь в области - говорится в одном из официальных документов последних лет - поистине невозможна для мирного трудящегося населения. Грабежи, воровство, разбои; нападения вооруженных шаек на экономии и хутора, угоны целыми стадами скота и табунами лошадей, принадлежащих не только частным лицам, но и целым сельским обществам; убийства на улицах сел и даже городов, не говоря о больших дорогах; нападения на станции железной дороги; глумления над жертвами нападений вроде изнасилования женщин на глазах их мужей, отцов и братьев,- вот обычные явления в жизни области. Наконец, стало проявляться то, чего нет ни в одном благоустроенном государстве: увоз и плененье отдельных лиц с целью получить за них большой выкуп. В конце концов, получилось то, что мирная трудовая жизнь стала невозможной[6].

Кавказские разбои прогремели на всю Россию и кавказские абреки, оставаясь даже в своих местах, успели привлечь к себе общее внимание. Некоторые из них, как, например, Зелимхан[7], сделались прямо знаменитостями.

В 1909 году была снаряжена карательная экспедиция для искоренения разбойничества в Терской области. Для этого был сформирован «временно-охотничий отряд» под начальством войскового старшины Вербицкого. Последнему были даны широкие полномочия и он развил энергичную деятельность. Не только местная, но и общая печать наполнилась шумом о его операциях, неоднократно имевших кровавый исход. Заинтересовалось общественное мнение и попытками г. Вербицкого подойти к вопросу о разбойничестве с другой - с культурной стороны. Скоро, однако, выяснилось, что эти культурные планы в условиях русской действительности должны отцвести, не успевши расцвесть. Что касается военных действий, то хотя они и продолжались, но явно не

давали сколько-нибудь осязательных результатов.

Грабежи и разбои не прекращались, с Кавказа неслись прямо вопли…

В конце 1909 года в Петербург прибыла депутация от Терского войска с целью просить об искоренении в области разбойничества. Кроме правительства, эта депутация обращалась к «руководящему думскому центру»,— и октябристы[8] обещали ей свое содействие. Были тогда некоторые из депутатов и у нас в редакции. Много они порассказали любопытного, но столковаться с ними было трудно, и у нас дело доходило прямо до криков. На вопрос, что же, по их мнению, должно и можно сделать при данных условиях, чтобы утихомирить туземцев, они отвечали в таком роде:

- Вырезать их!.. всех до одного вырезать!..- И возбужденный собственными рассказами депутата, казачий офицер, хватался за кинжал, как будто готовый немедленно за это дело взяться.

Слов нет, средство - радикальное. Но только что же получится, если начать им пользоваться?

- Ну, а мы скажем, что вас, казаков, нужно вырезать. Немало мы тоже от вас за последние годы натерпелись,- пожалуй, больше, чем от ваших ингушей и чеченцев…[9] Но не говорим же мы ведь этого. Если всех хищников и насильников вырезать, то не чересчур ли уж это много будет?! Программа, явно, была невыполнимая. И депутат заговорил уже другим, упавшим голосом.

- Уберите их от нас... Невмоготу нам стало. Потому мы ведь и хлопочем, что трудно нам своих удерживать. Промежду казаков все больше и больше разговоры идут, что надо- де чеченцев проучить хорошенько. «Вырежем,- говорят, -сплошь аул какой-нибудь, тогда они долго помнить будут». И вырежут. Того и гляди, что бросятся... Не сдержать боимся...

С этой угрозой, с указаниями на возможность массовой резни в Терской области приходится встречаться и в официальных документах и в печати.

«Я опять предупреждаю, Ваше Превосходительство, - писал, например, в апреле 1910 г. атаман Кизлярского отдела Наказному атаману Терской области.- Боюсь я казаков, боюсь их толпы в настоящее тревожное время, когда в ожидании нападений чеченцев, нервы казачьего населения до крайности напрягаются, а злоба на коварных соседей накопляется и накопляется. Я Вам уже не раз докладывал, а генералу Берхману еще в 1908 году говорил, что казаки волнуются и это может разразиться бурей... Население ищет виновных в своих несчастьях, и нелепые слухи родятся в его темном мозгу, а это может служить указанием, что волна народного гнева по какому-нибудь поводу подхватит толпу и... обрушит ее на чеченцев сначала, а затем первым долгом на мою голову, а потом, быть может, и на Вашу или на того, кого Вы пришлете, как это было с князем Орбелиани».

Совершенно недвусмысленно на возможность массовой резни намекает и г. Ткачев в своей книжке «Ингуши и чеченцы», вышедшей в нынешнем году.

«Все грознее, - пишет он,- нарастает вражда на это разбойничающее племя (чеченцев и ингушей). Все яснее рисуется впереди час грозного возмездия за грехи общие…Сознание этой неотвратимой грозной беды, постоянное предвидение ее так действует на нервно настроенную массу, что после Грозненского чеченского погрома сразу скрылись все чеченцы с русской стороны как мыши. Было действительно страшно. Озверелая толпа «мужиков» однажды вырвала арестованных чеченцев из вагона, смяла конвой и буквально растерзала несчастных всенародно. На Сунже казаки три

раза поднимались уже против ингушских аулов… После карабулакского столкновения прошлого года появился слух, будто к казакам прислали ольгинские осетины сказать, чтобы им дали знать, когда казаки опять пойдут на аулы, чтобы ольгинцам с другой стороны на них ударить. Недавно прошел новый слух, такой же, со стороны кабардинцев. Это – «слухи», потому что фактами их подкрепить нельзя, так как никто таких вещей не делает открыто. Но существование самих слухов уже указывает, какая под ними почва»[10].

Кроме Карабулакского нападения, известны и другие случаи, когда начавшиеся по частным поводам столкновения переходили в массовые побоища и даже в форменные сражения. Напомню хотя бы знаменитое дело при Яндырке. Вот как его излагали ингуши в своей петиции, поданной в Государственную Думу:

Один яндырец (ингуш), имея в руках один только зонтик, поехал нанимать рабочих. Дорогой в огородах казачьей станицы Троицкой на него напали казаки и убили. Лошадь убитого прибежала окровавленная домой и родственники убитого пошли убирать тело покойника. Между собравшимися на месте убийства казаками и родственниками убитого произошла перестрелка, но без результатов. Казаки Троицкой, Карабулакской, Слепцовской, Михайловской, Нестеровской, Самошкинской, Ассиновской и Фельдмаршальской станиц, пользуясь случаем, немедленно собрались и совершили нападение на аул Яндыр, отстоявший на расстоянии 6 верст. Завязалась перестрелка, продолжавшаяся два дня. Находясь в отчаянном положении, ингуши обратились за помощью к властям.

Прибыли войска: батальон пехоты, пулеметная команда и три сотни казаков. Но вместо защиты осажденных,

войска смешались с осаждавшими и начали обстреливать Яндырку. *«Аул, как вражий лагерь,- по словам авторов петиции,- был подвергнут ужасному огню из ружей и пулеметов. В результате оказалось 7 убитых и 13 тяжело раненых пулеметами. Дети, женщины и старики в ужасе разбежались в соседние леса. Такое отношение властей окончательно убедило нас, ингушей, что нас хотят истребить вконец»*.

Такие же массовые столкновения имели за последние годи место не только между козаками и туземцами, но и между различными племенами последних. В приведенной выше цитате из книги г. Ткачева упоминаются ольгинские осетины, которые, по слухам, обещали свою помощь карабулакским казакам, если те опять пойдут на аулы. Надо сказать, что эти ольгинцы имеют давние счеты с ингушами, и эти счеты в последние годы еще более осложнились. 23 мая 1907 года ингуши большим скопищем напали на с. Ольгинское, подожгли его и начали грабить. Одни из ольгинцев в панике бежали, другие вступили в перестрелку.

На помощь им из Беслана и Владикавказа были двинуты войска: пехота, казаки, пулеметы и в конце концов даже две батареи с орудиями. Не смотря на подходившие к осетинам военные подкрепления, ингуши, собравшиеся к вечеру уже в числе 3-4 т. человек, продолжали нападение. Сражение прекратилось лишь в 12 час. ночи, когда была уже масса раненых и убитых. Началось же все утром в этот день ссорой из-за потравы[11].

Таким образом, в перспективах, которые рисовали нам депутаты, не было ничего невероятного...

В действительности дела обстоят, пожалуй, еще хуже. Каким-нибудь аулом дело, в случае чего, едва ли кончится, резня может распространиться на широкое пространство, захватить почти всю область.

Во время столкновения при Ольгинском ехавшие в поезде пассажиры видели, как со всей округи тянулись вереницы ингушей на помощь своим, осаждавшим ольгинцев: одни из них следовали на арбах, другие верхами, было много и пеших. Часть ингушей около сел. Базоркина находилась в окопах и оттуда вела перестрелку. Сражение шло уже по всем правилам военного искусства.

Тем более безвыходным представлялось нам создавшееся положение. Легко сказать: уберите от нас ингушей и чеченцев! Но куда же их денет правительство? Так много стражников русским помещикам даже не требуется...

Между тем намерения подойти к вопросу с другой стороны были уже окончательно оставлены. В распоряжении властей оставались только репрессии. Оно могло переменить людей, но не методы.

В том же 1909 году Вербицкий был устранен от командования временно охотничьим отрядом и назначен атаманом Кизлярского отдела. Недавно он даже отдан под суд за то, что не предупредил в 1910 году нападения на Кизлярское казначейство... Начальником карательного отряда был назначен полковник Веселовский, который, не задаваясь широкими планами, занялся исключительно розыском и ловлей разбойников. Успех, однако, был не блестящий и в конце концов временно-охотничий отряд, если не ошибаюсь, был расформирован.

Но военные операции для искоренения разбойников продолжались. Между прочим, в сентябре 1910 года был предпринят поход в горы для поимки Зелимхана. Поймать последнего не удалось, захватили лишь его семью. На обратном пути в Ассинском ущелье возвращавшиеся с этим трофеем войска подверглись нападению и потеряли восемь человек (в том числе двоих офицеров) убитыми и столько же раненными. Власти после этого обрушились на туземцев новыми репрессиями. Некоторые аулы были даже назначены к полному уничтожению, а их жители - к поголовной ссылке в Сибирь (это и осуществлено минувшей весной). Вместе с тем, началась усиленная погоня за Зелимха-

ном, к участию в которой, под страхом всевозможных кар, были привлечены и туземцы... Кавказские события вновь привлекли к себе общее внимание, и я начал, было статью, намереваясь использовать имевшиеся у нас материалы. Прежде чем, однако, я ее кончил, пришло письмо с Кавказа, в котором мне писали, что высылаются новые материалы, и просили меня не спешить со статьею, пока я не познакомлюсь с ними. «Наше здешнее разбойничество,- прибавлял мой корреспондент,- еще долго будет очередною темою и долго еще не будет поздно писать о нем». С этим нельзя было не согласиться...

Вскоре я, действительно, получил большой тюк, присланный не почтой даже, а по железной дороге. В нем я нашел значительную часть переписки, какая велась штабом Вербицкого, и собранные этим штабом материалы от атаманов и старшин по вопросу о разбойничестве, доклады и протоколы Грозненского съезда представителей от станичных и аульных обществ по тому же вопросу, целый ряд других документов - приказов, приговоров, протоколов, прошений, доносов и писем. Материалы оказались обильные и разнообразные: в них имелись сведения о целом ряде жизненных фактов в их своеобразной бытовой обстановке, содержались в них и мнения целого ряда местных деятелей, довольно разнообразные в своих оттенках; и в равной мере, пожалуй, эти материалы были ценны как для изучения самого явления, называемого кавказским разбойничеством, так и для характеристики тех мер, какие предпринимались и предпринимаются к борьбе с ним.

Отвлекаемый другими делами, я мог лишь постепенно разобраться в полученных мною материалах, но и после того как я разобрался в них, у меня не сразу нашлась ре-

шимость познакомить с ними читателей. Задача эта с технической стороны представляется донельзя трудной. Нелегко втиснуть эти громоздкие материалы в рамки журнальной статьи и при том так, чтобы они были использованы с надлежащей полнотой и всесторонностью. Затруднение это в данном случае тем больше, что присланные мне материалы представляют, видимо, случайную коллекцию отдельных документов, почему- либо казавшихся их собирателю интересными. Нередко из длинной переписки в ней имеется лишь одно какое-нибудь письмо, есть вопрос и нет ответа, есть средина, но начало и конец не известны. Насколько было возможно, я пополнил, конечно, эти отрывочные данные другими сведениями, но и за всем тем во многих случаях оказывается невозможным восстановить в полном виде даже отдельные характерные эпизоды, не говоря уже о картине в ее целом, по отношению к которой мои материалы представляют только фрагменты, порою дают только намеки. Разобраться в сложной сети отношений, какая сплелась около разбойничества и в сложной игре интересов, какие в нем замешаны, при таких данных далеко не всегда возможно, и многое неизбежно должно остаться под вопросом.

Между тем, тема, как и предсказывал мой корреспондент, продолжала и продолжает оставаться очередною. И жизнь уже стала напоминать о ней. После некоторого затишья, с наступлением весны, грабежи и разбои на Кавказе вновь усилились. В мае месяце в Петербург опять приезжала депутация от Терской области. На этот раз, кроме правительственных приемных, депутаты побывали чуть ли не во всех думских фракциях, везде сделали доклады и, вероятно, везде им обещали содействие. Но Дума разъехалась на вакации, не рассмотрев даже тех запросов, какие еще в прошлом году по вопросу о разбойничестве были в нее внесены...

На Кавказе, стало быть, по-прежнему будет продолжаться борьба между штыком и кинжалом, при более или менее деятельном участии изворотливого «джентльмена»[12], который и к тому и к другому умеет примазаться, и от разбоев, и от искоренения их находит способы поживиться. Нет, поэтому, ничего невероятного, что в ближайшем будущем местные отношения опять обострятся до чрезвычайности. Возможны новые случаи выдающихся по дерзости и жестокости грабежей, способные привлечь к себе общее внимание. Тот же Зелимхан, так и не пойманный, уже начал подавать о себе вести. А тем временем и погромные тенденции, имеющиеся в жизни и уже проникшие в печать, могут усилиться.

С этими тенденциями, равно как и с попытками разрешить сложный вопрос исключительно военной и полицейской силой, для нас возможна лишь идейная борьба. Решаясь, наконец, принять в ней участие, я надеюсь, что читатели извинят мне недостатки дальнейшего изложения, его длинноту и нестройность, пробелы и другие изъяны. Думаю, что эти недостатки не помешают им схватить общий смысл картины, которую я попытаюсь набросать, и уяснить себе сущность острой проблемы, какая в лице кавказского разбойничества давно уже стоит перед русской государственностью. Все заставляет думать, что разрешить эту проблему, при нынешнем своем строении, последняя совершенно не в силах. Под заглавием: *разбойничество и борьба с ним* разыгрывается, в сущности, тяжелая и затяжная культурно-историческая драма. И эта драма, в которой не мало уже пролито крови, тем большего требует к себе внимания, что, как уже сказано, она легко может на наших глазах превратиться в массовую трагедию.

III

В Терской области, о которой исключительно будет идти речь в дальнейшем изложении, насчитывается 1.060 тыс. жителей; в том числе: туземцев 606 тыс., казаков - 222 тыс., прочих русских и других культурных национальностей-232 тыс. Туземцы делятся на целый ряд народностей; численность их такова:

Чеченцы .....227 тыс.
Осетины……....124 „ Кабардинцы……..99 „
Ингуши……..……53 „
Кара-ногайцы…….…36 „
Кумыки……31 „
Остальные горцы……36 „

Самыми разбойническими, по мнению местных жителей, являются два родственных племени: ингуши и чеченцы. Что касается кара-ногайцев, например, то это - «смирный народ», им и самим немало приходится терпеть от беспокойных соседей.

Пригнетенные и запуганные хищниками-чеченцами, арендующими соседние участки под видом мирного промысла,- пишет г. Ткачев,- они не только боятся жаловаться, но со страхом передают даже один на один о своей доле.

- Как можно - убьет!- говорили они, пугаясь, атаману отдела, который посетил их в прошлом году и расспрашивал об обстоятельствах краж и виновных.

- Ты уедешь, а он убьет! Придет и убьет, если узнает. Чтобы добиться, кто его грабитель, нужно было обещать кара-ногайцу, что чеченца не станут преследовать. Зная наши „законы", кара-ногайцы были уверены, что из „преследования», ничего не выйдет, а им все равно отомстят, если не сам вор, то его товарищи.

Кумыки - тоже «смирный народ» и тоже предпочитают сами ладить с чеченцами, откупаться от них или охранять себя силой оружия, не очень полагаясь на русское начальство, которое, по их мнению, покровительствует разбойникам.

«Осетины - по словам г. Ткачева - наиболее просвещенный из туземных народов». И это - общее мнение, основанное, между прочим, на том, что из всех горцев только осетины имеют свою письменность. Есть на Северном Кавказе и еще «просвещенный» народ, значительно опередивший другие племена в культурном и государственном развитии. Это – черкесы. Впрочем, черкесы, известные под этим именем, не пожелали остаться под русским подданством и после упорной борьбы, в первой половине минувшего столетия, в значительной своей части переселились в Турцию. В России остается, однако, значительная ветвь черкесского племени – кабардинцы. И это...

- Благородный народ, чистый, деликатный... С ними мы куначим,- говорил мне казачий офицер, входивший в состав вышеупоминавшейся депутации.

«Кабарда была и поныне еще остается для горцев школою хорошего тона и манер. Все горцы Северного Кавказа, а за ними и казаки заимствовали у кабардинцев форму одежды, вооружение, посадку на коне и т. д.» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона). Куначить с кабардинцами казачьим офицерам тем легче, пожалуй, что у этого сильно дифференцированного племени (11сословий) имеется свое дворянство и даже несколько его степеней. Земельный строй Кабарды напоминает казачью общину. Помимо наделов, какие отведены аульным обществам, и поместий, какие вырезаны высшим сословиям, имеется земельный фонд, принадлежащий всему кабардинскому народу. Распоряжается

этим фондом народное собрание. Из доходов с фонда последнее ежегодно ассигнует несколько десятков тысяч рублей на стипендии в средних и высших учебных заведениях. В последнее время кабардинцы вместе с казаками задумали даже строить железную дорогу, и кабардинское народное собрание постановило взять акций на 100 тысяч рублей. Но из этого предприятия, по-видимому, ничего не выйдет, так как правительство, оберегая интересы общества Владикавказской железной дороги, для которой новое дитя явилась бы конкурирующим, вот уже два года тормозит это дело. Между тем, постройка новой дороги - дело, конечно, не Бог знает какое, но все-таки более, казалось бы, полезное, чем грабежи и военные экспедиции. Такое дело и для Кабарды было бы далеко не лишним.

Надо сказать, что все эти характеристики - «смирный>, «просвещенный», «благородный», - употребляемые в применении к горским народностям, имеют условный смысл. Не следует забывать, что в основе их лежит местная мерка, что для сравнения берутся, с одной стороны, ингуши, а с другой - казаки. Таковы ведь кавказские минимум и максимум мира, просвещения и благородства. Каковы эти качества в действительности,- читатели не затруднятся, конечно, себе представить. Тех же, например, «просвёщенных» осетин мы и по нашим внутренним отношениям знаем: немало ведь их служит стражниками у русских помещиков. И нельзя сказать, чтобы крестьяне находили особенно значительную разницу между ними и чеченцами.

К сказанному нужно прибавить, что «порочные люди», как они называются в официальных документах, в значительном числе имеются в составе всех кавказских народностей, - в частности, как увидим дальше, среди русского и казачьего населения. Г. Вербицкий, в результате всех

своих военных экспедиций и полицейских розысков, пришел даже к убеждению, что искоренить туземное разбойничество было бы, пожалуй, не трудно, если бы деятельными помощниками в нем не являлись русские... Таким образом, и с этой точки зрения, всю вину в разбойничестве, казалось бы, нельзя валить на ингушей и чеченцев.

Суть, однако, в том, как указывают, что ингуши и чеченцы сплошь разбойники, что дело тут не в отдельных порочных людях, как у других народностей, а в том, что это - племена разбойничьи. Надо, впрочем, сказать, что по этому вопросу имеются разногласия.

С одной стороны, репутация разбойничьих племен установилась за чеченцами и ингушами прочно и давно. Она вошла даже в справочные издания и, если вы откроете хотя бы «Энциклопедический Словарь» , то прочтете:

Воровство скота и грабеж проезжих по дорогам составляют племенную профессию ингушей.

Не менее определенная характеристика дается в том же словаре и чеченцам:

В обыкновенное время идеал чеченцев - грабеж. Угнать скот, увести женщин и детей, хотя бы для этого пришлось ползти по земле десятки верст и при нападении рисковать жизнью - любимое дело чеченца. Самый ужасный упрек, какой может сделать девушка молодому человеку, это сказать ему: «убирайся, ты даже не способен угнать барана».

Таково резюме имеющихся в литературе сведений об интересующих нас народностях.

Но, с другой стороны, имеются данные, заставляющие думать, что дело в данном случае не в воззрениях, нравах и даже профессии целых племен, а в отдельных, как и у других народностей, «порочных людях», от которых прежде и больше всего приходится терпеть самим же ингушам и чеченцам. В подтверждение этому ссылаются на суждения съездов, имевших место по вопросу о разбойничестве. Так, в протоколах Червленского съезда, между прочим, значится:

Чеченцы высказали, что... они такие же бедствия, как и русские, терпят от тех же порочных своих сочленов,

воров и абреков.

Съезд в Устар-Гордое, состоявший только из чеченцев, закончил свое постановление такими словами:

Если начальство не оградить нас от абреков и воров, то нам нет возможности к дальнейшему существованию.

Наконец, на областном съезде в Грозном один чеченский депутат в ответ на жалобы казаков, что им нет житья от чеченских разбойников, заметил:

- Вы терпите что? Мы терпим больше. К вам едет воровать не всякий. Наши воры, прежде чем воровать у вас, сдают экзамены у нас, в наших аулах

Не менее определенно высказывались другие представители горцев:

Мы больше самой администрации, - говорил, например, один из их лидеров,- желаем искоренить зло, потому что нам тут жить... Абреки - это люди, потерявшие чеченство. Мы их оберегать и покрывать не будем. Выработайте такие меры, чтобы освободить аулы от них.

В конце концов председатель съезда сделал даже такое резюме:

Мы здесь слышали,- сказал он,- уже не требования, а вопль (иначе не берусь охарактеризовать) наболевшей души мирных чеченцев: делайте, что хотите, рубите руки ворам, шельмуйте их позорящим наказанием, но дайте нам такие меры, действительные меры, которые избавили бы нас от воров.

Русские власти, судя по тем методам, какими они пользуются в борьбе с грабежами и разбоями, в общем придерживаются того взгляда, что все зло в порочных людях, что стоит только изловить их, и разбойничество будет искоренено. На исправление этих порочных людей власти не очень даже надеются и не прочь просто истребить их. «Против абреков,-

говорил, например, на Грозненском съезде помощник наказного атамана, генерал-майор Орбе-
лиани,- поможет только пуля». Но зато администрация верит в мирную часть чеченского населения и даже рассчитывает в борьбе с разбойниками на нее опереться. В приказах и обращениях к населению то и дело приходится встречать противопоставление разбойнической и мирной части населения. В частности, в том «Воззвании к мирному населению и разбойникам Терской области», с которым на русском и арабском языках обратился к ним г. Вербицкий, приступая к выполнению возложенной на него миссии, он писал:

Вы, храбрые племена! Слава о вашем мужестве известна по всей земле. Ваши деды и отцы храбро боролись за свою независимость, с честью бились и вы под русскими знаменами во славу России.

Но за последние годы между вами завелись поганые свиньи, которые своею нечистою жизнью пачкают, а грязными делами позорят вас. Эти отбросы ваших племен все свои силы направили на разбой и воровство, заливая краской стыда ваши честные лица. Имам Шамиль за разбой рубил головы этим свиньям, а за воровство отсекал им лапы.

Правительство наше решило положить конец всем творящимся ими безобразиям... Призываю честных людей сплотиться и перестать якшаться с ворами и разбойниками, изгнав их из своей среды и лишив их своего святого гостеприимства.

Обращаясь в том же воззвании к разбойникам, г. Вербицкий писал:

Я обращаюсь к вам, воры и разбойники! Объявляю вам, что ваше царство приходит к концу. Я поймаю вас, и те, на ком лежит пролитая при разбоях кровь, будут повешены по законам военного времени. Поэтому советую вам

помнить мои слова и отнюдь не сдаваться моим отрядам живыми, а биться до последней капли крови. Кто не трус, пусть умрет, как мужчина с оружием в руках.

Нельзя, однако, сказать, чтобы этот взгляд - деление туземцев на две части: мирную и разбойническую - систематически проводился в правительственных мероприятиях. В конечном счете последние ложились, пожалуй, главною своею тяжестью на «мирную» часть населения, а не на разбойников. Вновь и вновь убеждаясь в своем бессилии искоренить их, власти каждый раз обрушивались репрессиями на все туземное население, не останавливаясь перед поголовными карами. Программа истребления разбойников неизменно переходила в желание проучить вообще ингушей и чеченцев,- и это желание было тем сильнее, чем менее разбойники проявляли желания сдаться живыми.

То же наблюдалось и в последние годы. И нам придется иметь дело с двумя системами мероприятий, по существу однородных, но направленных против различных объектов.

Кто же, однако, в действительности повинен в разбойничестве: разбойничьи племена или порочные люди? И с чем нужно бороться: с воззрениями и нравами целых народностей или со злою волею отдельных лиц?

Легко понять, что этот вопрос является одним из основных в сложной проблеме, которая нас интересует, и я позволю себе на нем остановиться.

IV

Рассеянные по ущельям суровых гор, чеченские племена оказались не в состоянии создать свою государственную организацию. Нередко они не в силах были даже отста-

ивать свою независимость и с давних пор считались подвластными то ногайцам, то кумыкам, то кабардинцам, то, наконец, русским. Русское подданство они принимали неоднократно и неоднократно ему изменяли.

Местные деятели склонны подчеркивать эту отличительную черту чеченцев. Вот-де другие народности упорно отстаивали свою независимость, но после того, как они покорены и сложили оружие, уже не изменяют. А эти сами принимали подданство, но никогда не были верными, никогда нельзя было на них положиться. Хитрый народ, вероломный...

Можно, однако, думать, что зависимость чеченских племен от других народов была скорее номинальная. Самое большее, если они платили дань, да и то неисправно. Они числились, так сказать, в составе организации, созданной другим народом, но органически в нее не входили, жили по-старому, своею особою, племенною жизнью. Поэтому, быть может, они так легко и принимали подданство, и так легко ему изменяли.

Любопытный в этом отношении эпизод имел место в 1773 году. Ингуши отложились от кабардинцев и прислали к русским просить покровительства. Надо сказать, что за три года перед тем они уже приняли русское подданство. Но на этот раз кабардинцы запротестовали и заявили, что «ингуши древние их подданные и данники». Ингуши, со своей стороны, это оспаривали, утверждая, что они лишь временно платили дань кабардинцам (по барану со двора или на одну косу железа), но подвластными никогда себя не признавали. Русское правительство предписало местным властям не отклонять ингушей от кабардинцев, дабы не раздражать последних. Таким образом, трудно даже сказать, в чьем под-

данстве ингуши перед тем находились и даже в чьем они потом оказались. Во всяком случае, русское правительство этими подданными, по-видимому, не очень дорожило.

Горы, помешавшие чеченским племенам создать развитую общественную организацию, несомненно, помогали им в то же время охранять свою бытовую самостоятельность. Быт же этот определялся, главным образом, беспрерывными войнами, в которых они находились со своими соседями, в том числе и с теми, под властью которых считались. Войны эти отливались в форму набегов, и - кто знает?— не собирали ли ингуши и чеченцы со своих суверенов в виде военной добычи больше, чем те получали от них в форме дани[14]. Грабеж соседей, действительно, был, пожалуй, их племенною профессией.

Русское правительство уже давно начало переселять ингушей и чеченцев из гор на плоскость. Делалось это под разными предлогами: то для предоставления им более удобных пастбищ, то для того, чтобы они защищали города и укрепления от других горцев, то, наконец, в наказание за их грабежи и набеги. При этом, для удобства наблюдения правительство сводило их в крупные аулы и селило их поблизости от казаков и укреплений или, наоборот, ставило укрепления и селило казаков поближе к ним.

Выселенные на плоскость и сведенные в более крупные селения ингуши и чеченцы попадали в более благоприятные условия для общественной жизни. После этого, казалось бы, они должны были быстро развить собственную общественную организацию или приспособиться к чужой, в которую попали. В действительности, однако, ни своей они не развили, ни с чужой не сроднились.

Все заставляет думать, что не только общегосударственные институты, но и местные, специально даже для горцев созданные, продолжают до сих пор оставаться для них чем-то внешним, находящимся вне всякой связи с их бытом, моралью и правосознанием. Если бы не принуждение,

то, конечно, они не стали бы ими и пользоваться. Зато они крепко держатся за те первобытные институты, до которых развились, когда были еще горцами неизвестного подданства. Отмечу некоторые из таких институтов, играющие видную роль и в том комплексе явлений, который нас в настоящий раз интересует.

На первое место следует в этом случае поставить кровничество, институт родовой мести, сохранивший у ингушей и чеченцев почти всю свою силу. Государственная организация, в составе которых они числятся, давно уже взяла на себя охрану жизни своих граждан и имеет для этого детально разработанный кодекс постановлений и развитую сеть учреждений. Но для горцев эти постановления и учреждения - ни к чему. Основная задача общественности у них разрешается совершенно иначе,- первобытным способом, свойственным не государственному, а родовому быту.

Если один горец убил другого, то родичи последнего берут на себя задачу наказать убийцу или, если это невозможно, то кого-либо из его родичей,- т. е, убить их или как-нибудь иначе отомстить им. Это - их право, их нравственная обязанность и, если бы они уклонились от ее выполнения, то совершили бы, по понятиям родового быта, бесчестный поступок, даже преступление. С государственной же точки зрения они будут считаться преступниками, если ее выполнять...

Осуществленная месть легко может вызвать и неизбежно почти вызывает ответный акт со стороны родичей того, кто явился ее объектом. В конце концов, эти счеты между родами могут совершенно запутаться, и они окажутся в непримиримой вражде между собою. Не только родовая, но и племенная вражда, как можно думать, заключает в себе много элементов той же кровной мести.

В «Материалах для новой истории Кавказа» Буткова имеется рассказ о чеченце, который, потеряв в сражении своего брата, ехал прямо в селения Моздокского полка, чтобы убить кого-нибудь из русских,- ехал, очевидно, подчиняясь велению властного долга, готовый на неизбежную почти смерть. Крайне характерно, что и Зелимхан объясняет свою разбойническую деятельность мотивами родовой и племенной мести. Так, в письме к своему единоверцу, офицеру Донугаеву, он, между прочим, пишет (орфография сохранена – В.Ш.):

Теперь сообщаю Вамъ, что я убивалъ Начальство, что они незаконно сослали моихъ бедныхъ люде сибиръ, сейчасъ находится моихъ бедныхъ не винныхъ людей себире 9 человекъ. Потомъ бытности началькомъ Грозненскаго Округа Полковника Попова, Грозномъ былъ бунтъ и за гордость свои начальство и войска убивалъ тамъ бедныхъ людей, но я тогда узнавъ чемъ дело, собралъ свой шайка и ограбилъ поездъ кади-юрте, и убивалъ поезде русскихъ людей за местью. Потомъ былъ кандированъ какой-то Полковникъ Вербицкий для поимки меня, какъ теперь Вы... Вербицкий началъ по Терской области свой неправильный действий, первымь долгомь Вербицкий напалъ съ своимъ открытый базаръ селений Гудермесъ и убивалъ тамъ Базари бедныхъ людей, но высший Начальство действий не правильный Вербицкого Начальство смотрели нахорошаго и оставили какъ хорошии, такой страшный действий сделанной Вербицким одинъ часъ, я 10 летъ абрекомъ, и то не сделалъ, Вербицкий убивалъ бедныхъ, онъ только одинъ действий это былъ селъ Цорхъ Назрановскаго Округа. Тогда я собой взялъ свой шайка и приготовился напасть Кизляръ на отмщений Вербицкого зато что онъ былъ атаманомъ Кизлярскаго отдела и далъ Вербицкому передъ томъ знать я еду Кизляръ...

О некоторых из «неправильных» и даже «страшных» действий, о которых упоминает в этом письме Зелимхан - как например, о бойне, какая была устроена в Гудермесе, или о деле при сел. Цорх, с полным уничтожени-

ем потом последнего, - мне еще придется говорить в дальнейшем. И читатели увидят, что эти действия властей действительно могли пробудить потребность в мести, в особенности среди горского населения, которое считает таковую своим гражданским долгом. Можно думать, что и вообще жестокость, проявляемая властями в борьбе с разбойничеством, - и тем более жестокость, не различающая правых от виноватых, и получающая нередко характер той же племенной мести, - лишь подливает масло в огонь. Как бы мы ни отнеслись к объяснениям Зелимхана - поверим или нет его искренности, - в глазах туземного населения выставляемые им мотивы, несомненно, имеют большое значение, придавая его разбойническим подвигам идейную окраску и даже возводя их на степень общеплеменного дела. Но и помимо этого, институт родовой мести в кавказском разбойничестве играет видную роль: многие случаи убийств и грабежей совершаются на этой именно почве и таким образом являются в глазах горцев не только нисколько не позорящими, но и вполне правомерными актами.

Кровничество вообще очень сильно влияет на местную жизнь и кладет свой отпечаток, можно сказать, на весь быт туземного населения. Взять хотя бы его воинственность, нахождение под оружием. Это ведь не прихоть, не щегольство, не пережиток; это суровая необходимость, в особенности для тех, у кого имеются кровники: ежеминутно на них могут напасть и убить, если они не сумеют защитить себя. Но если даже кровников нет, то они могут ведь во всякий момент у каждого появиться. Его родич подрался и ткнул кого-то кинжалом, и с этого момента ему уже грозит смертельная опасность. Не трудно понять, что уже поэтому только нелегко осуществить план обезоружения горцев, с которым носятся националисты. Какие бы суровые кары ни

назначала государственная власть за хранение и ношение оружия, эти кары будут все-таки меньше, чем опасность лишиться жизни, да и уклониться от них, пожалуй, легче, чем от мести кровников.

В жизни, несомненно, имеется тенденция смягчить этот жестокий институт. Так, в некоторых случаях практикуется уплата кровных денег родичам убитого, чем и предупреждаются акты мести с их стороны; устраиваются примирения враждующих родов, чтобы сразу прекратить счеты между ними; у ингушей, по свидетельству одного из их представителей на Грозненском съезде, имеются даже особые суды для примирения кровников,- конечно, не признаваемые властями. Но этот процесс эволюции протекает все-таки очень медленно, - и, может быть, потому именно, что втиснутый в рамки государственной организации быт горцев лишен возможности свободно развиваться.

Само собой понятно, что государство к кровничеству относится безусловно отрицательно. Может быть, оно и было бы в состоянии довольно скоро вытеснить его своими институтами, но для этого необходимо, конечно, чтобы новое право, которое оно вводит, было действительно правом, а не произволом, и чтобы учреждения, которым оно вверяет личную безопасность, действительно ограждали ее. Но этого-то и нет в данном случае. В результате отрицательного отношения государства к институту, с которым сжилось население, получаются, благодаря этому, тяжелые осложнения и неразрешимые коллизии.

Представьте себе, что один горец убил другого. Допустим, что он убил кровника, т. е. совершил с его точки зрения правомерный акт, хотя и чреватый тяжелыми последствиями. Но эти последствия в его глазах тоже правомерны, и он готов нести их: он и все родичи его отныне будут во

всякий момент готовы к самозащите. Рассчитывая на свою храбрость, силу и бдительность, они продолжают жить по-прежнему. Но в этот момент является на сцену государство в лице своих агентов и говорит убийце: ты совершил преступление и я с тобою расправлюсь по-своему. Эту расправу горец не считает даже правомерной, но уклониться от нее ему трудно. Ему приходится, таким образом, спасаться не только от кровников, но и от полиции.

Продолжать жизнь по-прежнему для него совершенно уже немыслимо. И он делается... абреком: порывает с прежним образом жизни и дает обет ничего не страшиться. Все равно, ведь, ему так или иначе, но погибать приходится. По словам местных деятелей, в абреки и идут, главным образом, люди, у которых счеты, с одной стороны, с одноплеменниками, а с другой - с государством безнадежно запутались.

Если бы убийца сдался полиции и согласился претерпеть кару, какая ему полагается от государства, то это еще не значит, что он гарантировал бы себя этим от мести кровников. Кроме того, у него остаются родичи, поручиться за безопасность которых государство, изловившее и наказавшее преступника, тоже не может. Ведь оно даже своих слуг далеко не всегда бывает в состоянии обезопасить от мести туземцев. В моих материалах имеется целый ряд крайне характерных документов на этот счет. Приведу один - письмо Вербицкого от 20 мая 1909 г., т. е. когда он находился в апогее своей силы и славы, на имя управляющего Владикавказской железной дорогой.

Многие служащие на станции ж. д., — пишет г. Вербицкий,— видели некоторые эпизоды столкновения и так как их показания были не в пользу чеченцев, то эти последние угрожают убить их... Я просил бы начальника ст. Гудермес

г. Четерикова, а если можно, и весь состав станции перевести куда-нибудь подальше, дабы не могли мстить им.

Даже всесильный Вербицкий тех, кто ему оказывал содействие, вынужден был спасать, устраивая им бегство. Тем труднее для власти обезопасить туземцев от мести их кровников, да и меньше у нее для этого охоты... И вот родичи убийцы, вынужденные полагаться только на себя, не расстаются с оружием. Они выезжают с ним за пределы своего юрта[15], да и оружие то они добыли себе «усовершенствованное». А это значит, что они совершили и совершают деяния, воспрещенные государственною властью, и, стало быть, должны почитаться «порочными людьми». Больше того. В одном из приказов генерал-лейтенанта Михеева, решившего искоренить разбойничество, говорится:

Кто после опубликования настоящего приказа будет замечен за пределами своего юрта с холодным или в своем селении с огнестрельным оружием, тот будет почитаться за разбойника и с ним будет подтуплено, как с таковым.

Мало этого:

Если кто из разбойников, - говорится в приказе г.-л. Михеева, - будет взят с огнестрельным оружием или убит, и будет установлено, что какое-либо селение его укрывало, то все жители такого селения будут лишены права ношения и холодного оружия и подвергнуты штрафу.

Сельские старшины, изобличенные в укрывательстве разбойников или оружия и непринятии мер к его выдаче, будут караться с особою строгостью.

Читатели видят, к чему неизбежно почти приходит государственная власть, которая, игнорируя институт обычного права, с азартом ведет свою линию: все жители с ее точки зрения могут оказаться порочными людьми и даже разбойниками.

Но может быть после того, как убийца будет взят государственною властью, родичи убитого, удовлетворенные этим, откажутся от мести? Но этого нет и быть не может. Во-первых, не так легко население отказывается от того, с чем оно сживалось веками; во-вторых - и в этом, быть может, главное,- государство до сих пор не воспитало в этом населении уверенности, что раз оно берется за дело, то посягнувший на чужую жизнь будет непременно разыскан и наказан. Не только полицейские, но и судебные учреждения Кавказа, по общим отзывам, стоят далеко не на высоте своего назначения. Слишком многие преступники остаются неразысканными, а из разысканных - слишком многие безнаказанными. Происходит это отчасти в силу корысти, но, главное, благодаря страху,-страху перед той же местью, т. е. благодаря боязни «нажить себе кровников».

- Господи! - говорил один из приезжавших в Петербург депутатов:- хоть бы нам суд присяжных дали. Все бы двенадцать-то человек не так боялись. Да и разобраться лучше бы в наших делах сумели...

Разбираются же назначенные судьи, иногда очень мало знакомые с местным бытом и вовсе незнакомые с местными наречиями, действительно неважно. Дела туземцев вершат, в сущности, переводчики, - люди, по общим опять-таки отзывам, особенно доступные корысти и страху.

Я видел коронный суд - говорил на Грозненском съезде представитель одного из чеченских округов, г. Чермоев, - на скамье сидел, очевидно, порочный человек. Он убил и по простоте влопывается своими ответами. Находящийся на суде переводчик, более развитой, является как бы адвокатом подсудимого, передает по-своему его показания, и от него зависит, чтобы заведомого убийцу русский суд оправдал. Тут зло было в том, что слышавшие этот процесс

40 чеченцев убеждаются в несправедливости этого суда и законов. А в действительности, ни суд не виноват, ни закон, а виноват недобросовестный переводчик. Вот другой случай. Слышу я, как про одного судебного следователя, моего товарища, говорят все, что он страшный взяточник. Я заинтересовался и спросил по-товарищески его самого. Говорит, что неправда, живет бедно. Оказывается, что переводчик этого следователя строит себе уже пятый дом на взятки от имени следователя. А в народе укореняется убеждение, что власть несправедлива.

Председатель съезда признал, что «это вопрос серьезный и он вполне назрел».

Я сам,— сказал он,— был свидетелем одного случая в Тифлисском суде, когда благодаря недобросовестному переводу переводчиков один невинный чуть не был приговорен на каторгу. И только благодаря моему вмешательству, был позван другой переводчик и истина восстановлена.

Вопрос о переводчиках считается назревшим уже десятки лет. Поэтому, нужно думать, и в данном случае председатель снял его с очереди: еще успеется...

Государственная власть не только не смогла до сих пор поставить свои учреждения так, чтобы они сами собой, своим превосходством, вытеснили устарелый и тягостный для самих туземцев институт кровничества, но и сама в затруднительных случаях не прочь на него опереться. Вот, например, какую инструкцию дал г. Вербицкий находившемуся в его распоряжение штабс-ротмистру Кужуеву (предписание от 1 мая 1909 г. № 125):

Немедленно выезжайте в Введенский округ, проверьте состав охотничьих команд, которые теперь поступают в мое распоряжение, и отберите из них лучших по снаряжению и вооружению, а главное по нравственным качествам... Следует подбирать людей в команды преимущественно из кровников абреков и Зелимхана с его шайкой, но из кровников, отличающихся мужеством и честностью.

Divide et impera![16] И если в среде туземцев уже имеется вражда, то чего же лучше: таких верных убийц, как кровники, и за деньги не найдешь... Не знаю, Вербицкому ли только пришла эта идея в голову[17], или и раньше власти кровниками пользовались. Во всяком случае, теперь это уже вошло в систему. Вот и в последнем эпизоде, о котором со-

общают газеты, кровники фигурируют: *«Два кровника, сопровождавшие отряд стражников, были посланы последними вперед для розысков Зелимхана, но попали к последнему в засаду. Допросив их и отобрав оружие, Зелимхан отпустил их с миром* – «Новое время», 7 июля 1909г.

Может быть, при содействии кровников и удастся больше истребить разбойников. Но не следует все-таки упускать из виду, что есть в этой системе и другая сторона. Если кровники помогают войскам и полиции, то и последние ведь помогают в этом случае кровникам. Какое после этого у туземцев сложится представление о государственной власти,- о власти, помогающей совершить воспрещаемое ею самою убийство? Не придут ли они к выводу, что кровничество и вообще месть вернее и надежнее всех государственных установлений? И не сделается ли после этого задача ввести их быт в рамки государственной организации еще более трудной?

V

Я отметил один из отрицаемых государством институтов обычного права, сохранивший до сих пор у горцев свою силу и играющий видную роль во всей местной жизни, в частности, и в той совокупности явлений, которая называется разбойничеством. Имеются и еще такие институты.

Укажу хотя бы на похищение женщин (умыкание невест), которое доныне практикуется среди горцев и при том не в качестве обряда только, поддерживаемого по традиции, но и в качестве акта, сохранившего свой первоначальный смысл и свой первобытный характер. Нередко та-

кое похищение разрешается кровавой схваткой между родичами невесты и ее похитителями. Да и после того, как оно состоялось, отнюдь не исключена возможность столкновения между сторонами. Вполне возможны, например, случаи, вроде следующего, имевшего место между двумя ингушами сел. Базоркинского:

Цолоев, питая вражду к Дарсигову, крикнул ему: „Это ты способствовал похищению моей сестры",- причем обнажил кинжал и стал наносить ему поранения. Дарсигов, не желая остаться у своего противника в долгу, также обнажил свой кинжал и стал обороняться от разъяpившегося Цолоева. Цолоев отделался несколькими сравнительно легкими поранениями, Дарсигов же получил настолько тяжкие раны, что к вечеру умер[18].

Правосознание туземцев мирится, однако, с этим обычаем, и он настолько распространен еще среди них, что государство вынуждено было пойти в данном случае на уступки и ослабило для горцев силу своей репрессии за посягательство в этой форме на свободу и честь частных лиц[19].

Выше я привел фразу, которой чеченская девушка выражает свое презрение: «убирайся, ты даже не способен угнать барана». Теперь читателям, конечно, ясен весь укоризненный смысл этой фразы: если ты барана не можешь угнать, то где же тебе меня похитить... Какой, в самом деле, он жених после этого? Не менее характерно и то, что объяснение в любви допускается местными нравами лишь в одной форме: при помощи выстрелов, какие ухаживающий производит перед своей возлюбленной.

Мне нечего, конечно, пояснять, насколько серьезным препятствием должны явиться эти обычаи и нравы для обезоружения туземцев. Отказаться горцу от оружия,- да ведь это значит остаться, быть может, совсем без жены, которую с

голыми руками, пожалуй, не добудешь; это значит лишиться даже возможности объясниться в любви, потому что ничего, кроме выстрелов, девушка слушать, пожалуй, не захочет. Прибавьте к этому институт кровничества, заставляющий всех ходить вооруженными,- и для вас ясно станет, почему попытки обезоружить горцев - просто так, пойти и отобрать у них оружие- оканчивались крахом. И каким еще крахом! Чеченцы, когда решено было их разоружить, перешли на сторону Шамиля и почти 20 лет вели отчаянную войну, отстаивая свое право носить оружие.

Но когда государственная власть находится в руках Столыпиных, Михеевых, Вербицких et tutti quanti[20], не задумаются, конечно, эту простую попытку не раз еще предпринять. Их подчиненные, пожалуй, проявят даже особую изобретательность: подкараулят, например, когда чеченцы объясняются в любви - и тут-то отберут у них оружие. Впрочем, это не предположение только, а факт, подтверждаемый имеющимися в моих руках документами. Вот, например, рапорт заведующего командой разведчиков, штабс-капитана Ардабьевского от 25-го сентября 1909 г. за № 138 на имя начальника временно-охотничьего отряда Вербицкого:

Приход мой в Курчалой—пишет г. Ардабьевский—совпал с периодом уборки кукурузы с полей и чисткой ее. Тогда же было мною замечено, что чистка кукурузы является предлогом для свидания чеченской молодежи. На чистку приглашаются молодые девушки, на огонек стекаются парни и получается что-то вроде вечеринки, подчас все это сопровождается танцами и стрельбой. Мужчины на эти вечеринки, а по-чеченски, "Белги", приходят вооруженными, желая щегольнуть имеющимся у них оружием. Я несколько раз ходил ночью по селениям и на эти. «Белги" отобрал несколько штук оружия.

Окрыленный таким успехом, г. Ардабьевский решил предпринять специальный поход. С командой разведчиков он стал обходить по ночам одно селение за другим, неожиданно возвращаясь в некоторые из них, и тихонько подкравшись к чистильщикам кукурузы, отбирал у них оружие. Не трудно, конечно, было предвидеть какой исход могут получить такого рода операции. На обратном уже пути г. Ардабьевскому вздумалось, как оно выражается «пощупать сел. Шали».

Около часу ночи,- пишет он, - я вошел в это селение, осмотрел первое попавшееся мне собрание чистильщиков кукурузы и двинулся дальше; в это время на южной окраине селения раздался выстрел и, по определению чинов отряда, выстрел этот был произведен из 3-х линейной винтовки. У меня сейчас же явилось желание захватить это ружье вместе с хозяином его, а потому, в полнейшей тишине, двинулся с отрядом по улице в направлении слышанного выстрела...

По всем правилам военного искусства отряд окружил собрание чеченской молодежи и атаковал его. Началась стрельба. *«У меня - пишет г. Ардабьевский,- мелькнула мысль: своих перебьют, а потому крикнул:* ***прекратить стрельбу****. Стрельба смолкла»*... Но дело было уже сделано: винтовка отобрана. Правда, и чеченец, имевший ее, убит. Но г. Ардабьевский интересовался, главным образом винтовкой и он подробно описывает, в каком виде достался ему этот трофей:одна или две пули, выпущенные разведчиками, попали в хвост ствольной коробки и шейку приклада и отбили хвост, погнули на сторону коробку и разбили вдребезги шейку приклада, вследствие сего винтовка эта в дело не годится.

Но аульный старшина осмотрел и убитого чеченца, «причем в трупе оказалось шесть пуль: три в груди, две в

правой руке и одна в голове». Вот тебе! Не ухаживай за девушками...

Вернемся, однако, к самому обычаю добывать жен при помощи оружия. Неудобства этого способа, можно думать, достаточно хорошо уже сознаны горцами. Во многих случаях похищение женщины является уже только обрядом, в действительности же ее приобретают при помощи калыма, т. е. покупкой. Другими словами: и здесь наблюдается обычная в этом случае эволюция. Известны также попытки ингушей регламентировать свадебные обычаи. Еще в 1879, 1887 и 1890 г.г. на сходах, собиравшихся в м. Назрани из депутатов от всех селений, ими были выработаны правила, долженствовавшие сделать брак более доступным и таким образом ограничить тайный увоз девиц, предпринимаемый нередко в видах уклонения от платежа калыма. При других условиях эта эволюция могла бы, вероятно, сделать еще более значительные успехи, но мы и до сих пор должны считаться с кровавыми столкновениями из-за женщин...

Из-за женщин, а вместе с тем и из-за имущества... Похищая себе жену и уклоняясь при этом от уплаты калыма, горец завладевает ведь значительною, по местным понятиям, ценностью,- завладевает путем военной хитрости, а то и прямо при помощи оружия. Раз туземное правосознание мирится с такими фактами, то, очевидно, и вообще к завладению чужим имуществом оно относится несколько иначе, чем относится, например, русская государственная власть, считающая вооруженное воровство, грабеж и разбой самыми тяжкими посягательствами на имущество. К сожалению, правовые воззрения горцев в этой сфере остаются до сих пор совершенно не изученными. Внутренняя жизнь чеченцев,- как пишет г. Ткачев,- нам совсем неизвестна, но это не мешает ему со спокойною совестью настаивать на усилении репрессий. Не мешает это и администрации принимать свои меры.

Последняя исходит из такого положения: «нет и не может быть такой веры, которая допускала бы воровство и грабеж» (выражение одного из официальных документов). Не допускает их и вера горцев. И вот мы встречаем постоянные ссылки на шариат, по которому-де за воровство полагаются еще более тяжкие кары, чем по русским законам.

В действительности, однако, дело обстоит не так просто. Далеко не всегда и не во всем правовой кодекс народа - писаный или неписаный - совпадает с его верой. Если бы сравнить, например, русский свод законов с Евангелием, то, несомненно, между ними оказалась бы очень большая разница. У горцев же и вера довольно неопределенная.

В древности ингуши и чеченцы были христианами, о чем свидетельствуют остатки церквей и часовен, имеющиеся в горах и до сих пор в большей или меньшей мере почитаемые туземцами. Когда я служил в солдатах, то среди последних существовала уверенность, что, по временам, можно слышать колокольный звон в горах, что и теперь там еще имеются церкви. У ингушей были даже мощи, остававшиеся, по существующему у них преданию, нетленными в течение 200 лет и испортившиеся, когда пришли русские. От этих мощей сохранились около м. Назрани скелеты, до сих пор почитаемые туземцами. Мусульманство распространилось среди ингушей и чеченцев лишь в XVIII столетии. Но и от христианства кое-что у них осталось,- например, до сих пор они чтят некоторые христианские праздники. Еще больше остатков сохранилось от язычества. Таким образом, вера ингушей и чеченцев представляет, в сущности, смесь, далеко не тождественную, как можно думать, с правоверным мусульманством. Вдобавок ко всему в последние десятилетия среди ингушей и чеченцев появился целый ряд сект: сна-

чала их было две, а теперь, по словам местных людей, множество…

Но допустим, что ингуши и чеченцы - правоверные мусульмане и, как таковые, обязаны жить по шариату. Но и в этом случае вопрос о грабежах не так прост, как это кажется. Мне пришлось как-то разговаривать с г. Капельгородским, теперешним начальником ногайского народа. Это - бывший учитель, был приглашен г. Вербицким в его штаб для теоретического, так сказать, изучения разбойничества. К своей задаче он отнесся, по-видимому, очень вдумчиво и мог рассказать немало любопытного. На мой вопрос, как примиряются у горцев их религиозные воззрения с участием в грабежах и разбоях, он дал такое объяснение:

- По шариату, действительно, за воровство полагаются очень тяжелые кары. Но военная добыча не только разрешается, но и поощряется... Горцы же ходят воровать не иначе, как вооруженные, и в бой готовы вступить при всяком случае. А так,- украсть без оружия,- многие из них, вероятно, сочли бы позорным делом.

Уже это только объясняет, почему на Кавказе сравнительно мало простых краж и так много вооруженных краж и разбоев. Выясняется при этом любопытное расхождение государственной власти, стремящейся опереться на местную религию, с этой самой религией. Вооруженный грабеж по русским законам несравненно более тяжкое преступление, чем какая-нибудь кража, а по местным верованиям - это чуть ли не богоугодное дело.

Вообще, если бы эту область местных воззрений, верований и нравов, подвергнуть тщательному и вдумчивому изучению, то, вероятно, много вскрылось бы любопытного. И многое стало бы понятно. Объяснился бы, например, и такой факт, прямо ужасающий местных деятелей:

В горский словесный суд выбирали судей, и на одного из выбранных, Чока Чокмакова, был сделан донос, что он сидел в тюрьме за кражу. Посланное расследовать официальное лицо донесло, что все остальные 37 избранных кандидатов - бывшие воры и судились гораздо позже Чокмакова[21]

Может быть, это самые почетные люди, потому и выбраны населением?.. Если это так, то как жестоко ошибался г. Вербицкий, когда в своем воззвании к чеченцам писал, что это «поганые свиньи, которые своею нечистою жизнью пачкают, а грязными делами позорят вас». И еще на Шамиля при этом ссылался...

Стало бы, вероятно, понятно и то, почему старшина сел. Палиевского, Генуш, о котором «все говорят, что он никогда не воровал», известен каждому ингушу, но известен под именем «многогрешного»...

Стало бы понятно и то, каким образом абреки с ничтожными по численности шайками совершают столь громкие подвиги, и в конце концов остаются неуловимыми. Оказывается ведь, что кроме «разбойников», имеются еще «соучастники». Вот что, например, сообщает г. Ткачев:

...Рассказывая об одном нападении и услышав от меня слово ***разбойник****, ингуш запротестовал:*

- Нет, какой разбойник! Он был «соучастник».

Оказалось из его слов, что это для ингуша не одно и то же.

Разбойник - так то уж разбойник; а это - «соучастник», простой, мирный человек из народа.

- Когда разбойник идет воровать или грабить, - объяснил ингуш, - многим хочется получить барыш в его деле. И они идут с ним. Это соучастники.

- Но это не разбойники,- говорил он,- это мирный

народ. Всякому хочется попользоваться...

И у прославленного Зелимхана, по имеющимся сведениям, шайка - тоже очень маленькая. Но когда нужно, он сколько угодно может найти себе сподвижников.

Туземцы отличают *разбойников* от *соучастников*, а властям они то кажутся на одно лицо, то соучастники принимаются ими за мирное население, ненавидящее разбойников.

Если бы, повторяю, отношения горцев к различным формам и видам посягательства на чужое имущество подвергнуть вдумчивому и тщательному изучению, то, несомненно, вскрылось бы много любопытного. Возможно, что удалось бы даже установить некоторые закономерности, за которые и можно было бы ухватиться. Даже те отрывочные материалы, какие имеются в моем распоряжении, дают право говорить о некоторых нормах и даже об институтах в этой области, выработанных жизнью.

Вот, например, передо мною лежит прошение 18 жителей сел. Бамат-Бек-Юрта Хасав-Юртовского округа, поданное ими Вербицкому 5 июня 1909 года. Просителирусские, прибыли они из внутренних губерний в 1901 и 1902 годах и в 1903 г. Терским областным правлением были зачислены «коренными жителями» с отводом им надела в с. Бамат-Юрте. Другая половина жителей этого селения - чеченцы. Русские переселенцы имели, таким образом, возможность и время присмотреться к последним. И вот что они пишут. Среди их односельцев - чеченцев не замечены ими в грабежах только двое. Перечисляя все обиды, какие они претерпели от своих соседей, авторы прошения, между прочим, рассказывают следующий случай:

...В 1903 г. выкрадены с база посредством пролома стены пара быков у Дениса Чепурного ночного времени (так в тексте – В.Ш.), следующего дня все туземное общество явно делилось говядиною по ровному паю каждому. Мы удостоверились, что производится подел говядины с быков Чепурного, о чем доложили бывшему начальнику 1 уч. Масальгову, который предложил туземному обществу уплатить

Чепурному деньги за быков, то туземное общество без всякого принуждения добровольно изъявило желание уплатить деньги Чепурному по стоимости быков и об этом предмете постановили приговор; когда же приговор приводился в исполнение и туземцы слаживали деньги за быков, то в присутствии нашем решили: что с двоих не следует требовать платы, так как таковые не участвовали в краже и не получили паев говядины.

Как видите, грабеж в данном случае - дело мирское. И в этом деле имеются свои правила, соблюдается даже своя правда...

Имеются свои правила и в охране имущества от посягательства на него со стороны грабителей. Даже институты специальные для этого выработаны жизнью. Возьму хотя бы институт ответственных караульщиков. Вот, что писал, например, шт.-кап. Вакуловский начальнику экспедиции Вербицкому в рапорте своем от 25 апреля 1909 г. за № 26:

В колонии Гнаденбург и на многих хуторах по правому берегу Терека и притоку его Курпу, как-то хутора: Ганжумова, Сухоцкого, Василенко, Некрасова, 2 хутора Маздева, Денежкина и Ахловского состоят ответственными караульщиками ингуши сел. Кескема и Сагопша. Получают эти караульщики от обществ за охрану довольно большие деньги. Так колония Гнаденбург платит 900 руб. в год, хутор Сухоцкого - 450 руб., Ганжумова - 300 руб. и т. д. Из расспросов у самих же охраняемых мною выяснено, что охрана караульщиков состоит в том, что они в случае воровства лошадей и рогатого скота на охраняемых ими землях, находят всегда ворованное и возвращают потерпевшим, взимают с них еще за хлопоты по несколько рублей.

Надо сказать, что таких ответственных караульщиков имеют не только русские, но и туземцы. В моих материалах

имеется приговор Базоркинского (ингушского) сельского общества о найме караульщиков и формальное условие, заключенное с последними уполномоченными общества. Согласно этому условию, караульщики отвечают за кражи скота, лошадей и прочего имущества, совершенный из селения в ночное время, если эта кражи совершены со взломом, а также за воровские следы, если они будут доведены на юртовой надел и нести ответственность за украденное приходится обществу. В условии предусмотрены и другие виды краж. Например, за арбы и другие экипажи караульщики должны отвечать и в том случае, если они будут украдены без взлома; отвечают они и за кражи у приезжих к жителям гостей, но за кражи у лиц, «временно оседло проживающих в селении» они не отвечают. Общество со своей стороны обязалось, если при преследовании караульщиком злоумышленников он убьет кого-либо из них, то уплатить за него 310 руб. кровных денег, а также, если караульщик будет убит и убийцы его не будут обнаружены, то уплатить родителям караульщика такую же сумму. Словом, все предусмотрено - даже взаимные отношения между караульщиками регламентированы. Плата назначена по условию старшему караульщику 20 руб. в месяц и восьми младшим - по 11 руб. 25 коп.

Надо сказать, что ответственные караульщики прекрасно справляются с делом, за которое берутся. Порою, как говорят, они оказывают прямо магическое действие. Г.Ткачев передает, между прочим, такой случай:

Когда начальнику округа стало известно, что караульщик хутора, ингуш, лечится где-то от раны и его нет около трех месяцев, и он спросил, кто караулит хутор, то хуторяне отвечали, что отсутствующий караульщик сказал им, что он оставляет на хуторе свою шапку, которая

предупредит их от краж и грабежей и что в действительности в хуторе за время отсутствия этого караульщика не было краж и грабежей... Является вопрос, - гово-

рит г. Ткачев, - каким образом шапка ингуша может охарауливать целое поселение?

Подобным же вопросом задается и шт. кап. Вакуловский в вышеупомянутом рапорте. *«Такое положение вещей, - пишет он, - по моему мнению, ненормально. Немыслимо одному и редко двум человекам охранять участки земли, часто разбросанные за несколько верст, в 4-5 тыс. десятин и отвечать за пропажу на них, не зная самому всех воров и не будучи с ними в сделке»*.

Вполне возможно, конечно, что в «племенной профессии» чеченцев и ингушей происходит эта именно своеобразная эволюция: вместо спорадических военных набегов на соседей, они начали облагать их регулярною данью. И для этого «разбойники» становятся «караульщиками»... Но это только предположение, и заняться выяснением того, насколько оно основательно, я не имею возможности. Мне хотелось лишь отметить, что в интересующей нас сейчас сфере местных отношений имеются свои, как я выразился, «закономерности». И их далеко нелишне было бы изучить. Тогда, быть может, удалось бы для борьбы с разбойничеством найти более твердую почву, ухватившись за то, до чего население уже дожило, что оно уже выработало.

Но власти, если и натыкаются на такие закономерности, то только случайно. А, наткнувшись, хотя бы на тот же институт ответственных караульщиков, относятся, конечно, к нему резко отрицательно.

«С своей стороны, - пишет Вербицкий на рапорте Вакуловского, - считаю ответственных караульщиков страшным злом для области». И «население в большинстве - по его словам - держится такого же взгляда». *«Необходимо запретить населению, - продолжает г. Вербицкий, - нанимать таких караульщиков вообще, а русским и немцам особенно*

следует запретить нанимать сторожей - туземцев». У г. Вербицкого, как у начальника экспедиции по искоренению разбойничества, имелся в этом случае и свой расчет: тогда можно будет больше наловить грабителей. *«Можно с уверенностью сказать,- пишет он генералгубернатору,- что большинство из них (караульщиков) поселится снова в своих аулах и по привычке продолжая воровать, очень скоро будут представлены своими обществами к выселению»*. План, пожалуй, верный: сначала лишить людей заработка, заставить их вернуться к «привычному» воровству, а потом поймать и выселить.

Из книжки г. Ткачева видно, что требования об удалении ответственных караульщиков уже предъявляются к населению, т. е. план г. Вербицкого осуществляется. Но из той же книжки видно, что в некоторых случаях население умоляет оставить им ингушей-караульщиков, так как иначе от грабежей не спастись: и воинская команда, по их словам, не помогает, и казачья тоже, а при караульщикеингуше - все спокойно.

Можно, однако, понять, и точку зрения г. Вербицкого. Не может же в самом деле государство, наткнувшись на организацию, вроде ответственных караульщиков, примириться с ее существованием. Оно, конечно, вправе сказать им: воры или не воры вы, но убирайтесь! Охранять собственность - это моя задача...

Но в таком случае оно, конечно, должно эту задачу выполнить и дать населению лучшую охрану, чем какой являлись для него ответственные караульщики. Но что, если данная им охрана окажется не лучше, а пожалуй, в некоторых отношениях и хуже не только ответственных караульщиков, но даже воров и разбойников?..

VI

Как искореняют разбойников на Кавказе.VI. Инструкции, данные отряду Вербицкого, и отклики на них. VII. Набег на Гудермес. VIII. Поиск капитана Дудникова. IX. Как ограждалась жизнь населе-

ния. X. Как охранялось его имущество. XI. Г. Вербицкий в перспективе.

Временно-охотничий отряд для уничтожения разбойничества в Терской области был сформирован приказом от 7 марта 1909 года. *«Уничтожение» понималось при этом буквально - чересчур даже буквально. «Нам нужно помнить,- говорилось в инструкции, данной отряду, - что наше дело не пугать разбойников, идущих на разбой, а истреблять их, по возможности до одного, чтобы не повадно им было в то время, когда действует отряд, разбойничать и проявлять пренебрежение к нам».* Поэтому:

«Если разбойники засели в сакле, то в саклю отнюдь не бросаться, а засев от сакли подальше, занять их огнем; засесть надо так, чтобы можно было стрелять по выходам (по дверям, по окнам) и наискось: тогда разбойник в нас из сакли попасть не может. Один из выходов, устроив против него засаду, оставить без обстреливания и стараться таким образом выманить разбойников туда, чтобы бежать, и как только они из сакли будут выскакивать - подстрелить. Если выманить разбойников из сакли не удастся, то, заняв огнем с одной стороны, с другой - поджечь саклю. По мере того, как они будут выскакивать - убивать...».

Аналогичные инструкции даны были отряду и для всех других случаев (на случай встречи с «подозрительными людьми» в поле или лесу, при сопровождении захваченных лиц к месту заключения и т. д.). Вообще, *«всякий меткий выстрел, - наставлял г. Вербицкий, – есть верный шаг к победе и, наоборот, каждый промах ободряет противника, от чего силы его удесятеряются».* Для того же, чтобы выстрелы были верными, стрелять нужно непременно в лоб:

«Каждый стрелок должен пристреляться к своей

винтовке и знать, куда именно нужно целиться, чтобы попасть в лоб противнику при всяком его положении. Для этого будет пройден особый курс стрельбы, по указанию и под руководством помощника моего, штабс-капитана Григорчука».

Впрочем, это требование г. Вербицкий считал возможным несколько ослабить. *«Разрешается попасть противнику - читаем мы в инструкции - не в средину лба, а, например, в бровь, в висок, но следует твердо помнить, что всякое отклонение вниз и вверх поведет к промаху обязательно»*. Конечно, и ниже лба имеются достаточно важные для жизни органы, но терские военачальники опасались, нет ли у разбойников непроницаемых для пуль панцирей. «Поговаривают, что Зелимхан имеет такой панцирь»... Потому-то они и решили искоренять разбойников прямо в лоб: так оно будет вернее...[22].

Одно, казалось бы, могло все-таки затруднить применение этой верной программы: на лбу ведь не написано, кто разбойник... Но это соображение, по-видимому, мало смущало терские власти. Начальникам команд была дана на этот счет такая инструкция:

«Гуманное, на первый взгляд нежелание оружием подчинять себе каких-нибудь мерзавцев или мерзавца может привести только к излишнему кровопролитию. Раз сопротивляются или не исполняют законного вашего требования, да еще вооруженные, -бейте...».

Бейте только оружием... В этом и заключается истинный гуманизм*: «люди— не скотина, и если они не повинуются словам, то против них должны быть пущены в ход штыки, шашки или пули, а не плети или кулаки»...*

Инструкции эти, очевидно, были выработаны уже за-

ранее, прежде чем приказ о сформировании отряда и о назначении его начальником г. Вербицкого был подписан. Немедленно же было опубликовано и цитированное мною «Воззвание к мирному населению и разбойникам Терской области», в котором г. Вербицкий советовал последним не сдаваться ему живыми, так как их все равно уничтожат. Таким образом, общий характер, какой должна была получить деятельность временно-охотничьего отряда, определился сразу.

И ряд лиц тотчас же откликнулся, предлагая свои услуги г. Вербицкому. *«Я люблю,— писал ему, например, один хорунжий, – эту охоту по зверю, обороняющемуся равным оружием. Условия службы последних лет создали из меня цыгана и совершенно отучили от регулярной службы»*... Поэтому он и предлагал себя в начальники летучей команды. С более скромным прошением обратился некий отставной поручик (из казаков):

Мне, как человеку, не имеющему отца, матери и семьи и находящемуся не у дел,- писал он, - жизнь не представляет особой ценности. Возможность же заслужить Ваше внимание и чрез то впоследствии снова занять подобающее мне по чину и образованию место, в котором мне бывшим генерал-губернатором было отказано, заставляет покорнейше просить Вас о зачислении меня в ряды бойцов с хищниками. Напишите, когда, к кому и в какое место мне явиться, и Вы будете иметь в своих рядах не лишнего, здорового, преданного человека ...

P. S. За неимением средств явиться могу пешим. Должностью не стесняюсь, согласен на всякую, по Вашему усмотрению, до рядового бойца включительно.

Само собой понятно, что каждое из таких лиц «вполне сочувствовало великой задаче», возложенной на Вербицкого, и горело «ревностью принести пользу отечеству». И каждый

считал себя к искоренению разбойничества достаточно подготовленным. Так, упомянутый хорунжий уже «состоял в течение года фактическим начальником летучей команды и за это время познакомился со всеми дорогами, тропинками, хуторами, кочевками и кутана-

ми[23]. *«Имею добавить, - писал он,- что действовал не безуспешно... Между прочим, имел серьезные столкновения и выходил с честью».* Другой проситель десять лет служил на персидской и турецкой границах и на Дальнем Востоке, между прочим, в пограничной страже («в безграничной краже», как он иронизирует в своем письме к адъютанту Вербицкого), и эта служба дала ему «немалый опыт, далеко не лишний в подобном деле». Но едва ли не лучше всех был подготовлен некий грозненский мещанин, подавший Вербицкому одно за другим два прошения. Он 6 лет прослужил объездчиком в казенном лесу, хорошо изучил, по его словам, места, где укрываются в летнее время абреки, встречался даже с самим Зелимханом и вдобавок ко всему сам имел «азиатскую физиономию».

Кроме того,- писал он в своем прошении, - считаю нужным доложить Вам, что я так хорошо владею чеченским языком, что... сами чеченцы даже не могут различить, что я русский, костюм я всегда ношу тоже местной азиатской формы, риск я имею тоже большой на все подвиги, даже один могу пойти, куда начальство мое прикажет, даже хотя бы к самому Зелимхану в лес. Огнестрельным и холодным оружием всех родов и систем также владею прекрасно. Все местности и трущобы... мне известны, так как я рожден здесь, на Кавказе, и доводилось мне неоднократно проходить все упомянутые места в бытность мою в лесничестве, а до службы в оном я постоянно занимался охотой по горам и лесам на всякого рода зверей

Нетрудно догадаться, на какую должность при описанных познаниях, свойствах и талантах прочил себе этот мещанин. *«Я могу,- писал он,- все секреты горцев узнать и донести Вам, в виду этого я могу быть пользительным во*

вверенном Вам отряде и принести большую пользу и интерес в поимке разбойников и заслужить себе честь и славу и быть для Вас по долгу верноподданного честным гражданином».

Просьбу эту мою,- прибавлял он, - прошу держать в секрете, ибо я рискую своей головой, и чтобы состоящие при Вас телохранители не могли бы знать, а в особенности туземцы о том, что я буду находиться на службе в Вашем отряде, это для того, дабы мне легко было бы можно пойти близко к любому абреку, а в особенности к самому Зелимхану

Не случайно, как можно думать, все эти охотники, поспешившие предложить свои услуги Вербицкому, вели цыганскую жизнь, оставались не у дел, не имели места, подобающего их чину и образованию. *«Правда, - писал, например, о себе упомянутый поручик, - репутация замарана: был под судом, сидел не раз на гауптвахте и т. п. Молодость была буйная»...*

Кое-кем из этих добровольцев,- в частности, поручиком с «замаранной репутацией»,- г. Вербицкий воспользовался и предоставил им в своем отряде места, подобающие их чину и познаниям. Но вообще-то охотников, частью, по обязанностям службы, частью, по вольному найму,- и без них у него было уже достаточно.

Чем руководились власти при найме людей в партизанские команды[24],- я не знаю. Из моих материалов видно лишь, что в составе этих команд, как потом оказалось, были даже беглые, т. е. заведомо «порочные люди», сосланные в Сибирь и самовольно вернувшиеся оттуда. Да и вообще под командой г. Вербицкого достаточно, как увидим, нашлось людей, имевших «большой риск на все подвиги»...

VII

Отряд для искоренения разбойничества был сформирован, как уже сказано, 7 марта, а 14 марта он уже со-

вершил подвиг. Для этого было достаточно приказа по отряду, даже одного только пункта в этом приказе. В нем говорится:

Предписываю начальнику команды разведчиков 84- го Ширванского полка штабс-капитану Ардабьевскому прибыть 14-го марта поездом № 11 с командой разведчиков и командой хорунжего Яицкого на ст. Гудермес, вызвать из станицы Кахановской находящуюся там на дневке 1-ю сотню 2-го Кизляро-Гребенского полка, оцепить сотней базар, а командам отобрать все огнестрельное оружие у чеченцев на базаре. По исполнении задачи возвратиться в Хасав-Юрт

Только и всего... Отдав этот приказ и дополнив его «словесными разъяснениями подъесаулу Суровецкому», г. Вербицкий «спокойно», по его словам, уехал во Владикавказ. Там предстояло более серьезное дело, и свое присутствие он считал необходимым, «так как я получил,- писал он потом в своих объяснениях - от Наказного атамана с нарочным секретные сведения о движении шайки Зелимхана к Владикавказу». *«Руководство же Гудермесовским отрядом мною было поручено штабс-капитану Ардабьевскому, человеку боевому, выдающемуся, известному своим мужеством, выдержкой и распорядительностью»*[25]. Да и задача была дана ему, не бог весть, какая: обыскать базар..., на котором скопляется до пяти тысяч чеченцев.

«Секретные сведения» о движении Зелимхана к Владикавказу оказались, как и следовало ожидать, вздорными. В Гудермесе же разыгралась история, которую, конечно, не трудно было предвидеть.

Войска нагрянули туда внезапно, даже местные власти не были предуведомлены о предстоящем обыске. Не был извещен не только аульный старшина, но и начальник

участка (становой пристав), который должен был потом догонять отряд, чтобы узнать, что это за войска и с какою целью приходили они в Гудермес. *«Предварять население Гудермеса об обыске, - писал потом в своих объяснениях г. Вербицкий,- я считал безусловно вредным, так как получил секретное сведение, что на Гудермесовский базар ожидалась шайка разбойников с награбленным скотом, который тут же и должен был продаваться»*. Поэтому же, нужно думать, не предупредил он о задуманной им операции и полицию. Да и по существу никаких предупреждений, по его мнению, не требовалось: «правила ношения оружия в области всем известны и приказ № 209 в сущности ничего нового не устанавливал, а только напоминал прежние распоряжения, которые население не исполняло, а низшая администрация не настаивала на исполнении». В действительности, однако, и напоминания гудермесовцам сделано не было. Номер «Терских Ведомостей» с приказом № 209 (о сформировании временно – охотничьего отряда), по словам самого г. Вербицкого, был получен начальником округа (исправником) лишь 13-го марта, и последний, если бы даже хотел, не имел времени оповестить о нем жителей. Таким образом, собравшиеся на базаре чеченцы не только о предстоящем обыске, но и о самом Вербицком и возложенной на него миссии не имели ни малейшего понятия. В базарную толпу, не ожидавшую ничего подобного, вдруг ворвались солдаты, казаки, партизаны...

В моих материалах имеется протокол полицейского дознания, составленный на следующий день начальником участка, г. Берздниевым. Вот, как изображается в нем эта картина со слов почетных стариков и должностных лиц селения:

«Опрошенный житель селения Гудермес, мулла Муса-

Хаджи Баталов, 60 лет, очевидец начала происшествия, показал: сего числа утром я стоял около места продажи скота, где было много народа. Вдруг к толпе народа подскакали человек десять казаков с офицером в серой шапке (хорунжий Яицков), крича: давай кинжалы, давай оружие, стали таковое срывать. Многие из туземцев поспешно снимали и отдавали кинжалы; несмотря на это, офицер и казаки наносили удары плетьми и прикладами ружей в начале тем, которые не могли быстро снять кинжалы, а потом стали бить всех подряд. Народ кинулся бежать в разные стороны, и казаки поскакали далее. Я увидел лежащими на земле без чувств трех туземцев, но узнал, что они еще живы, и побежал за казаками, которые продолжали бить и срывать кинжалы. Многие от ударов падали...».

Ту же картину нарисовал в своем показании и аульный старшина Анзор Дукаев:

Я приехал на базар для наблюдения за порядком. Вдруг услышал крик, плач детей и женщин и увидел общую суматоху народа. Подъехав к конному казаку, я узнал, что прибыл отряд для обезоруживанья. Тогда я, ходя по базару, успокаивал народ, прося быть спокойными и добровольно отдавать оружие. Когда оружие в этом месте было уже отобрано, я услышал шум в другом месте, что там бьют прикладами. Прибежав туда, увидел трех человек туземцев лежащими на земле без чувств. Видя это, спросил: что такое? А бывший тут же казачий офицер Яицков спросил: а ты кто? В ответ офицеру, что я старшина, офицер крикнул матерно: бейте его! и ударил меня три раза плетью по голове и плечу, после этого урядник стал бить плетью, а казаки - прикладами ружей, причем, ударом плети выбили один передний зуб на нижней челюсти и два зуба расшатаны от ударов прикладами и плетьми. Я упал...

Данную властями инструкцию войска отряда усвоили, очевидно, плохо, истинною гуманностью ее не прониклись и начали, по установившемуся уже обычаю, с прикладов и нагаек. Скоро, однако, дело дошло и до огнестрель-

ного оружия... Кто начал перестрелку и даже были ли выстрелы со стороны туземцев, установить по имеющимся у меня документам довольно трудно. Если свести довольно противоречивые на этот счет показания воедино, не заподозревая ничьей добросовестности, то наиболее вероятной представляется такая картина. В одном месте чеченцы окружили казака, у которого в охапке были отобранные кинжалы, и стали требовать их обратно. На выручку казаку бросились солдаты и начали разгонять толпу прикладами. Тогда некоторые из толпы бросились к плетню и схватились за колья. Солдаты начали отступать, отбиваясь прикладами и штыками. Чеченцы, однако, все наседали и, наконец, один из них выстрелил из пистолета. Тогда солдаты, по команде офицера, открыли стрельбу из ружей... Урон, понесенный войсками, как и всегда в таких случаях, был подсчитан со скрупулезною точностью,- вплоть до зазубрины, которая оказалась на штыке одного из ружей. Легко ранеными при этом подсчете оказались: один солдат и одна лошадь. Что касается чеченцев, то кровоподтеков и выбитых зубов у них не считали. По официальным данным, на Гудермесовском базаре было убито трое и ранено десять туземцев. По слухам же, занесенным и в официальные документы, раненых было больше, но чеченцы успели развезти их по своим аулам...

Ни одного, однако, разбойника войска при этом не уничтожили. Шайки, о которой г. Вербицкий имел секретное сведение и для истребления которой он не нашел лучшего места, как многолюдный базар, на последнем не оказалось. *«Никаких абреков с трехлинейными винтовками, - говорится в полицейском протоколе,- в то время на базаре не было и не могло быть».* Властям, видимо, однако, очень хотелось, чтобы убитые оказались разбойниками или, по край-

ней мере, порочными людьми, и, нужно думать с этою целью были затребованы справки об их «судимости, поведении и образе жизни». Сведения, однако, получились такие: под судом и следствием не был, поведения хорошего, занимался честным трудом[26]. Лишь об одном из убитых было «негласно дознано», что «лет 17 тому назад он был административно сослан на Чечень-остров»[27]…

Огнестрельного оружия при обыске было отобрано,- хотя отбиралось даже то, на которое имелись разрешительные свидетельства,- тоже немного: 6 берданок, 1 двустволка, 1 кремневое ружье и 2 револьвера. Гораздо больше отобрано кинжалов,- по начальству представлено их 98 штук,- хотя отбирать их вовсе не полагалось, и на этот счет, помимо общей инструкции войскам, отправленным в Гудермес, было отдано еще специальное распоряжение. *«Кинжалы мною отбирались, - объяснил потом в своем рапорте шт.-кап. Ардабьевский, - потому, что они обнажались против казаков и разведчиков»*. Легко, однако, понять, что отобрать 98 обнаженных кинжалов нельзя, не поранив себе рук при этом. Впрочем, как отбирались кинжалы, мы уже видели...

По мнению участкового начальника, оружие можно было отобрать у чеченцев и без пролития крови. *«Я думаю, - говорится в составленном им протоколе, - что сопротивление со стрельбою туземцев не вызвалось бы, если бы с самого начала казаки не ворвались в базарную толпу и не принялись срывать у туземцев кинжалы... и если бы туземцам было предъявлено требование о сдаче оружия, хотя бы в присутствии местной сельской власти. Во всяком случае, я нахожу, что со стороны отряда была допущена, безусловно, нетактичность»...*

В этой «нетактичности» отряд зашел, в сущности, очень далеко. В действительности кинжалов было отобрано

или сорвано значительно больше, чем представлено по начальству. При этом, как видно из объяснений г. Вербицкого, «обращалось внимание главным образом... на кинжалы под серебром». А за одно уж отбирались и другие ценные вещи. Потом и кинжалы, и вещи исчезли...

«При расследовании, - записал начальник участка в своем протоколе, - мне пришлось выслушать заявившиеся претензии следующих лиц: 1) житель селения Гудермес Дабач-Хажи-Мануко-Хажиев, занимается хлебною ссыпкою, заявил, что уже после обыска в его амбаре он вышел во двор; стоявший на углу пост из 3-х солдат задержал его и из нагрудного кармана ограбил 415 руб. 50 коп., причем, разорвали карманы; 2) житель селения Аксай Хасав-Юртовского округа Нафулла Мирза-оглы заявил, что во время суматохи казаками взято 25 новых кинжалов, привезенных им для продажи, которые в отобранном оружии не найдены; 3) житель селения Гудермес Муса Эланбаев заявил, что при обыске вместе с отобранием кинжала казаками взяты из висевшей на стене черкески серебряные газыри, которые назад не возвращены; 4) житель селения Гудермес Иса Вагабов, служащий на станции Гудермес резервуарщиком, заявил, что еще до обыска на базаре, он, идя на водокачку с машинистом Федором Матвеевым встретился с казаками, ехавшими в оцепление базара, и они отобрали у него кинжал под серебром, стоящий 25 рублей, который не был ему возвращен и в отобранном оружии не оказался...».

И т. д... Всего записано в протокол таких претензий одиннадцать. «При расследовании этих претензий,- говорится дальше, - справедливость их подтвердилась, но установить, кто именно из казаков или солдат утаил пропавшие вещи и ограбил деньги, совершенно не представилось возможным...

Таков был дебют временно-охотничьего отряда, сформированного для искоренения грабежей и разбоев... Станьте на точку зрения туземцев, и пред вами окажется определенная картина: совершенно неожиданно напали разбойники и начали убивать и грабить... *«Я 10 лет абреком,- писал потом Зелимхан,- и то не сделал такой страшный действий сделанной Вербицким один час»...*

VIII

Терские военачальники не прочь были, по-видимому, перенять кое-что у японцев. Как ловко, в самом деле, эти последние подобрались к нашей эскадре: совершенно врасплох, улучив самую подходящую для этого минуту... Да и вообще осведомленность у японцев была удивительная. Вот в чем секрет военной удачи: осведомленность и неожиданность.

Ту же, в сущности, тактику усвоил и г. Вербицкий. Раздобыв «секретное сведение», он организовал совершенно неожиданный набег - на чеченцев. Результаты только получились несколько иные... Остановлюсь еще на одной из подобных операций.

12 или 13 апреля, т. е. спустя месяц после набега на Гудермес, объехав Грозненский округ, г. Вербицкий вместе со шт.-кап. Григорчуком и подъесаулом Медяником возвращался во Владикавказ.

В том же вагоне 1-го класса,- рассказывает он,- ехал и капитан Дудников[28]. Он говорил о том, что по приезде во Владикавказ сообщит мне особенно секретные сведения об общем деле. «Очень секретно» можно было сказать тут же, в купе, но на этот раз пересекретничали.

На следующий день Дудников явился к Вербицкому и показал ему «оригинальный, начерченный чеченцем, план

или, скорее, схему долины р. Ассы», а вместе с тем сообщил и свои «особенно секретные сведения». Добыл он их довольно оригинальным путем. Впрочем, для офицера, несущего полицейскую службу, этот путь, пожалуй, не столь уж необычный.

Оказывается, как говорил капитан Дудников, он пошел с сотней в с. Хорочой, окружил кварталы родственников Зелимхана и объяснил им, что сожжет все их дома, если они не выдадут ему Зелимхана. Были даже разложены костры для этой цели. Родственники испугались, вызвали знающего человека и под присягой дали сведения...

По рассказам этих невольных и запуганных «доказчиков», семьи Зелимхана, его отца и брата жила прямо в романтической обстановке. В верховьях р. Ассы, в горах, есть единственный в той местности сосновый лес. «В этом лесу имеется большая, версты в две квадратных, поляна, а на этой поляне стоят две жилые башни, в которых и сохраняются семьи Зелимхана. Может случиться, что и сам Зелимхан будет там»...

Таковы были секретные сведения г. Дудникова. Едва ли нужно даже говорить, сколь они были соблазнительны. Кроме семейных Зелимхана, в этих башнях хранятся, конечно, и его богатства. Главное же, и сам Зелимхан может быть там... Предприятие, конечно, трудное и опасное, но есть из-за чего рискнуть.

Как оказалось, Дудников уже выпросил у кн. Орбелиани (помощника наказного атамана) роту пехоты и сотню казаков, но этого ему показалось мало, и он пришел к Вербицкому, рассчитывая, что тот со своим отрядом примет участие в экспедиции и возьмет на себя командование. Но Вербицкий заболел и сам отправиться не мог, но он взял все-таки экспедицию под свою высокую руку. Он хорошо, однако, понимал, что с Дудниковым трудно рассчитывать на удачу. «Я уверен был,- пишет г. Вербицкий, - что у Дудникова с командирами роты и сотни возникнут непременно трения». Поэтому он позвал к себе шт.-капитана Григорчука, передал ему все, что узнал от Дудникова и приказал ему вместе с

подъесаулом Медяником[29] отправиться в экспедицию. При этом:

«Я приказал Медянику, - пишет он, - приготовить предписание, в котором предлагал шт.-кап. Григорчуку, как только он заметит замешательство и вообще неправильные действия всех трех капитанов, немедленно, несмотря на старшинство, принять начальство на себя и с присущей ему опытностью в деле борьбы с разбойниками вступить в командование отрядом».

Это - тоже, как в романах..., в которых действующими лицами являются иезуиты: святой отец и при нем лакей или послушник, - другой иезуит для подглядывания. В случае какого-нибудь неправильного действия святого отца послушник вынимает бумагу из кармана и говорит: ну, теперь я буду святым отцом, а ты - послушником... *«Я не мог, - объясняет г. Вербицкий эту свою выдумку, - поехать к кн. Орбелиани и переговорить с ним о назначении кого-нибудь из более подходящих по способностям, а главное по старшинству, офицеров.* Впрочем, *«относительно нападения на отряд жителей,- пишет далее г. Вербицкий,*
- я особенно не беспокоился, так как странно было бы придавать значение, хотя бы и большому по количеству, но плохо и разнокалиберно вооруженных ингушей, которые бы осмелились выступить против отряда, как боевая сила. В горах трудно одолеть часть, которая обладает инициативой и знаниями, а ведь учимся же мы хоть кое-чему.

К сожалению, в конце концов, оказалось...»

Что, в конце концов, оказалось, мы сейчас увидим. Пока же - по порядку. Отряд выступил 14 апреля. При одной сотне и одной роте в нем было девять офицеров (три капитана, один есаул, два штабс-капитана, три подъесаула) и еще юнкер,- по крайней мере, вдвое больше, чем обыкновенно

бывает. Пройдя 12 верст и дойдя до станицы Тарской, отряд устроил дневку. Дальнейший план был такой: выйти с вечера, ночью дойти до горы Барахчи, где предполагался Зелимхан, и на рассвете внезапно захватить шайку. Дошли, однако, только до хутора Цорха.

«*Перед последним поворотом тропы, с которого самого хутора еще не видно,- писал потом в своем рапорте шт.-кап. Григорчук,- капитан Дудников предложил сделать обыск, так как получил сведение, что здесь находится постоянный укрыватель Зелимхана – Габисов и легко допустимо присутствие самого Зелимхана. Этот обыск не входил в наши расчеты... Но когда капитан Дудников на мой вопрос стоит ли всему отряду терять время на обыск ничтожного хутора и не лучше ли идти прямо к цели, оставив здесь несколько казаков при опытном офицере, ответил, что присутствие Зелимхана здесь так же вероятно, как и в Борахчи (а за последнее он и раньше не ручался), и что, имея путь через Цорх, мы обнаружим себя все равно, то и я твердо решил, что Цорх надо взять и, захватив всех его обитателей, немедленно трогаться в Борахчи... Я предложил, раз уж решено Цорх взять, не ожидать отставших... Все согласились со мной и, взяв по несколько казаков и наметив себе пункты, мы с места в карьер бросились к хутору».*

Читатели, конечно, представляют себе эту картину. Совершенно неожиданно даже для себя, «перед последним поворотом тропы», офицеры решают «взять» попавшийся им на дороге хутор, и казаки с места в карьер бросаются к саклям, дело происходит на рассвете, когда сон бывает особенно крепок. Но жизнь в области приучила население к внезапным нападениям,- и из одной сакли нападающих встретили выстрелами. Очевидно, там засели абреки... Такой случай, как мы знаем», был предусмотрен, в инструкции,

войска знали, что делать...

В непродолжительном времени перестрелка утихла, и оставалось только решить, перебиты ли абреки или затаились, ожидая удобного случая закончить достойным образом последние минуты... Посланный в расстрелянную саклю ингуш возвратился с извещением, что все убиты; тут же выскочила из сакли обезумевшая от страха и ярости женщина, которой и было приказано выносить оружие...

Для того же, чтобы принудить ее к этому, подожгли саклю. В действительности, как оказалось, убиты были лишь двое, сыновья Габисова; сам же Габисов и ночевавший у него житель селения Сурхохи Хадышко, найдены были на дворе смертельно ранеными. «Будущий зять Габисова», Бек-Султан Гониев, выскочил во время перестрелки из сакли и бросился в реку, но был убит прежде, чем достиг противоположного берега. «Дело пока шло блестяще», хотя один «зазевавшийся» казак и был смертельно ранен. Дальше, однако, начались затруднения...

Подъесаул Вертепов в своем донесении потом находил, что вся вообще экспедиция была проведена донельзя скверно. Дневка в Тарской, после 12-ти верстного перехода, была излишней и лишь повредила сохранению секрета, «цель секретного движения не достигалась: разговор, громкие команды, горящие факелы мешали». «Отряд шел без охраны, без глаз и ушей». «Как перед выступлением, так и перед действием не был обсужден план, люди не были распределены на группы и не поручены офицерам». Время движения вообще не было рассчитано, в частности для пехоты и конницы не было согласовано. Рота связала сотню, замедлила ее движение, сама переутомилась и опоздала. Когда она подоспела и вступила в дело, то в цепи не оказалось офицеров; послед-

ние остались в резерве. «При вторичной перестрелке командир сотни пошел на выручку пешком и опоздал; не имея при себе конных, он делал распоряжения через пеших посыльных, что и замедляло исполнение приказаний». «Отсутствие начальника отряда, - заключает г. Вертепов, - ярко сказалось».

Уже нападение на хутор представляло беспорядочную картину: люди перепутались, офицеры не находили себе мест, некоторые растеряли лошадей. Вот, что писал, например, шт.-кап. Григорчук в своем рапорте:

«Не доскакав шагов ста до нижней сакли, куда я держал направление, конь мой, не перескочив камней, преграждавших тропинку, полетел через голову вместе со мною, перебив при этом ложу моего ружья. Оправившись и поскакав дальше, я увидел, что сакля эта окружена даже в более чем достаточном количестве, а напротив, близь левой сакли, - беспорядочная толпа людей и лошадей; верхняя же и вовсе не оцеплена, а потому я выскакал сюда, и в эту же минуту началась стрельба. Не разбирая в точности, из какой именно сакли открыт огонь, я, подъесаул Вертепов и Медяник решили, переправившись через Ассу, обскакать со стороны леса, дабы не дать возможности абрекам уйти по Алкунской дороге. Однако от речки я увидел, что, забравшись в лес, мы вовсе лишимся кругозора; а потому, выскакав снова к левой сакле, я бросил там коня казаку и пешим побежал к верхней сакле, которая совсем оцеплена не была... Попавшийся по дороге казак уверял, что из этой сакли производились выстрелы, а потому мы бросились к ней, но, убедившись, что кроме перепуганных двух женщин и мальчугана никаких абреков там нет, я солдат оставил здесь в виде оцепления, а сам перескочил к нижней сакле, откуда все время продолжалась по нам стрельба...»

Но «все шло блестяще», пока приходилось только

расстреливать саклю... Случилось, однако, осложнение. Во время перестрелки тринадцать лошадей, напуганных беспорядочной стрельбой, вырвались у коноводов, и ушли по Алкунской дороге. По окончании «дела» в погоню за ними был послан разъезд, который в версте от Цорха попал под выстрелы. Началась новая перестрелка с противниками, которых не было видно. Во время этой перестрелки один казак был убит и два ранены, после чего стрелявшие горцы ушли, никем не преследуемые. Сначала думали, что это Зелимхан устроил засаду; в действительности, как выяснилось потом, Зелимхана в этом округе вовсе не было и перестрелку, по слухам, устроил единственный оставшийся в живых сын Габисова, который успел призвать на помощь жителей соседнего Сарали-Опиевскаго хутора. Как бы то ни было, охота идти дальше сразу исчезла, и отряд спешно вернулся во Владикавказ.

«К сожалению, в конце концов оказалось,- писал Вербицкий,- что страх смерти взявшего на себя командование отрядом капитана Дудникова парализовал силы и знания отряда и вместо того, чтобы уничтожив Цорх, двинуться на юг для овладения семьей Зелимхана, отряд торопливо пошел через роковое ущелье, где был расстрелян разъезд 1-ой сотни Кизляро-Гребенского полка, и отправился восвояси». Судя по донесению Вертепова, страх смерти охватил не только Дудникова. Описывая вторую перестрелку, он то и дело упоминает: «своим примером я не мог заставить солдат выйти из балки», «солдаты не шли за мной, оставаясь в балке», «капитан Дудников сам не идет с ротой и не пускает коноводов». «Прошло еще немало времени», прежде чем рота вылезла из балки и «показалась по одному на дистанции»...

Впрочем, идти дальше не имело даже смысла. «Особенно секретные сведения», добытые Дудниковым, оказались вздорными. *«Башни, да и вообще весь представленный вам план,- доносил потом Вербицкому Григорчук, - действительности не отвечал. По крайней мере, я слышал, что сосновые леса, поляны, и самые башни находятся не в этих окрестностях, а в направлении к хамхинскому обществу»*...

Г. Вербицкий и после этого продолжал верить в пресловутую «сосновую рощу с башнями на поляне» и только полагал, что отряд ошибся в направлении, что башни находятся не со стороны Цорха, а со стороны Доли. Поэтому, быть может, в мае месяце, выпросив у генерал-губернатора подкрепление своему отряду, он предпринял новый поход к горе Барахчи и обыскал ее со всех сторон. В своей докладной записке начальнику Терской области (от 30 апреля 1909г.) г. Вербицкий мотивировал этот подход необходимостью для поддержания престижа «устрашить население», которое «почти со времени завоевания Чечни не видело войск в их полном и грозном виде». *«Помимо желательного эффекта для населения, разведка эта, - продолжал г. Вербицкий, - может дать и другие практические результаты. Известно, например, что во многих обществах составлены приговоры о высылке порочных лиц и о выдаче оружия, но, тем не менее, все это осталось буквой, а к делу населения не приступает. Мало того, сбор числящихся за ним недоимок, податей и штрафов затягивается на неопределенное время, подчеркивая лишний раз несостоятельность администрации, и устрашающе появление всегда готовых поддержать свои законные требования оружием войск, окажется ясным и своевременным»*. О башнях в этом докладе не упоминается вовсе и лишь глухо сказано: *«Кроме того, необходимо теперь же посетить и обыскать, насколько это окажется возможным, ту глухую и мало посещаемую властями местность, где жители не постеснялись 14 апреля огнем встретить отряд»*. Доводы г. Вербицкого показались начальнику области убедительными, и он одобрил поход, найдя лишь участие артиллерии в нем излишним (даны были лишь пулеметы). Но ни башен, ни Зелимхана он не нашел. Теперь мы хорошо уже знаем, что никаких башен нет и не было. Прошлой осенью семья Зелимхана была,

наконец, найдена и захвачена. Жила она в самой обыкновенной сакле, в селении Нельхе, откуда успела бежать перед приходом войск. Последние нашли ее «*в пещере, на границе вечного снега, полузамерзшую и истощенную вследствие недостатка съестных припасов*»[30]...

Таким образом, в основе всего «поиска капитана Дудникова», как в официальной переписке называется первый поход к Барахчам, лежала, в сущности, басня. Но и за всем тем поход этот, по мнению г. Вербицкого, не был бесплодным: *«отряд, - писал он потом, - отлично преодолел все трудности чрезвычайно тяжелой и опасной дороги... и истребил всю шайку абреков и их укрывателей»*. На этот раз справок о судимости убитых, по-видимому, не собирали. Ясно ведь было и так, что все это - разбойники и укрыватели...

В результате такого рода выводов и соответствующих донесений 27 апреля был издан приказ по Терскому казачьему войску (№ 196). *«Сердечно приветствую вас, дорогие терцы, - писал в нем наказной атаман, - со славным делом у хутора Цорх Назрановского округа. Все чины полусотни как бы щеголяли друг перед другом сметливостью и выполнили возложенную на отряд задачу... Вам, живым участникам означенного дела, низкий поклон от всего Терского войска. Спасибо вам, что не посрамили казачества и седой славы предков своих... О соответствующем награждении особенно достойных г.г. офицеров и нижних чинов мною вместе с сим испрашивается разрешение»*... В числе, «прекрасно показавших себя» офицеров значится в этом приказе и «руководивший действиями полусотни казаков капитан Дудников».

Для жителей Цорха и Сарали-Опиева «поиск капи-

тана Дудникова» имел иные последствия. В моих материалах имеется копия с дешифрованной телеграммы Кавказ-

ского наместника начальнику Терской области следующего содержания:

«*26.09. Согласно вашему ходатайству разрешаю: жителей хуторов Цорх и Сарали-Опиево расселить по местам приписки и сверх того самые постройки хутора Цорх уничтожить. Номер 1599. Граф Воронцов-Дашков*».

Исполнить это поручено было поручено Вербицкому...

Таков оказался для Цорха эпилог басни о башнях. Была, очевидно, сожжена и та сакля, в которой «кроме перепуганных двух женщин и мальчугана никаких абреков не было»...

IX

«Ставится в обязанность всем начальникам команд,- говорилось в данной им инструкции,- не стоять только в известных пунктах, но постоянно делать, совершенно неожиданно для населения, набеги в различных направлениях по окрестностям своего расположения. Закладывать секреты на воровских тропах и собирать всякими способами сведения о ворах и разбойниках. Если случай укажет, то замеченных арестовывать и доносить мне, указывая причины и источники, откуда почерпаются сведения».

Таким образом, набеги, два образчика которых я привел, были не случайные эпизоды, а система. Туземное население во всякую минуту могло подвергнуться нападению, обыску, аресту. Оно не было от этого застраховано не только дома, на базаре, на вечеринке (этому я уже приводил примеры), но и в поле, на работе, в лесу, на пастбище. С какою грубостью производились подчас эти обыски, ясно из того, что в донесениях об их результатах мы встречаем такие, например, фразы: «патроны были спрятаны у же-

ны Джамбулатова между ног»[31]. Даже в такие места заглядывали и, конечно, вовсе не считались с тем, что женщина, по мусульманским обычаям, даже лица не может открыть при постороннем мужчине. В каком громадном числе производились аресты, видно, например, из того, что уже 24 марта, т. е. через 10 дней, как отряд приступил к действиям, хорунжий Яицков рапортовал Вербицкому:

«Выдача и арест порочных людей Хасав-Юртовского округа приостановлены за неимением мест в хасав-юртовской тюрьме. Помещений же помимо переполненной тюрьмы нет. В виду необходимой экстренности арестов прошу об удалении из хасав-юртовской тюрьмы лиц, отбывающих по суду наказание, в тюрьмы других городов.»

Чтобы показать, с какою легкостью, по каким ничтожным поводам производилась подчас эти аресты, приведу один эпизод, записанный в дневнике Вербицкого под 8 мая и имевший место в Ялхоройском обществе:

Пехота арестовала двух жителей хутора Анки за обман, так как один из них, при указании на найденный у него шомпол для чистки ружья, показал сначала на пистолет, а когда ему не поверили, принес кремневое ружье, сходив за ним куда-то. Потом пришел другой чеченец, его сосед и брат, и заявил сейчас же, что это ружье его. Вот за этот-то обман штабс-капитан Оже отобрал у них всякое оружие и арестовал их. Ко мне пришло все селение просить за арестованных, так как один из них „немножко мулла", он же режет скотину, а как раз нужно резать. Под конвоем муллу привели, скотину он зарезал и потом его снова засадили, пока придет штабс-капитан Оже с командой и выяснит причину ареста

Трудно даже понять в чем тут был усмотрен обман, если один брат куда-то сходил за ружьем, а другой пришел и

сказал, что это его ружье... Поэтому, быть может, г. Вербицкий и предоставил штабс-капитану Оже «выяснить причину ареста»? Начальник отряда посмеялся над тем, что арестованный «немножко мулла», доставил даже себе удовольствие посмотреть, как он режет скотину, но не счел возможными отменить безусловно незаконный арест,- незаконный не только по общим законам, но и по тем приказам и инструкциям, на основании которых действовал отряд (и которые, к слову сказать, вовсе не были объявлены, как установил г. Вербицкий, жителям этого участка). *«Наслышавшись о Ялхорое самых невероятных рассказов по дороге,- читаем мы в том же дневнике,- я решил остановиться здесь и придавить ялхоройцев так, чтобы они долго помнили прибытие отряда».* Может быть, и эти двое были оставлены под арестом, чтобы ялхоройцы лучше запомнили «карающую силу»?

Но не в Ялхорое только имели место подобные аресты. «Оставить под арестом впредь до выяснения причин ареста» - эта бессмысленная, на первый взгляд, но крайне характерная для русского режима фраза, только что промелькнувшая перед читателями, не раз встречается в лежащих передо мной документах. Аресты на этом основании практиковались отрядом очень широко. Когда же общая администрация, которой передавались арестованные, требовала надлежащих постановлений о каждом из них, то обращались к содействию начальника области. Он ведь снабжен достаточными полномочиями для этого:

«Указанных в этой переписке лиц,- читаем мы, например, в надписи от 27 апреля 1909 г. за №128 на имя вр. генерал-губернатора,- прошу зачислить за Вашим Превосходительством и посадить в тюрьму сроком на один месяц, дабы я мог выяснить все обстоятельства этого дела».

Не сказано даже какого дела… И так зачислят.

Беспрестанные набеги, повальные обыски, массовые аресты – такова была эта система искоренения грабежей и разбоев. Но если бы только это! Читатели помнят, конечно, задачу, которая была дана отряду: истреблять разбойников... Помнят и то, кто считался разбойником: «кто после опубликования настоящего приказа будет замечен за пределами своего юрта с холодным или в селении с огнестрельным оружием, тот будет почитаться за разбойника»... Помнят, наконец, и истинную «гуманность», которую должен был проявлять в своих действиях отряд: «попытки к сопротивлению чинам отряда при исполнении ими своих обязанностей считаю достаточным поводом к применению в дело оружия»... Больше того: «объезжая потом Чечню и Ингушетию - пишет г. Вербицкий, - я объявлял открыто, что кто не послушает приказания остановиться, будет убит». Если, с другой стороны, читатели примут во внимание внезапность набегов и неизбежность при этом всяких недоразумений, в особенности, когда стороны не только разно смотрят на вещи, но и говорят на разных языках, то для них ясно станет, что указанная система не могла проводиться без пролития крови.

И крови было пролито более, чем достаточно. Ее проливали, так сказать, походя:

«8-го мая,- доносил, например, шт.-кап. Перепелкин,- команда из сел. Экажево двинулась на стан. Фельдмаршальскую. Начальник команды, разделив команду на дозоры и, имея на левом фланге младшего офицера, сам же на правом, двинулся на сел. Сурхохи, предварительно объяснив цель такого движения[32]*. Не пройдя и трех верст, один из дозоров наткнулся на ингуша с револьвером Смитта и Вессона и приказал ему отдать, согласно приказу по Терской области о правилах ношения оружия. Ингуш долго отказывался от-*

дать, затем вынул револьвер из кобуры и выстрелил в урядника Тонкогубова и ранил его, затем зашел за кусты и стал стрелять в нижних чинов, но был убит и оказался жителем сел. Сурхохи Эльбертом Гогиевым; кроме Гогиева, тогда же убит житель того же селения Мухахит Аушев, оказавший сопротивление выстрелом из берданки в рядового Беспалого, а затем, когда у Аушева отняли винтовку, он бросился на рядового Мороза с целью отнять винтовку. Мороз взял его на штык»

Одна только прогулка,- и вот уже двое убитых... Имея перед собою показания одной стороны - убивавших - трудно сказать, сколько в таких случаях было подлинных сопротивлений и сколько - простых недоразумений. О только что приведенных эпизодах мы имеем два рапорта г. Перепелкина и если сопоставить только их, то окажется, что дело было не совсем так просто, как изложено в цитированном донесении. Гогиев, например, отказывался отдать револьвер потому, что тот принадлежал Сурхохинскому старшине (а должностным лицам, по правилам, разрешалось иметь огнестрельное оружие, приобретенное на общественный счет). Да и выстрелил Гогиев в тот момент, когда «конь урядника загорячился и повернулся в сторону». Может быть, не только конь, но и урядник разгорячился? И то ведь, может быть, что Гогиев выстрелил нечаянно... Еще труднее представить себе сцену, предшествовавшую убийству Аушева, который «оказал сопротивление выстрелом». Известно только, что у него «застрял патрон в ружье, и он не мог выстрелить»...

Подобные кровавые эпизоды имели место не только при обысках и арестах, но и потом - при сопровождении арестованных к месту заключения. И на этот случай дана ведь была инструкция, как вернее истреблять разбойников. При этом чины отряда, с одной стороны, предупреждались «об

их ответственности, важности преступников и особенной осторожности при сопровождении», а с другой - категорически им заявлялось, что «в отряде, состоящем из охотников и разведчиков, такого позора (как бегство арестантов) быть не должно». Чины отряда и не срамились...

24 августа, - читаем в донесении шт.-кап. Перепелкина, - оба абрека, после опознания их потерпевшим армянином из Эдиссии, были отправлены под конвоем 6 разведчиков в тюрьму в гор. Владикавказ через ст. Муртазово, но не доходя ст. Муртазова 2'/2 верст при попытке бежать, убиты.

Чукиев (арестованный),- описывает в своем рапорте поручик Голенищев-Кутузов другой случай, - попросился на двор. Солдаты остановились, а он, сделав вид будто садится, вдруг бросился к кустам, бросив свой узелок. Тотчас солдаты хватились за ним крича "стой". Видя, что в кустах он может свободно уйти, солдаты открыли огонь, после которого он скоро упал, не успев уйти. Оказалось в нем три смертельных раны в затылок и две в спину.

И в этих случаях мы должны довольствоваться показаниями убивавших. А между тем и в такого рода делах возможны недоразумения и даже еще более ужасные вещи. В других местностях, как мы хорошо знаем, таковые за последние годы бывали неоднократно. И в Терской области на этот счет, по-видимому, не без греха было. По крайней мере, среди местного населения ходили глубоко его волновавшие, зловещие слухи. Вот, например, какое прошение было подано тремя ингушами терскому генералгубернатору 5 июня 1909 года:

23-го и 24-го минувшего мая месяца чинами отряда Войскового Старшины Вербицкого около хуторов Мужич и Семиогач арестованы были родственники наши Албаст Аулугов (Чебарзаев), Оси Берлячиев (Албаков) и Саги Терпиев (Молохоев), которые, отправляясь на горные пастбища, имели при себе для защиты скота от нападения зверей оружие. Арестованные были доставлены в сел.

Сурхохи, где находятся и по настоящее время, причем об основаниях их задержания до сего времени подлежащим властям не сообщается.

В одно приблизительно время с нашими родственниками были задержаны некий Осман Дудаев (Дуда- Хаджиев) и Вураман Гумыков, возле Тарского хутора. Хотя казаки, сопровождавшие их, и говорят, что убиты были Дудаев и Гумыков при попытке бежать, но в народе ходят упорные слухи, что никакой попытки бежать сопровождаемыми сделано не было, и что убийство это произошло совсем при других обстоятельствах.

Страх за судьбу близких к нам людей заставляет нас обратиться теперь к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой приказать кому следует о принятии мер к тому, чтобы действия казаков., сопровождающих арестованных, были поставлены под какой-либо контроль, чтобы не было вновь убийства при их попытке бежать, каковой наши родственники не сделают.

Родственники наши не совершали никакого преступления, страх ответственности за которое мог бы побудить их к бегству, но ввиду упорных слухов о том, что случаи, подобные происшедшему около Тарского хутора, часто повторяются при сопровождении арестованных, почтительнейше просим Ваше Превосходительство ради человеколюбия принять меры к тому, чтобы подобные случаи, столь волнующие ингушское население и так подрывающие доверие к власти и чинам экзекуционного отряда, не нашли себе дальнейшего подтверждения.

Не о том уж они просят, чтобы людей, «не совершивших никакого преступления», освободили, а о том, чтобы их, по крайней мере не убивали, чтобы на этот счет была какая-нибудь гарантия.

Думаю, что приведенных мною данных, об этом отношении чинов временно-охотничьего отряда к жизни туземного населения уже достаточно... Впрочем, прибавлю еще одно: в моих материалах я не встретил ни одного указания, чтобы отряд спас кому-либо жизнь, предупредив или отразив нападение разбойников. Усиленная деятельность, какую проявила государственная власть по искоренению разбойничества, не только не ослабила, но, пожалуй, и усилила «беспокойство за свою жизнь среди мирного населения». И если бы это мирное население спросить, то оно, вероятно, предпочло бы обойтись без услуг Вербицкого и делегировавшей его государственной власти, остаться наедине с разбойниками…

X

И для имущества туземного населения, с появлением временно-охотничьего отряда, которому поручено было искоренить грабежи, опасности умножились.

Мне приходилось уже упоминать, что видною и ценною частью этого имущества является оружие. Не из-за щегольства только, как мы уже знаем, носит его туземец и не для разбоев только оно ему нужно. Условия таковы, что самый мирный человек нередко только силой оружия может отстоять свою жизнь и имущество от лихих людей и диких зверей. Само собою понятно, что население, желая лучше себя обеспечить, стремится обзавестись «усовершенствованным» оружием. Вынужденное приобретать его контрабандным путем, оно платит за него прямо бешеные деньги, - например, за винтовку туземцы платят по 200 — 300 рублей. Имеется немало ловких людей, которые на торговле оружием,- раздобываемом нередко в казенных складах[33],- наживают большие деньги...

И вот это-то дорогостоящее оружие войска отряда отбирали без всяких разговоров, отбирали «на законном» основании». «Оружие холодное,- говорилось в инструкции,- мы можем не замечать. Огнестрельное дедовское, т. е. кремневое и пистонное, кроме двустволок, можно оставить жителями только в домах или... когда вне дома ношение его вызывается хозяйственными надобностями, а не пустым щегольством». Но и холодное оружие, как мы уже знаем, солдаты и казаки очень и очень замечали, - особенно, если оно было отделано серебром. И с «хозяйственными надобностями» войска не очень-то считались...

Отбиралось даже то оружие, на которое администрацией дано было разрешение, которое она сама продала туземцам. При «набегах», в «почти боевой обстановке» трудно было в этом разбираться, а потом... не менее трудно было отыскать неправильно отобранное оружие. Иногда за туземцев вступались в таких случаях административные учреждения:

Житель сел. Ст. Чиркой Малочиляв Исаев,- читаем мы, например, в «экстренном» отношении управления Темир-Хан-Шуринского округа от 8 декабря 1909 г. за № 5133,-на право ношения оружия: кинжала, револьвера и берданки имеет свидетельство от 18 февраля сего гола за № 3477, выданное ему военным губернатором Дагестанской области и имеющее селу на всем пространстве Кавказского края, в том числе и Терской области. Поэтому прошу распоряжений Вашего Высокоблагородия о возвращении названному Малачиляву означенного оружия, неправильно отобранного у него начальником партизанской команды сотником Яицковым.

Но и в таких случаях, когда неправильными действиями задеты бывали близкие администрации люди, не сразу удавалось разыскать их имущество. К отобранному

оружию, даже к тому, которое дошло до казенных складов, относились довольно бесцеремонно:

Прошу распоряжения о выдаче мне из конфискованного оружия револьвера системы Нагана, шашки и кинжала без оправы. Поручик Куличевский.

У меня имеются такие рапорты на имя начальника отряда не одного только поручика Куличевского, но в подпоручика Вилько, и поручика Перепеловского, и штабс-капитана Григорчука, и штабс-капитана Оже, и капитана Вакуловского... чуть ли не всех офицеров, входивших, хотя бы и на время, в состав отряда. Кто просил себе винтовку «для целей охоты», кто браунинг, «так как револьвер мой неисправный»... Некоторые просили, кроме того, по несколько ружей для команды - тоже «в целях охоты». И, очевидно, просьбы эти удовлетворялись. Еще бесцеремоннее распоряжались с отобранным оружием, нигде еще не зарегистрированным. Понятно, что поиски неправильно отобранного оружия оказывались при таких порядках затрудненными.

Между тем, у населения отбиралось не только оружие, отбирались и деньги. Тоже «на законном основании»...

В основу внезапных набегов, как мы видели, клались «секретные сведения». Но такие сведения не всегда ведь можно получить по способу капитана Дудникова; обыкновенно они добываются при содействии «сотрудников», или «доказчиков», как называются шпионы из среды туземного населения. А для этого нужны деньги... И вот найден был довольно легкий способ добывать последних:

Некоторые аулы, - читаем мы в инструкции начальникам команд,- постановили приговоры о вознаграждении указавшим невыдававшего оружие по 50 руб. за каждый образец. Желательно, чтобы все аулы постановили такие приговоры, чтобы г. губернатор не штрафовал их, когда кто-

нибудь из их однообщественников попадается нам с запрещенным оружием. Однако можно быть уверенным, что почти никто не решится выдать своего однообщественника, укрывшего оружие. Поэтому следует не объявлять имени доказчика, а если по его указанию оружие будет найдено, то деньги требовать от общества и выдавать их доказчикам самому.

Само собой понятно, что добиться желательных приговоров от аульных обществ было не трудно, в особенности под угрозой губернаторских штрафов, с одной стороны и под давлением «карающей силы» - с другой. Дальше же оставалось только «требовать деньги от обществ» и «выдавать», «не объявляя имени доказчика». Так начальники команд и поступали. К высшему начальству они обращались, как можно думать, в тех лишь случаях, когда между лицами, имевшими возможность вытребовать деньги, возникали какие-либо недоразумения.

...Прошу ходатайства, - писал, например, Вербицкому шт.-кап. Вакуловский в рапорте от 4 января 1910 г. за № 3,- об истребовании и передаче мне для уплаты доказчикам за указанные ими винтовки ста рублей... В сел. Сагопш, как заявил мне старшина селения. 50 руб. были взяты начальником округа для передачи мне 16-го августа, но я их до сего времени не получил, а между тем, рассчитывая получить их через несколько дней, для пользы дела выдал доказчику мои собственные деньги.

Вообще, добывать деньги от туземцев было там легко, что само собою явился соблазн расширить эти операции. Г. Вербицкий вздумал даже частные претензии удовлетворять таким путем.

Войсковым старшиною Вербицким,- говорится в циркуляре начальника Грозненского округа от 10 апреля 1909 г.,

- передано словесное распоряжение о взыскании по одному рублю со всех порочных жителей одного селения в пользу потерпевших жителей сего селения, у которых пропали лошади и скот... Мера, предложенная войсковым старшиною Вербицким, а именно, наложение денежного штрафа на порочных жителей пока никаким распоряжением высшего начальства не установлена... По докладу мною о сем 15 апреля, Его Превосходительство приказал меру, предложенную войсковым старшиною, в исполнение не приводить.

Имелись и другие формы, в которых войсками отряда отбиралось имущество у туземцев, отбиралось опять-таки «на законном основании». Укажу хотя бы на экзекуции, которые практиковались для «наказания» и «устрашения» жителей. Поводы для этого найти было, конечно, не трудно. Мы видели, например, прогулку, которую совершил по полям сел. Сурхохи г. Перепелкин со своей командой,- прогулку, во время которой было убито два жителя этого селения. Прибавим к этому, что в селении нашли «абрека» и у этого абрека был гость с винтовкой. Этого было уже вполне достаточно, чтобы наказать и всех прочих сурхохинцев. *«Прошу, - писал после этого Вербицкий начальнику области,- поставить в сел. Сурхохи на экзекуцию все команды моего отряда на месяц или хотя бы на две недели на полное довольствие. Селение очень богатое»...*

Легко понять, что такое довольствие не трудно было превратить в удовольствие, и действительно, как видно из моих материалов, начальники команд во время экзекуций легко переходили черту, которая отделяет условно законное от безусловно беззаконного.

«Мне известно, - говорится в предписании временного генерал-губернатора Терской области и наказного

атамана Терского войска от 9 июля 1909 г. за № 11.687,- что за три дня экзекуции[34] от жителей сел. Кий было истребовано: 7 штук крупного рогатого скота (т. е. около 28 пудов), 1 баран (1 1/2 пуда) и 7 барашков (для офицеров), 18 1/2 ф. масла, 22 1/2 меры кукурузной муки, 35 1/2 пуда сена, 22 пуда ячменя и деньгами взамен приварка 10 руб. 60 коп. Следовательно, принимая во внимание состав экзекуционной команды в 70 нижних чинов, 22 казака и 30 вольнонаемных всадников при 5-ти офицерах, на каждого нижнего чина истребовано 3 1/4 фун. мяса, т. е. свыше положенной дачи и сверх того излишне истребовано масла 18 1/4 ф. и 7 барашков.

Кроме того, доставленные жителями дрова частью были забракованы и на топливо был взят строительный материал, заготовленный для крыш.

За счет же жителей были удовлетворены суточными: офицеры по 4 рубля, прапорщики по 2 руб., унтерофицеры и урядники по 25 коп. и рядовые по 15 коп., всего на сумму 126 рублей».

Такое «хозяйничанье» начальнику области показалось «безмерным». *«Во всяком случае я нахожу,- писал он,- такие действия незаконными и подрывающими всякое уважение к составу отряда, на который возложена высокая миссия - защищать жителей от произвола и насилия и вселять уважение к русской власти».* Остается прибавить, что как только что описанную, так и некоторые другие экзекуции начальники команд производили «самовольно», без соблюдения установленных правил, не спрашивая разрешения начальника области или не дожидаясь его согласия.

На то, как продовольствовали себя войска, когда не было экзекуции, тоже, судя по моим материалам, имелось не мало нареканий.

Отряд штабс-капитана Вакуловского, прибывший 6 сего июня в сел. Ваучи (Акки),- говорится, например, в рапорте начальника Грозненского округа от 15 июня 1909 г. за № 56,- за три барана, 2 мешка муки за зерно и одну арбу сена (всего на 18 рублей) уплатил лишь 5 рублей, тогда как одни бараны стоили 9 рублей.

И наряду со всем этим, чинами отряда допускались ещё такие действия, которые уже ни с какою законностью не соприкасались и для характеристики которых даже в официальных документах приходилось прибегать к таким терминам, как «грабеж» и «воровство». Не только в Гудермесе такие факты имели место...

В только что упомянутое селение Акки отряд шт.-кап. Вакуловского был послан Вербицким, «чтобы захватить двух разбойников». Прибыв туда, войска «сделали обыски, - говорится в полицейском протоколе, - почти во всех дворах», причем вскрывали сундуки во всех жилых и нежилых строениях». Разбойников шт.-кап. Вакуловский не нашел, но в результате обысков в сундуках «у Раиса Умарова пропали деньги 25 руб.». На этот раз не в пример другим случаям,- и может быть потому именно, что отношения у отряда с местною администрациею уже обострились,- деньги были найдены и даже виновный в похищении был предан суду. Обыкновенно же такие претензии признавались «дутыми». «Дутыми» нашел г. Вербицкий и те претензии, которые были заявлены в Гудермесе и которые по полицейскому дознанию были признаны справедливыми. Правда, с одним из пострадавших, а именно, с торговцем, у которого пропало 25 кинжалов, г. Вербицкий пытался даже покончить дело

миром. Но и это объяснить он потом не затруднился: «дал я ему 30 рублей,- писал он,- из сожаления к его бедности»…

Даже в тех случаях, когда вещи и деньги «отбирались», т.е. брались въявь определенными лицами, получить их обратно, по-видимому, было не всегда легко. Приходилось, как видно из следующего, обращаться к содействию других властей. *«Вместе с тем,- говорится в цитированном уже мною отношении управлении Темир-Хан-Шуринского округа,- прошу не отказать уведомить меня, какое дано направление по жалобе названного Малачилява- Исаева об отобрании у него 500 руб.»*.

Что было делать населению, у которого в той или иной форме отбиралось и расхищалось имущество? Жало-

ваться? Но, не говоря уже о том, как мало еще горское население освоилось с этой формой самозащиты, на кого оно стало бы жаловаться? «Установить, кто именно из казаков или солдат утаил пропавшие вещи и ограбил деньги,- писал, как мы видели, начальник участка в своем протоколе,- совершенно не представилось возможным». Явились никому неизвестные люди, одетые в однообразную форму, - и потом исчезли. Как тут найти виновного?

Жаловаться на всю команду или на весь отряд? Но отписаться их начальникам было нетрудно. По поводу упомянутой фуражировки в сел. Акки шт.-кап. Вакуловский отписался, как нельзя лучше: оказывается, что бараны были совсем маленькие, сено совершенно негодное... Он еще переплатил 1 копейку «так как у старосты не было сдачи». А г. Вербицкий и надлежавшее освещение всему инциденту дал: *«в данном случае,- писал он генералгубернатору, - следовало бы внимательнее отнестись к этой кляузе, так как зрителям, когда к тому же они боятся быть оштрафованными за скрытие берданки и присутствие в их среде двух абреков, необходимо было по азиатской изворотливости придумать что-нибудь против отряда».*

Мог он и иначе ответить. *«Дознание о действиях хорунжего Яицкова…, - писал он в другом случае генералгубернатору, - производилось уже неоднократно и в данном случае является совершенно излишним. О действиях сотни есаула Дереглазова я сам попрошу полк произвести дознание, как только найду это своевременным».*

Г. Вербицкий, как видно из имеющихся у меня документов, вообще не допускал вмешательства других властей в действия своего отряда и склонен был в таких случаях немедленно ставить «кабинетский вопрос». Только что цитирован-

ное письмо г. Вербицкого было написано им начальнику области по поводу вопросов, возбужденных полковником Яковлевым, который посетил те части своего полка, которые входили в состав отряда г. Вербицкого и, очевидно, поделился потом с наказным атаманом вынесенными им впечатлениями. Отказываясь произвести дознания, которые находил необходимыми Яковлев, г. Вербицкий далее пишет: «Кроме того, полковник Яковлев позволил себе делать разъяснения казакам по поводу их деятельности против разбойников, проповедуя христианские принципы, а главное, советуя иногда и офицеров не слушаться. Считаю это не воспитанием части, а разложением ее... Это дело мое, и я не менее христианин и ничего против христианства не проповедую. Если Ваше Превосходительство найдете меня неспособным исполнить возложенную на меня задачу, то поручите, быть может, ее полковнику Яковлеву».

Время ли, в самом деле, заниматься всякими кляузами, когда отряд искореняет грабежи и разбои?!

Если бы жалобщики и убедили, в конце концов, высшее начальство в справедливости своих претензий, то еще не значит, что последние были бы удовлетворены. «Безмерное хозяйничанье» войск при «самовольной экзекуции» в сел. Кий хорошо было известно, как мы видели, начальнику области. И вот к какому решению он пришел: *«не желая дискредитировать действия отряда в глазах населения, я на этот раз воздерживаюсь подымать вопрос о возмещении наказанным жителям расходов но экзекуции».* Да и вообще: хотя ему известны были «довольно часто повторяющиеся случаи самовольных действий со стороны нижних чинов отряда»; хотя до него доходили «слухи о недоразумениях, возникающих на почве обысков»; хотя к нему поступали «жалобы, в которых указывалось на незаконные и

безнравственные действия нижних чинов по отношению жителей»; но он - по его собственным словам - «не придавал, конечно, большого значения всем этим слухам и жалобам по существу». Если же он и выражал свое неудовольствие по поводу того, что «в действиях команд нет, по-видимому, строго установленного порядка», то потому, что «отсутствием такового пользуются разные порочные элементы, находя себе пищу для распускания слухов и возбуждения жалоб». Жаловаться при таких условиях было, пожалуй, и небезопасно: как раз обратят внимание на «кляузу» и зачислять в «порочные люди»...

И жалоб со стороны населения было, в сущности, немного. По всему видно, что жалобы приносились туземцами почти исключительно в тех лишь случаях, когда они находили себе поддержку у полиции. И это, конечно, понятно. Грань, отделяющая законное от беззаконного, для них оставалась, в сущности, совершенно неясной. Да и не всякий нашел бы эту грань, находясь в их положении.

В самом деле: если власти могут отобрать без всяких рассуждений 200-рублевое «усовершенствованное» ружье, то почему бы они не могли отобрать более дешевое «дедовское»? или почему бы они не могли отобрать двести рублей прямо деньгами? Если они могут отобрать продукты, назначив одну цену, то почему бы им не отобрать их, назначив другую цену, а то и вовсе бесплатно? Ведь отбирают же их при экзекуциях бесплатно и ещё деньги требуют в придачу. А сами экзекуции... Если бы шт.-кап. Ардабьевский дождался ответа от генерал-губернатора, то экзекуция, произведенная им в сел. Ачхой, была бы «законной», но так как он не дождался ответа, то она оказалась «самовольной». Но откуда же туземцы могли узнать, получил ли он или нет какую-то бумагу?.. Да и вообще: ведомства и инстанции могли еще вступать в препирательства между собою относительно пределов их власти (в этом ведь и заключается русская «законность»), но в глазах населения все их действия сливались в один поток произвола, с неудержимой силой лившийся откуда-то сверху.

Сила ломит и соломушку... Ингуши и чеченцы, судя по моим материалам, довольно скоро усвоили определенную тактику: раз сопротивление бесцельно и нельзя уклониться, то остается одно - поблажать отряду. Достаточно в этом случае привести, как встретили отряд хотя бы ялхоройцы, которых, наслышавшись о них самых «невероятных рассказов», г. Вербицкий «придавить» собирался.

«Старшина, старик лет 70, - рассказывает г. Вербицкий,- встретил нас верст за 15 от Ялхороя, послал вперед помощника предупредить своих сельчан о прибытии отряда и чтобы они выслали лошадей на случай подвезти больных или отсталых. Два мальчугана со свежими лошадьми встретили нас версты за две от селения и были посланы к отставшим вьюкам. Оказалось, что квартиры, сено, мясо и дрова приготовлены в достаточном количестве и население встретило отряд с полною готовностью служить, в чем бы это ни потребовалось».

Ялхоройцы были уже достаточно придавлены. *«Начальник 1-го участка, шт.-кап. Томаев, сам кумык, - пишет далее г. Вербицкий, - еще в Шаложах удивился, как чеченцы съежились при виде силы и пулеметов. Здесь, в поднебесье, переводчик отряда казак Захаров, походив между чеченцами, так же поразился их запуганностью... Сила для азиата - заключает г. Вербицкий - оказывается еще очень важным средством в наших руках».*

Не право, а сила... В одном из своих докладов генерал-губернатору г. Вербицкий выражался на этот счет еще определеннее. Настаивая (в июле 1909 г.) на необходимости сохранить в четырех округах военное положение и усилить отряд, он писал: *«до сих пор все свои недоразумения горцы решали и решают перестрелкой из своих башен, и вообще*

предпочитают более или менее важные недоразумения решать оружием, а не обращаться к русской власти, которую почти совсем не признают без военной силы». Крайне характерно, что слово «почти» вставлено было уже потом в имеющемся у меня черновике, а сначала и его не было.

Таким образом, по признанию самих агентов государственной власти, туземцы в ее отношениях к ним только и видят, что силу. Но ведь к силе же сводится все дело и в отношениях их к разбойникам и грабителям,- к тем подлинным разбойникам и грабителями, защищать их от которых взялась государственная власть. Разница та лишь, что там есть надежда отстоять свою жизнь и имущество; здесь же - всякая борьба безнадежна. Встаньте на точку зрения туземцев, и для вас ясно станет, что эта разница отнюдь не в пользу государственной власти...

Я задался вопросом: насколько удачно последняя выполняет свою основную задачу - охранять безопасность граждан и их имущество? Лучше ли для этого созданные ею учреждения и практикуемые ею методы, чем первобытные институты, сохранившиеся у населения, и самобытные способы, какими оно сохраняет свою безопасность? Я счел даже возможным поставить этот вопрос в крайне острой форме: но что,- писал я,- если даваемая государством охрана окажется не лучше, а, пожалуй, в некоторых отношениях и хуже не только ответственных караульщиков, но даже воров и разбойников? Поставить вопрос в этой форме, как видят читатели, я имел некоторое основание.

XI

Целый очерк я посвятил «временно-охотничьему отряду»... И вот теперь боюсь, не ввел да я читателей в недора-

зумения. Боюсь, что я не в меру возвеличил в их глазах Вербицкого с его командами, фиксировав на них все внимание, и не в меру умалил остальные органы власти, отодвинув их на задний план. Возможно и другое недоразумение, так сказать, исторического характера. Деятельность временно-охотничьего отряда ограничена всего была двумя годами, а под руководством г. Вербицкого продолжалась даже менее года,- и читатели вправе подумать, что это случайный и исключительный эпизод в истории борьбы с кавказским разбойничеством, что ни раньше, ни позже ничего подобного не было... В виду этого я чувствую потребность теперь же, не откладывая, хотя бы в самых общих чертах, отметить подлинные размеры и действительную перспективу описанных мною фактов.

Г. Вербицкий, по официальным отзывам, - «выдающийся офицер», настоль выдающийся, что другого такого не нашлось, по-видимому, во всей Терской области. Администрация последней выписала ведь его из Кубанской, где он был начальником отдела. По отзывам же людей, лично его знающих, это вместе с тем доброжелательный человек, доброжелательно относившийся, в частности, к туземному населению и искренно увлекавшийся возложенной на него миссией. Во всяком случае, это - не злодей какой-либо, лишь случайно и по недоразумению получивший огромную власть и огромную силу в свое распоряжение. Это был испытанный уже офицер, когда ему поручили искоренить разбойничество.

К сложной культурной задаче г. Вербицкий подошел по-военному и, если не всю ее целиком, то в главных и неотложных ее частях, рассчитывал разрешить вооруженною силою. Но в этом не было ничего исключительного. Все время ведь край находился и находится под военным управлением:

во главе области стоит генерал, начальниками округов состоят полковники и подполковники, начальниками участков - капитаны и штабс-капитаны... Больше того: охотничьи и партизанские команды, посту-

пившие в распоряжение Вербицкого, и до него действовали, и сейчас действуют.

И те же применялись и применяются методы... При всей своей изобретательности, г. Вербицкий придумал, в сущности, не так уже много. Может быть, ему первому, действительно, пришла мысль воспользоваться кровниками; изобрел он какой-то особый способ экзекуций, называемый в документах «способом войскового старшины Вербицкого»; быть может, несколько шире, чем это было до него, развил он в войсках взаимное подглядывание... Вообще, как можно думать, он несколько усовершенствовал систему, но в основных своих частях она до него была придумана и до сих пор продолжает действовать.

Те же «секретные сведения», получаемые по способу капитана Дудникова или при помощи доказчиков; те же внезапные набеги, те же обыски, те же аресты... И то же отношение к имуществу туземного населения: те же экзекуции «с целью наказать жителей материально», те же штрафы, налагаемые властью более или менее высокого начальства, то же беззастенчивое добывание денег, нужных для системы... Словом, тот же произвол... И те же, конечно, злоупотребления. Не столь грубые, пожалуй, но зато более систематические.

«Если пристав ворует,- иронически спрашивал на Грозненском съезде представитель ингушей Хангихой Ахметханов,- то можно ли его записывать в число порочных?» В таком случае, по его мнению, всех приставов прядется выслать. *«Пятьдесят лет,— говорил он,- служу русскому царю и еще не видал такого пристава, который довольствовался бы царским жалованьем. Дайте нам таких начальников, которые будут служить за царское жалованье, и нас не будут обирать».*

Не останавливаясь сейчас на том, как местная администрация «обирает» туземцев, отмечу лишь, что даже к разбоям и грабежам некоторые из входящих в нее лиц имеют, по-видимому, касательство. *«К нашему сожалению, - говорится, например, в одном из заявлений, поданных начальнику области в марте 1909 г.,- начальство ловит только мелких воров, а с крупными, действующими на крупные суммы, состоит в доле».* И это думают не только чеченцы. Порою уличают в этом друг друга сами начальники. Вот, например, какой протокол имеется среди моих материалов:

«*19 мая 1909 года. Сел. Сурхохи... Месяца за два до пленения Месяцева мне во Владикавказе, где я был тогда приставом 1-й части, - говорил аксаевский житель Абиль-Хасбулат Аджиев Бабоков, - что у начальника Хасав-Юртовского округа полковника Котляровского готовится пленение овцевода Архипа Месяцева. Я не верил и высказывал ему это. Мне казалось невероятным, чтобы начальник округа, полковник и будет такие дела делать. Бабоков убеждал. По словам Бабокова на мельнице у жителя с. Аксай Кафура Кабардиева собираются тайком шайки абреков и советуются, кого взят в плен, а Котляровский указывает им на Месяцева, говоря, что если его возьмут или возьмут его жену, то можно будет получить с них хорошую сумму денег. Действительно, как предсказывал Бабоков, так и случилось: примерно через два месяца Месяцев был взять в плен. Бабоков приехал во Владикавказ и заявил мне: что! не верил? вот видишь сам... Оказалось верно. Все это может подтвердить тот же Бабоков. Если Бабоков подтвердить мои слова не пожелает, то прошу дать мне с ним очную ставку. Подписал начальник 2-го участка Назрановского округа А. Аджиев* [35].

Не раз и г. Вербицкий доносил начальнику области о «преступном бездействии» разных должностных лиц в деле поимки разбойников - доносил в такой форме и с такою настойчивостью, что генерал-губернатор должен был догадаться, что речь идет не о бездействии только, но и о попустительстве.

Таким образом, в деятельности временно-охотничьего отряда, даже в «похищениях», какими сопровождалась эта деятельность, не было, пожалуй, ничего, что решительно шло бы вразрез с установившимся у агентов государственной власти отношениями к туземцам.

Г. Вербицкий, как мне пришлось уже упоминать, находится теперь под судом. Но он отдан под суд не за злоупотребление властью и даже не за превышение ее, а за бездействие и притом проявленное им уже в бытность атаманом Кизлярского отдела. В подвигах, какие совершил отряд под его командой, высшее начальство не нашло ничего такого, за что бы его следовало привлечь к ответственности. Что же касается системы, какую применял г. Вербицкий, то с введенными им усовершенствованиями, она посейчас действует на Кавказе.

XII

Меры предупреждения и пресечения. XII. Административная ссылка и порочные люди. XIII. Проектируемые и практикуемые меры розыска XIV. Идейные союзники XV. Проекты поголовного выселения; агитация овцеводов XVI. Как плодят абреков и как служат порочные люди XVII. Судоводители и дикая вира. Заключение XVIII. Где граница между, разбойниками и мирным населением? XIX. Когда окончится кавказская драма?

Предыдущий очерк я озаглавил: «как искореняют грабежи и разбои на Кавказе». Я имел в виду, главным образом,

то радикальное средство, которое употребляется кавказскими властями в борьбе с застарелою болезнью и которое особенно широко практиковалось временноохотничьим отрядом под командой г. Вербицкого. Состоит оно в том, что разбойников просто-напросто истребляют -

истребляют где возможно и как возможно. Но это средство – не единственное…

Помимо хирургического вмешательства, если выразиться в медицинских терминах, администрациею применяются и другие средства, так сказать, профилактического, симптоматического и даже симпатического характера. С кое-какими из этих средств мы попутно уже познакомились.

Так, среди профилактических мер одною из самых полезных издавна считалось и до сих пор считается обезоружение туземного населения. Некоторые думают даже, что в оружии, какое имеется у туземцев, заключается все дело: отобрать его - и разбои прекратятся. Даже такой специалист по разбоям, как г. Вербицкий, в одном из своих докладов так объяснял их происхождение.

Дебри Чечни и Ингушетии,- писал он,- находясь почти вне контроля, дают полную возможность заводить и сохранять оружие - вещь для туземца, в большинстве бездельничающего, самую дорогую. Отсюда соревнование, похвальба, целый спорт, а научившись владеть оружием, останется только применить его в дело... Если прибавить сюда и то обстоятельство, что на приобретение оружия зачастую укладываются последние гроши, то ясным становится желание дикого и не умеющего трудиться туземца возместить свои убытки упрощенным способом. Важен первый шаг, и так как в большинстве случаев преступление остается безнаказанным, то и продолжение неминуемо: малый вор становится большим, от угрозы переходит к убийству, затем—абрек, герой, а следовательно, и новый пример для подрастающего, жаждущего подвигов, поколения.

Видите, как просто... Впрочем, другие рассуждают и того проще:

С палкой или дубиной,- писал, например, атаман станицы Слепцовской, рекомендуя совершенно обезоружить туземное население,- туземец на разбой не рискнет, а с оружием кремневым или кинжалом может посягнуть на всякую преступность из-за легкой наживы.

Руководясь подобными соображениями, кавказская администрация издавна принимает всякие меры, чтобы стеснить приобретение и ношение оружия туземцами и даже отобрать то, которое у них уже имеется. Но читатели, как мне кажется, достаточно познакомились с мероприятиями этого рода и достигаемыми при их помощи результатами, и вновь к этому предмету я могу теперь не возвращаться.

Другая мера, широко практикуемая кавказскою администрацией с целью обезвредить население и предупредить грабежи и разбои, это - высылка «порочных людей» из пределов области. Для ссылки туземцев прежде имелось даже особое место — Чечень-остров; теперь, как и прочих российских обывателей, их отправляют в Сибирь и северные губернии. В предыдущем изложении мне пришлось упоминать об этой мере лишь мимоходом, и теперь не лишне будет несколько остановиться на ней.

Прежде всего необходимо отметить те затруднения, с какими приходится считаться в этом случае администрации, и ту изобретательность, которую проявляет она, чтобы обеспечить планомерное и целесообразное действие административно-ссыльного механизма.

Одно из главных затруднений заключается в том, как в общей массе населения найти тех людей, которых в интересах общественной профилактики надлежит отправить в места отдаления. Единственный объективный признак, которым могла бы руководиться администрация, это
- опорочение по суду. Нередко она им и пользуется, но

вполне он, видимо, ее не удовлетворяет. Судебный аппарат действует в области крайне плохо, нередко им опорочиваются совершенно невинные люди и еще чаще, как можно думать, от него вовсе ускользают наиболее порочные элементы. Если русская администрация вообще не считает возможным положиться на судебную квалификацию, то на Кавказе это и подавно ей представляется рискованным. Приходится изыскивать другие средства.

Сама собой явилась мысль обратиться к содействию населения, которому все порочные люди, конечно, известны.

Мне пришлось уже упоминать, что по вопросу о разбойничестве в 1909 г. в Терской области был созван ряд съездов: участковых, окружных и областной (в г. Грозном). Протоколами, журналами и докладами этих съездов я и пользуюсь. Кроме того, в том же году по вопросу о мерах борьбы с разбойничеством были затребованы мнения станичных и аульных властей, каковые мнения имеются у меня в подлинниках и на которые я тоже в некоторых случаях ссылаюсь.

Чтобы читатели представили себе характер и значение материалов, которыми я пользуюсь, не лишне будет дать по поводу их некоторые объяснения. На съездах, кроме представителей администрации (участковых, окружных начальников и т. д.), присутствовали и представители от населения, «назначенные и выбранные». Как выбирались представители, я не знаю. Во всяком случае, на съездах решительно преобладали и играли безусловно руководящую роль должностные лица. Другие представители должны были прилаживаться к заданному ими тону. Особенно стесненными чувствовали себя, как можно думать, туземцы,- тем более, что некоторые из них не владели даже русскою

речью. *«Что, как не грубую насмешку над бессилием чеченского народа,- пишет теперь г. Ткачев,- могут представлять эти шумливые последние съезды, где к связан-*

ному по рукам и ногам народу правители обращались с вопросом, какие бы меры посоветовал он сам, чтобы излечить его от болезни. Что это, как не издевательство?" (Г. А. Ткачев. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Стр. 60). Этот отзыв, к слову сказать, человека очень близкого к терской администрации,– несомненно нужно признать утрированным. Объясняется он, как можно думать, тем, что администрация уже отказалась от мысли призвать само население к участию в разработке одного из самых наболевших вопросов. «Что может вам сказать,-пишет г. Ткачев,- народ, лишь вчера вышедший из колыбели?» Ответ сам собою, конечно, подразумевается: ничего путного сказать он не может, без народа начальство лучше справится... С нашей точки зрения, попытку привлечь народ к борьбе с угнетающим его злом можно было бы только приветствовать. Все дела в том, что эта попытка была сделана в данном случае в крайне неудачной форме и в результате в трудах съездов сказалось не столько независимое общественное мнение, и тем более не столько мнение широких слоев населения, сколько мнение довольно тесного административного круга и близких к нему лиц. Но и неудачные съезды были не совсем бесполезны: многое на них все-таки вскрылось. Кое-что вскрылось в совсем наглядной форме. Упомяну хотя бы о таком эпизоде, разыгравшемся на одном из съездов: одно из начальствующих лиц щеголяло с дорогим кинжалом на поясе; туземцы присмотрелись и узнали кинжал, отнятый у одного из них Зелимханом; таким образом, совершенно наглядно вскрылась близость одного из начальствующих лиц к последнему...

Что касается материалов, доставленных станичными и аульными правлениями, то и в них, конечно, отразилось не

столько мнение населения, сколько мнение низшей администрации, старающейся попасть в тон высшему начальству, а то и просто отписывающейся по установившемуся уже шаблону. В некоторых случаях были доставлены приговоры обществ, но и в них нельзя видеть результат свободного и независимого обсуждения вопроса. Между прочим, в моих материалах имеется приговор Гудермесовского сельского общества, в котором содержится детально разработанная система всяческих репрессий (штрафов, высылок и т. д.), которым должны подлежать не только абреки, но и все их родственники и даже все общество. Читаешь этот приговор, и прямо диву даешься: вот ведь до чего дошли люди - сами себя со света сжить хотят... Ларчик открывается, однако, просто: приговор составлен 20 марта 1909 г., т.е. через 6 дней после устроенной в Гудермесе бойни, причем, как сказано в приговоре, правила «выработаны нами по указаниям г. Начальника участка Берздниева и принципиально одобрены г. Начальником округа»... По отношению к мнениям, высказанным аульными старшинами, следует кроме того отметить, что очень часто, как можно думать, это не мнения самих старшин из туземцев, а мнения русских писарей, помощью которых они должны пользоваться. При рапорте Атажукинского старшины (Нальчикского округа) от 11 июня 1909 г. за № 1102,- при рапорте, в котором рекомендовались всевозможные меры, начиная от награды сыщикам и вплоть до смертной казни - я нашел даже приложенную записочку буквально следующего содержания: *«Еще многое, способствующее развитию и существованию краж и других преступлений мог бы я изложить, но насилу склонил старшину и к доложенному донести Вашему Высокоблагородию. Остальное, может быть, я доложу Вашему Высокоблагородию, когда будете здесь с отрядом.* Писарь М. Ермоленко». И писарям ведь хотелось

выслужиться...

В общем, как видят читатели, материалы сами по себе не могут считаться особенно ценными, но для местной администрации и господствующих в ее среде взглядов, они, несомненно, являются характерными. В отдельных же случаях в них прорываются, как можно думать, и живые нотки, нотки, которые донеслись из жизни и которых не в силах оказались заглушить административные суждения и отписки.

По мнению кн. Капланова, высказанному им на грозненском съезде, «в каждом ауле известны не только настоящие, но и будущие воры, т. е. те, которые могут сделаться ворами». Вот их и надо «зарегистрировать». Терская администрация так и поступает: время от времени она требует от аульных и станичных обществ, чтобы те представили ей списки своих порочных членов. Такие списки, как увидим дальше, нужны администрации не только на предмет ссылки, но и для других надобностей...

Но на этом пути имеются свои препятствия, особенно ощутительные как раз среди туземного населения, содействие которого в данном случае представляется особенно нужным.

Среди туземного населения, - пишет нальчикское слободское правление, - с исторических времен установился обычай не выдавать единоверцев-виновников другим нациям, стараясь скрывать своих людей от преследования... Это обстоятельство подтверждается тем уже, что неоднократно правительству приходилось ставить экзекуции с требованием выдачи воров и порочных лиц и, несмотря на эту меру, общества оставались твердыми в своем решении и говорили начальству, что порочных у них нет, и кто занимается кражами и разбоями,- не знают.

Кроме естественного нежелания выдавать своих односельчан общественников для административной расправы, не менее сильно дает себя знать и боязнь мести со стороны тех, которые были бы выданы. Особенно боятся этого опять-таки туземцы, и боятся не без основания. Прежде всего, предназначенный к высылке односельчанин, как они по опыту знают, можешь откупиться взяткой, уклониться таким путем от высылки и жестоко отомстить тем, кто его выдал. Но если бы он и был выслан, то останутся все-таки его родственники, которые могут отомстить за него. Наконец,- и этого особенно боятся,-высланный может возвратиться из ссылки, а вернется он не только не с угасшим, но и с разгоревшимся еще более после перенесенных испытаний чувством мести. Это чувство настолько властно, что у некоторых из ссыльных оно является чуть ли не главным стимулом для возвращения на родину.

- «Как же сделать, чтобы они не возвращались?» - спрашивал на Грозненском съезде помощник наказного атамана, генерал-майор Орбелиани.

«Если высылка в Сибирь не гарантирует от воров, то пусть их ссылают,- предложил Яхшаат Загдаев, - хоть в Турцию, откуда труднее возвратиться». По мнению урядника Бычкова, «надо обязательно высылать с семьями: тогда им не будет предлога возвращаться обратно». Войсковой старшина Вербицкий предложил свой план: «желательно,- говорил он, – всех подозреваемых преступников выселить с семействами в особый ауле под особый надзор». «Неисправимых же,- продолжил г. Алиев,- ссылать на острова»...

Предлагались и другие средства. Но найти такую форму ссылки, чтобы ссыльный не мог возвратиться, администрации до сих пор не удалось. Наиболее верным, судя по

моим материалам, в ее кругах считается средство, предложенное урядником Бычковым: ссылать с семьями... Но и против этого имеются возражения. «У нас,- заявил на грозненском съезде представитель ногайского народа, Аракчиев, - ссыльные преступники находят поддержку. Если высылать с семьями, то они еще больше будут находить сочувствия». В результате, добиваться выдачи порочных людей станет, пожалуй, еще труднее, а возврат их на родину, в виду сочувствия, на которое они могут рассчитывать, сделается, быть может, даже легче.

Надо изобрести что-нибудь другое. *«Шагуип Алиев заявил, что все разговоры будут излишни, если он выскажет свое мнение. Поэтому пусть он говорить первым»,*- предложил г. Вербицкий после одного из перерывов на грозненском съезде. Слово было предоставление Шагуипу Алиеву и тот предложил такой план:

1) Для выбора старшины собрать выборных по одному от каждых десяти дворов. 2) Этих выборных перед выбором старшины привести к присяге. 3) Выбранный таким образом старшина составляет список всех неблагонадежных, опрашивая помощников, муллу и пр. Выборные десятские опять приводятся к присяге, что не будут скрывать воров. Затем они созываются в правление, где предъявляется им список воров. 4) Список составили. Ставят ящики: черный или белый. Правление освобождается от всех, остаются только старшина и мулла. Затем подтверждается данная присяга и происходит баллотировка.

Ящик раскрывают при всех. В список заносят в порядки количества полученных шаров. Список этот представляется начальнику округа...

Сам Шагуип Алиев придавал, по-видимому, особое значение присяге. Но в его плане была и другая мысль, давно уже разрабатываемая администрацией: обставить выдачу так, чтобы порочные люди не знали, кто их выдал. Такой способ составления списков порочных людей и был принят в конце концов грозненским съездом; только старшину и муллу, предложенных Алиевым, съезд заменил более надежным в глазах администрации лицом - начальником участка.

Надо, однако, сказать, что и этот способ далеко не вполне гарантирует от мести. С одной стороны, трудно сохранить тайну баллотировки, особенно в небольших обществах, где легко по пальцам высчитать, кто куда положил

свой шар; а с другой стороны, мстить ведь можно не только отдельным лицам, но и всему обществу.

Более легкой задачей представляется администрации справиться с нежеланием туземцев выдавать своих однообщественников. Этого вопроса на обсуждение съездов она даже не ставила. Когда же на грозненском съезде зашла речь об этом, то г. Вербицкий объяснил, что средства против упорствующих у администрации имеются. И привел такой пример:

- В горной части мне сказали, что воров не выдадут. «Когда, мол, найдете сами, тогда их и высылайте».— «Да, я воров найду и помимо выдачи сбором; но знайте, если я найду, например, четырех воров, то вместе с ними вышлю такое же количество самых влиятельных выборных как укрывателей...».

Один из чеченцев, г. Чермоев, подал, было, на это такую реплику:

- Зачем ссылать наших почетных стариков в Сибирь? Если В. С. Вербицкий имеет такую власть, то пусть лучше сошлет всех воров, и мы будем благодарны...

Но в том-то и дело, что найти воров администрация не может. За то она в силах навести такой страх на туземцев, что они сами порочных людей выдадут. Г. Вербицкий достаточным считал для этого демонстрацию вооруженной силы. Если этого мало, то власти могут и, действительно прибегают, к экзекуциям. В крайнем случае, имеется и еще средство, издавна практикуемое русскими властями, когда масса не выдает «зачинщиков»: можно взять первого, пятого, десятого...

«Если виновные не будут обнаружены, - предлагает в своем рапорте бавтугаевский сельский старшина, - общество по жребию обязано выдать в руки администрации двух

подозрительных для удаления». Ссылка «по жребию» встречается и во многих других проектах, в проектах, принимавшихся и обсуждавшихся с должною серьезностью. Входила она и в план Шагуипа Алиева, цитированный мною выше. В случае какой-нибудь кражи, по его проекту:

«начальник округа вызывает к себе внесенных в список воров и опрашивает их по одиночке о том, кто украл. При этом предупреждает, что если виновный не найдется, то будет сослан в Сибирь один из них по жребию. Кто-нибудь да и выдает. В противном случае бросают жребий, и двое из вынувших ссылаются в Сибирь на два года. Тогда оставшимся родственникам предоставляется право розыска настоящих виновников и выдачи их».

Не знаю, практиковала ли уже терская администрация ссылку по жребию или дело не шло пока дальше проектов… Косвенных указаний на то, что такая ссылка практикуется, имеется немало. Например, в конце октября наместник распорядился выслать «семь наиболее вредных шейхов с семьями». Степень вредности, очевидно, еще не установлена, а число уже назначено... Известны случаи, когда в число высылаемых назначались малолетние и даже покойники. Объяснить это можно одним только: пятыйдесятый определялись, очевидно, по списку, какой подвернулся под руку. Во всяком случае средств, чтобы сломить «упорство», в ее распоряжении имеется достаточно. И так или иначе, но списки порочных лиц от обществ она получает…

Но за тем остается вопрос, кто в эти списки попадает. В газетах было как-то рассказано, как составлялся список порочных членов (для ссылки в Сибирь) в слободе Нальчик:

Собрался общественный сход. Мироеды, почти все члены союза русского народа, кричали: «Прежде всего на-

до выселить толстовцев, потому что они выдумали новую веру, икон не признают и молятся на портрет графа Толстого. Потом следует хорошенько пощупать жидов; они мошенники, да и бунтовать любят. Затем надо среди русских поискать воров, пьяниц и развратников». Является слободской старшина; на стол ставятся баллотировочные ящики и начинается чтение заранее составленного списка порочных лиц, но при этом ни одним словом не объясняется в чём состоит порочность каждого из них.

- Николай Самотопов! - кричит старшина,- Господа кладите шары: налево за порочность, направо за непорочность.

- Самотопов - вор и пьяница, его давно следует вышвырнуть, - кричат «союзники».

Слобожане переминаются в нерешительности:

- Да верно ли, что Самотопов - вор? Как бы греха на душу не взять...

Однако, после, некоторого колебания «вышвыривают» Самотопова из среды общества.

- Горский еврей Тампу Дыгилов,- читает старшина.

- Жида надо упечь!- Кричит «союзник» Озерцов. – Он - вор, мошенник и бунтовщик.

Но оказывается, что многие из слобожан лично совсем не знают Дыгилова.

- За что будем губить человека: может, он честный человек! Если бы вор был, тогда совсем другое дело... Мы его совсем не знаем.

- За то мы знаем, что он вредный человек! - Кричат «союзники». - Надо воздух очистить от вредных газов, чтобы верным сынам русской земли жилось легче. А тем, кто заступается за жидов, не поздоровится.

В число «вышвырнутых» попал и Дыгилов, а с ним

вместе несколько человек горских евреев и русских.

А вслед за тем разыгрывается другая сценка, финал которой получил впоследствии судебную квалификацию.

Покончив с порочными, «союзники» отправились в ресторан «Курорт», выпили изрядно и принялись упрекать один другого «в разной подлости»: оказывается, один не так давно украл у кабардинца бурку, другой - друг и приятель конокрадов, третий «сбондил» хомут и т. д. Началась ругань, и дело едва до драки не дошло. А к этому времени хозяин ресторана обнаружил пропажу у себя восьми штук кур. Принялся искать их, заглянул под коридор и видит: сидит там «союзник» Озерцов, под мышкой держит хозяйского петуха, а в руках связанных нога за ногу 7 кур.

Как составляются списки порочных в ингушских и чеченских селениях, мы не знаем, ни один корреспондент нам об этом не расскажет.

Нам известно, что там имеются свои мироеды, свои секты и партии; возможно, что имеются даже, свои «союзники», хотя бы и не столь шумливые, во всяком случае там есть ненавидящие друг друга кровники. Возможно, что и там при составлении списков сводятся всякие счеты и притом не всегда в пользу добродетели. Во всяком случае местной администрации кое-что на этот счет известно.

«Были случаи, - говорил помощник наказного атамана на грозненском съезде,- когда в селениях записывали в преступники бедных, одиноких людей, а богатых из больших семейств воров скрывали из боязни мести». Надо было выдать кого-нибудь начальству, ну, и выдавали тех, кто постоять за себя не в силах и вступиться за которых некому.

«Были случаи, - заявил генерал-майор Орбелиани в одном из следующих заседаний, - когда старшина выдавал людей из личной мести... Были случаи, что общества не-

справедливо нападали на какое-нибудь лицо». По словам одного из участковых начальников, шт.-кап. Розалион- Сошальского: «при определении (внесении в списки) порочных людей для желающих наживы настает самое благоприятное время». А такие желающие, конечно, всегда имеются.

Бывает даже так, по-видимому, что заносятся в списки порочных и предназначаются к высылке как раз те люди, которые помогают начальству искоренять разбойничество. По крайней мере, в моих материалах имеется несколько прошений предназначенных к высылке лиц, которые уверяют, что их высылают по злобе за то, что они ловили воров и убивали разбойников. Для примера приведу прошение казака ст. Щедринской Петра Дорошенко от 3 апреля 1909 г. Раньше он служил в партизанской команде и вел, по его словам, энергичную борьбу с преступниками: он поймал Алексея Шаповалова, когда тот воровал войсковой лес, поймал Андрея Зеленского с похищенным им сеном, захватил Ивана Пономаренко с похищенными им баранами и т. д. и т. д. *«Все совершенные этими лицами преступления, - продолжает Дорошенко,– могу подтвердить фактически, которые я сам лично открывал; в сем 1909 г. лица эти состоят выборными на сборе, в виду изложенного питая на меня зло и, когда поступили, стали уговаривать других выборных, с которыми состоя в родстве, а с некоторыми в тесной дружбе, выдали меня правительству, не имея против меня никаких улик. Я же не только не вел свою порочную жизнь, а напротив, состоя в партизанской команде, открывал таковых, а в 1907 г. убил в лесу станицы Щедринской 2-х злоумышленников, за что общество мне выдало 50 руб. вознаграждения. Общество веских доказательств против меня не имеет...»*

Видите, какой заслуженный человек: даже убил двоих

злоумышленников - и вдруг его приговаривают к ссылке... Имея в руках такое прошение, а оно до начальства ведь дошло, приходится признать одно из двух: или правительство в борьбе с грабежами и разбоями пользовалось услугами известного всему населению вора, или население (в данном случае - казачье население) включило в список порочных людей верного слугу правительства.

Но если бы таких случаев и не было, администрация, в силу указанных уже причин, не может быть уверенной в доброкачественности списков, составляемых сельскими обществами, и тем более списков, составляемых под угрозой военной силы, экзекуций, штрафов и т. д.

И этой уверенности, видимо, нет у нее... *«Вам, может быть, покажется, господа, странным, - говорил на областном съезде начальника грозненского округа, полковник Стрижев,- услышать от меня, старшого начальника окружной полиции, тот вывод, к которому я пришел, а именно: число лиц, подвергнутых административной ссылке, обратно пропорционально коэффициенту умелой деятельности чинов полиции. Я смело говорю: там, где больше административно-ссыльных, там менее искусны агенты полиции и тем хуже ее организация. Вы не забывайте, г.г., что ссылке подвергаются не преступники с ясными уликами содеянного ими преступления, а только лишь подозреваемые, в числе которых могут быть и невиновные, в то время как виновные, оставаясь на свободе, продолжают свою преступную деятельность. И к этому способу (ссылке) администрация прибегает лишь тогда, когда чины полиции бессильны добыть ясные судебные доказательства, причем когда даже и в этом направлении неумелые действия полиции не дадут никаких результатов, даю-*

щих право лишь „подозревать" кого-либо виновным содеянного преступления, раздаются беспомощные жалобы, что „население не выдает воров".

Вывод, к которому пришел старший начальник грозненской окружной полиции, хотя и мог показаться странным другим деятелям терской администрации, в существе своем, несомненно, правильный. Столь же правильным, если «взглянуть на вопрос под углом зрения, выработанным теорией полицейского права», представляется и другое общее положение г. Стрижева, который, видимо, не прочь был щегольнуть полицейским образованием. «На опыте дознано, - говорил он, - что никакие репрессии, никакие кары не уменьшают числа преступлений, если таковые не будут обращены на непосредственных виновников». Это положение представлялось столь бесспорным, что подтвердить его счел не лишним и председатель грозненского съезда генерал майор Орбелиани - человек тоже не без образования*:*

«Криминалисты пришли к заключению,- говорил он,- что помогает уменьшению преступлений не строгость наказания, а то, чтобы каждое преступление было открыто, а наказание пало на преступника. Например, если бы за кражу быка установили смертную казнь, но преступников ловили бы очень редко, то это было бы не так действительно, как назначить наказание за кражу быка 26 руб. штрафу, но при каждом случае воровства ловить преступника...».

Из этого, однако, отнюдь не следует, что терская администрация, усвоившая такие истины и по опыту убедившаяся, что такое представляет из себя административная ссылка, отказалась впредь от применения последней и всех других видов административной расправы; из этого никак не следует, что отныне она никого не накажет иначе, как при наличности «ясных судебных доказательств». Нет! К такому решению нигде еще не приходила и, конечно, сама собой не

придет русская администрация. И в данном случае из посылок, развитых гг. Стрижевым и Орбелиани, был сделан более узкий вывод. «Поэтому надо так организовать преследование,-продолжал последний свою речь,- чтобы преступнику трудно было ускользнуть». Вот и весь вывод...

Если нельзя положиться на содействие населения, которое «не выдает воров», то стало быть нужно проявить изобретательность в другом направлении: нужно расширить административный механизм, усилить полицию, развить сыск в достодолжных размерах. Вот плодотворный путь для административного творчества.

С планом усиления полиции и выступил полковник Стрижев. Конечно, «за счет местного населения»... Не превышая «меры возможности», «не выходя из пределов своей власти», «опираясь на циркуляр наместника», он высчитал, что для необходимого усиления полиции, если иметь в виду один его округ, потребуется «ежегодный расход в 18.540 руб., а в первый год—34.000 руб.». *«И вот,- говорил он,- если представители чеченского народа хотят доказать на деле, что все возгласы, которые мы слушали здесь о желании придти на помощь администрации в истреблении врагов спокойствия не праздные слова, они, несомненно, руководствуясь упомянутым выше циркуляром наместника, не преминут убедить пославших их сюда составить надлежащие общественные приговоры об ассигновании необходимых средств».*

Убедить им общества тем легче, что «средства потребуются небольшие... в первый год потребуется около 83 коп. с дома, а в последующие годы ежегодно - около 65 коп."... Начальник одного из участков того же грозненского округа шт.-кап. Розалион-Сошальский, предложил со своей сто-

роны план улучшения сельской администрации, для чего выборных старшин, по его мнению, следует заменить назначенными, а для увеличения им жалованья - обложить население по 1 рублю с дыма. «Кроме того, над старши-

нами надо иметь известный контроль, для чего следует в распоряжение участкового начальника назначить несколько полицейских урядников», которыми, ради экономии, можно заменить сельские правления. Еще «надо, чтобы и мулла был агентом правительства». Кадиев же можно прямо зачислить в стражники... Словом, улучшить и усилить полицейскую организацию не трудно, даже без расходов со стороны казны это можно сделать. В моих материалах имеется целый ряд таких проектов, в разных вариантах, конечно. Между прочим, кроме жалованья, в некоторых проектах предлагается установить для полицейских чинов еще вознаграждение или так сказать, сдельную плату за каждого пойманного ими преступника и даже просто «подозрительного» человека, которого они захватят.

Но одной наружной полиции, как бы ее много ни было, даже с прибавлением полицейских собак, обзавестись которыми рекомендовал полковник Стрижев, все-таки недостаточно. По опыту уже дознано, что наружная полиция очень хорошо может хватать людей, но нужно еще, чтобы кто-нибудь ей указывал. Нужны «доказчики». Для этого писарь Ермоленко «склонил» атажукинского старшину установить секретный сыск, в виде назначения для сего самих жителей - «с выдачей наград», конечно, «хотя бы в 3 руб.». Свой план г. Ермоленко надлежащим образом мотивировал:

«Насколько замечено, - пишет атажукинский старшина,- жители и вообще туземцы жадны до денег и среди них развито доказчество по секрету, следовательно, каждый житель, а в особенности враг, будут следить один за другим, в чаянии получить 3 руб.. тем более, что имя сообщившего останется в секрете.

По-видимому, жадность туземцев к деньгам в этом

проекте сильно преувеличена и за 3 рубля, пожалуй, предателя не получишь. В действительности, как мы видели, власти платят доказчикам по 50 руб.,- и платят не за преступника даже, а только за то, что они спрятанное ружье укажут. Но и при этой повышенной цене в доказчиках ощущается явный недостаток, услуги их являются случайными. Отсюда стремление сделать сыск более планомерным и для доносов найти более сильный стимул, чем денежная награда. Один из участников грозненского съезда напомнил, что лет 15 тому назад аул разделялся на кварталы. На каждый квартал назначался квартальный, который следил за подозрительными людьми и знал, кто когда отлучился. Он проверял каждую ночь их наличность. Если кого-либо не оказывалось дома, то он передавал о том старшине.

Вот и теперь следует восстановить эту планомерную слежку. Ее можно и нужно развить еще шире: не только в каждом квартале должен быть подглядыватель, но в каждой семье нужно, чтобы брат следил за братом, отец за сыном и все друг за другом. Кое-где такая система уже введена. Так, приговором Гудермесовского общества, составленным 20 марта 1909 года «по указаниям начальника участка», первым делом установлена такая мера:

Все члены каждой отдельной семьи, числящейся в нашем обществе, являются ответственными друг за друга, а равно и за других лиц, живущих с ними в одной семье, за поведение и хороший образ жизни. Если кто-либо из семьи не пожелает принять ответственность за кого-либо из членов семьи, имеющего наклонность к совершению преступлений, обязан заявить об этом надлежащим властям...

Даже о наклонности к преступлениям члены семьи обязаны доносить друг на друга. Конечно, «выдачей

наград» к этому их, пожалуй, не побудишь. Поэтому в данном случае пущено в ход другое средство: «лица, сделавшие таковое заявление, говорится в приговоре, от ответст-

венности за этого члена семьи освобождаются»; иначе же они отвечать должны, а как отвечать - об этом говорится в следующих пунктах приговора:

По уходу кого-либо из жителей нашего общества в абреки, семью его и лиц, живших с ним в одном доме, высылать в места по усмотрению начальства; имущество семьи скрывшегося абрека конфисковать и обратить в капитал на его же поимку...

Лицу, убившему этого абрека, выдавать вознаграждение из капитала, образовавшегося от имущества его дыма, а при несостоятельности из наших общественных сумм две тысячи рублей; за поимку абрека живым, выдавать из тех же источников одну тысячу рублей.[36.]

Не донесшие заблаговременно должны отправиться «в места по усмотрению начальства», а их брата или сына все равно уничтожать и еще за их же счет убийцам заплатят. Стимул для доносов придуман достаточно сильный...

И это - не проект только; это - приговор, вошедший в законную силу... Впрочем, при том произволе, какой царит в отношениях к туземцам, между проектом и законом, нет, в сущности, разницы. Например, замена выборных старшин назначенными - это только проект, осуществить который, казалось бы, можно не иначе, как законодательным порядком. Но такая замена давно уже практикуется кавказскими властями. Вот и теперь: наместник распорядился «назначить правительственных старшин во всех сельских обществах, составляющих район деятельности Зелимхана»[37]. А район этот не маленький,- несколько округов в него входят...

Взыскание с населения денег на улучшение и усиление полиции - это тоже только проект, но этот проект уже давно осуществляется. И при том еще так: деньги с населе-

ния взыскиваются, а полиция не улучшается и не усиливается. *«При приеме мною команды 1-го участка (Введенского округа) - доносил, например, штабс-ротмистр Кужуев - мне заявлено было, что у них числятся ингуши, которые никакой службы не несут, а жалованье получают с населения участка; таких оказалось двое, родственники начальника участка... Партизанская команда 4-го участка состояла из 14 человек, на которых в месяц следовало взыскивать по 30 руб., всего 280 рублей, а взыскивалось значительно больше»*[38]. Г. Кужуев приводит целый ряд таких случаев. Когда эти переборы обнаружились, то администрация потребовала от некоторых сельских обществ полномочия в виде приговоров. И, конечно, такие приговоры получила...

Во многих ли селениях составлены приговоры, подобные гудермесовскому,- я не знаю. Но и без приговоров администрация пользуется всеми средствами, чтобы заставить туземцев доносить друг на друга. Практикует она и ссылку родственников,- особенно, когда тот или иной абрек долго не дается ей в руки. Жена и малолетние дети Зелимхана, например, отправлены в Сибирь, как только были разысканы. Теперь наместник распорядился отправить в ссылку и других его родственников, а заодно и семь шейхов с их семьями...

Результаты, однако, получаются все время неудовлетворительные. «Секретные сведения», получаемые при помощи доказчиков, как мы видели, нередко оказываются ложными, порочные люди остаются неразысканными, абреки - не пойманными... Хуже того. Имеются основания думать, что система доказчичества привела уже к тем последствиям, к каким неизбежно ведет вообще система «сотрудничества». Под покровом тайны государственная организация переплелась уже с разбойничьей, и как раз самые

порочные люди нередко являются агентами государственной власти. С указаниями на такой симбиоз нам уже пришлось встречаться, а в дальнейшем и еще таковые нам попадутся.

XIV

«Серьезным препятствием к поимке Зелимхана, - говорится в последнем, только что цитированном распоряжении наместника, - служит особая секта под названием Зикра, комплектующая шайку Зелимхана своими последователями мюридами, доставляющими ему оружие, патроны и проч.» О сектах среди туземцев мне пришлось уже упоминать в предыдущем изложении. По литературным данным (относящимся к началу 90-х годов) таких сект две.

Одна из сект, основатель которой Батыл-хадж живет в ауле Сыхарки, отличается джигитством, выражающимся в бесстрашном удальстве, убийствах, воровстве и т.п., крайней нетерпимостью, вследствие чего ее последователи прерывают сношения даже со своими родными, не примкнувшими к секте... Другая секта, основатель которой Кунт-хадж скрывается неизвестно где и которая пользуется общими симпатиями, имеет гораздо более последователей... Они выделяются своим смирением, набожностью и незлобивостью, не пьют, не курят и гнушаются воровства...

В моих материалах встречаются указания на несколько сект, а по словам местных деятелей, с которыми мне приходилось беседовать, теперь имеется целый ряд их. Судя по этому, идейная жизнь не только не замерла у чеченцев, но, напротив, отличается в последнее время особою интенсивностью. Во всяком случае, в их среде имеются разные идейные течения, и между представителями последних идет оживленная борьба. Для сторонних наблюдателей эта борьба

представляется не вполне понятной, но несомненно все-таки одно: к разбойничеству различные секты относятся неодинаково. Одни из них, по-видимому, дают ему идейное оправдание, другие - считают грехом. Уже одна принадлежность к той или иной секте, по мнению туземцев, может служить доказательством участвовало или нет данное лицо в разбойничьем нападении. Приведу хотя бы такой пример.

13 апреля 1909 г. в с. Урус-Мартане был арестован житель этого селения Нукка -Домбаев, 40 лет, подозревавшийся в том, что он участвовал в пленении овцевода Месяцева. Отец арестованного, Домбай Богаев, на допросе, между прочим, показал:

Нукка в молодости воровством занимался, но потом он вступил в секту Накшубан; от главы секты он посвящения не принимал, а только принял все обязательства секты. Поэтому я считал его очистившимся от порока.

Нукке это не помогло, и он был в конце концов повешен…Может быть, принадлежность к секте и нельзя считать достаточным судебным доказательством. Легко, однако, понять, что наличность указанных идейных разногласий в чеченской среде существенно облегчает задачу государства в его борьбе с разбойничеством. Во всяком случае эта задача предоставляется менее трудной, чем была бы она, если бы приходилось иметь дело с отвердевшим, не вызывающим сомнений и разногласий миросозерцанием целого племени. Государственная власть имеет возможность принять участие в идейной борьбе и обеспечить себе сочувственную поддержку.

Наличность сект и борьбы между ними не ускользнула от внимания кавказской администрации. Последняя, видимо, не прочь была бы использовать этот фактор в своих видах. Но делает она это в высшей степени своеобразно. Например, на

зикристов, считающих Зелимхана святым, она обрушивается репрессиями, совершенно упуская из виду, что гонения приобретают в этом случае религиозный характер, а такие гонения, как известно, если и могут дать результаты, то прямо обратные тем, которых добиваются.

Еще своеобразнее относится администрация к тем сектам, среди которых рассчитывает найти себе сочувствие. Не идейной поддержки она у них ищет, а шпионских услуг от них требует и на их физическую силу возлагает надежды. Как будто войск у государства недостаточно! Приведу хотя бы такой эпизод.

Приступая к искоренению разбойничества, г. Вербицкий посетил основателей крупных религиозных сект и просил их содействия. Глава одной секты, Бамат-Гирей Хаджи Митаев, дал ему слово оказать такое содействие и даже обещал в непродолжительном времени представить голову Зелимхана. Но для этого Бамат-Гиреев просил вооружить берданковскими ружьями от 30 до 40 его последователей. Г. Вербицкий выхлопотал разрешение у генерал-губернатора для 36 человек, из которых и сформировалась особая добровольческая команда.

Эти сведения я почерпнул из «весьма секретного» рапорта штабс-ротмистра Кужуева, который, напомнив обо всем этом Вербицкому, далее пишет:

«Команда эта не оправдывает принятых на себя обязательств, а данным Вами правом ношения скорострельного оружия пользуется для своих сектантских целей, злоупотребляя при этом Вашим именем. Для этой цели команда Бамат-Гирей-хаджистов производит обыски только у влиятельных представителей других сект и мулл, не признающих Бамат-Гирея святым».

Г. Кужуев приводит ряд случаев, как Бамат-Гирей-хаджисты обыскивали уважаемых населением лиц, отбирали у них книги, избивали их самих и т. д. Судя по этому перечню, больше всего страдали от них последователи упомянутой выше наиболее мирной секты Кунт-Хаджи. Не об-

ходилось дело и без денежных посягательств. «Представитель секты Кунт-Хаджи, Саи Хаджиев,- пишет г. Кужуев, - между прочим, обвиняет команду в краже ста рублей». Ну точь-в-точь русские «союзники», вооруженные револьверами для активной борьбы с революцией... В конце концов двое из Бамат-Гирей-хаджистов встретились с конно-охотничьей командой, которая и отобрала у них ружья,-отобрала, однако, после сопротивления, едва не кончившегося кровопролитием.

Таким образом, своих идейных союзников г. Вербицкий успел превратить в настоящих разбойников. Впрочем, таковыми они были, может быть, и раньше. При тех методах, какими пользуется администрация для искоренения разбойничества, найти себе поддержку она может, пожалуй, лишь у тех сект, которые дают разбойничеству идейное оправдание и даже вменяют в обязанность своим последователям это занятие.

XV

В разных формах, как мы видели, добивается государственная власть поддержки со стороны населения: требует она содействия у сельских обществ, просит помощи у религиозных сект, вербует себе на службу доказчиков и кровников... И разными средствами она пытается обеспечить себе, эту поддержку; требует ее во имя идеи, покупает ее за деньги, вынуждает ее страхом... Однако, и за всем тем содействие населения оказывается явно недостаточным. Без его же помощи администрация в громадном большинстве случаев бессильна найти и захватить преступников, - тем более бессильна она предупредить их посягательства. Поэтому в решительную минуту власти обрушиваются репрессиями на

тех, кто подвернется под руку, а то и на все население.

Даже высылка нередко практикуется ими в массовой форме. Убедившись в своем бессилии отличить порочных людей от мирного населения, администрация начинает высылать целые аулы или целые категории населения. Не далее как нынешней весной, в Сибирь были отправлены жители аулов Нельх и Кек в числе 98 семейств. Теперь наместником предписано войти с представлением о расселении хуторов, жители которых уличены в укрывательстве Зелимхана», а это значит, что вновь целый ряд селений будет подвергнут более или менее отдаленной высылке. В проектах же и мечтах высылка представляется местной администрации полезной и необходимой в еще более широких размерах. «*Всего лучше,- рекомендовал, например, атаман станицы Вознесенской,- если возможно расселить туземцев по русским селам, городам и станицам, где они обрусеют и отвыкнут от своих дурных наклонностей».* Не только низшие, но и высшие должностные лица терской администрации носятся с такими же грандиозными планами. Напомню хотя бы такой случай.

В 1909 году после ряда разбойнических нападений, владикавказская городская дума обратилась по телеграфу к высшему правительству и отправила депутацию к начальнику области с требованием о принятии энергичных мер для защиты города. Нашлись гласные, которые потребовали у начальника области поголовного выселения горцев в коренную Россию, где они „растворятся" и сделаются безвредными... Генерал Михеев согласился даже на такую меру и сознался, что подобное ходатайство уже давно им возбуждено было, но потерпело фиаско, и на него последовал ответ, что горцев нужно „переселять", а не „выселять", а для этого нужно дать им землю и деньги. Однако, он обещал возобновить свое ходатайство и просить о переселении горцев на

персидскую границу[39].

Но и на эту комбинацию правительство, очевидно, не согласилось. Да едва ли когда и согласится: земли и денег на осуществление любого из подобных грандиозных планов, действительно, потребовалось бы слишком много. Собственными же силами осуществить такие проекты кавказская администрация, при всей «полноте ее власти», конечно, не может. Волей-неволей ей приходится от них отказаться и удовлетвориться высылкой, хотя бы и массовой, но в более скромных размерах.

Между прочим, в начале 1909 г. терский генерал-губернатор распорядился выселить всех чеченцевскотоводов с левой стороны Терека. Таких скотоводов оказалось около 50, причем каждый, в среднем, имел кроме коней, около 200 шт. рогатого скота и до 500 шт. овец. Нечего и говорить, что все они оказались в ужасном положении,- тем более, что распоряжение о выселении застигло их в самое неудобное время.

От бескормицы и продолжительной зимы, - писал, например, один из них, - у меня скот произошел в худобу, пять коров новотельных лежат на подъеме, три лошади - тоже, и не более пяти дней, как начался обкот баранов; я неминуемо понесу громадный ущерб от падежа скота, если он не поддержится выкормом на месте моего кочевья месяца три [40].

Да и помимо этого найти корм и пастбища для такого громадного количества скота на другой стороне Терека можно было не сразу. Чеченцы волей-неволей должны были продавать свой скот за бесценок русским скотоводам.

Само собой понятно, что высылка мотивировалась необходимостью борьбы с разбойничеством. Но так как в данном случае администрация обрушилась на самую зажиточную часть чеченского населения, то дело не обошлось без

протестов. Чеченцы-скотоводы представили грозненскому съезду доклад, в котором историю своего поселения на казачьей стороне и затем выселения отсюда излагают в таком виде:

После войны с Шамилем правительство всеми мерами стремилось приохотить чеченцев к занятию земледелием и скотоводством и успело достигнуть в этом отношении заметных результатов: «в продолжение 40—50 лет поля стали неузнаваемы, овцеводство и скотоводство приняло солидные размеры». Чеченцы-скотоводы стали арендовать землю у казаков, и некоторые из них перебрались на другую сторону Терека. Таких насчитывалось одно время до 200 человек. При этом «чеченцы и казаки жили, как одна дружная семья, одолжая друг друга всем необходимым». Так продолжалось «до нашествия тавричан, лет 15 тому назад». С появлением тавричан, между двумя группами скотоводов началась конкуренция из-за пастбищ, причем тавричане начали агитировать среди казаков против чеченцев, обвиняя всех их вообще, в том числе и скотоводов, в разбойничестве и укрывательстве. Чеченцы начали ликвидировать свои дела и в конце концов из 200 скотоводов осталось лишь около 50. Но в последнее время чеченцы вновь были допущены казачьими обществами на торги и начали довольно успешно конкурировать с тавричанами.

На торгах Щедринского участка, шедшего всего за 5000 рублей,- говорят они в своем докладе, - наши чеченцы догнали этот участок до 20.000 руб. и получили в аренду. Тавричане увидели, что мы, чеченцы, поняли, какую ценность составляет арендование участков, и, видя в нас сильных конкурентов, начали действовать на предмет изгнания нас с насиженных мест. Не знаем, каким путем, но они

этого достигли, и теперь мы... должны все отдать таврича-нам и уйти ни с чем.

Между тем они, чеченцы, всегда отличались лояльностью и *«во время общих внутренних смут в России проявили самую горячую преданность своему царю»*; в частности, чеченцы-скотоводы ни в чем плохом замечены не были, и их нельзя мешать с порочными людьми, которых они сами изгоняют из своей среды, а русские овцеводы с какой-то «тайною целью» принимают их к себе на службу. *«Где искать правды? восклицают авторы доклада.- К кому обратиться? У кого просить милости не разорять нас?».* На съезде этот доклад не был, однако, заслушан. Когда же один из туземцев, г. Яндаров, попытался все-таки поднять этот вопрос, то председатель заявил, что скотоводы высылаются по распоряжению генерал-губернатора, обсуждать которое тут не место

Между тем, русские конкуренты развили, по-видимому, еще более широкую агитацию. «По соседству оставалось много земель, принадлежащих туземцам. На эти земли и обратили внимание овцеводы». Они «начали систематический поход против туземцев в виде настойчивых указаний на свои убытки от разбоев и, вместе с тем, в виде ходатайств о выселении туземцев с их земель». По крайней мере, в этом именно смысле газетные корреспонденты комментировали один из характерных эпизодов этого похода, имевшего место в 1910 году.

Преследуя крупную шайку по изготовлению и сбыту (главным образом, туземцам) фальшивых кредиток, владикавказская полиция явилась в одну из гостиниц к некоему Филатову, который считался видным участником шайки. В его номере она застала крупного местного овцевода - милли-

онера, по словам газет,- Гр. Мамонтова и еще двоих овцеводов Калмыкова и Курьянова[41]. Все они были арестованы; Филатов был отправлен в кандалах в Ростов, где о нем велось дело, остальные вскоре были выпущены. Но при обыске, произведенном по этому случаю, у Мамонтова было найдено несколько вымогательских писем, составленных от имени Зелимхана, но написанных рукою Мамонтова и адресованных некоторым из местных овцеводов с требованиями, под угрозой пленения, уплатить от 10 до 50 т. рублей. Как оказалось, некоторые из овцеводов уже получили подобные письма. Преданный за вымогательство суду, Мамонтов объяснил, что он писал письма исключительно с целью напугать овцеводов и заставить их таким путем принять деятельное участие в борьбе с разбойничеством. Суд удовлетворился таким объяснением и оправдал Мамонтова.

Прежде, однако, чем состоялся суд, овцеводы, чувствуя себя скомпрометированными всем этим делом, выступили с опровержением газетных разоблачений и отреклись от Мамонтова. *«Он среди овцеводов, - писал председатель их комитета, - далеко не пользуется уважением, репутация его всем нам известна; председателем наших собраний и съездов никогда он не был и если допускался на наши собрания, то только вследствие свойственной всем нам излишней деликатности. Его терпели скрепя сердце… По одному ему нельзя судить о всех, как нельзя судить о семействах, в котором волею судьбы оказался урод»*[42]. По-видимому, это категорическое опровержение чуть ли не всецело было основано на том, что газеты смешали «общество овцеводов Северного Кавказа» с «организацией терских овцеводов», к которой «принадлежат гг. Мамонтов и К°.»[43]. Во всяком случае, среди терских овцеводов Мамонтов был «излюбленным человеком» и, например, на грозненском съезде являлся их представителем.

А его агитацию против туземцев и после оправдания его судом ни в коем случай нельзя, конечно, считать добросовестной.

Я не берусь с уверенностью судить, насколько были правы чеченцы-скотоводы, всецело объяснявшие свою высылку подобной же агитацией. Достаточно того, что такая агитация возможна, в действительности имеет место и, что главное, не остается безрезультатной. Читатели видели, какой сложный переплет отношений может получаться при этом: сбыт фальшивых денег, конкуренция из-за пастбищ, борьба с разбойничеством- все это сплетается в один клубок. Действуя вслепую, применяя репрессии без «ясных судебных доказательств», государственная власть легко может оказаться - и во многих случаях, несомненно, оказывается,- простым орудием в руках всяких хищников. Очень часто это хищники иной формации, но по существу - те же разбойники. По своим же размерам иные из них превзойдут всякого Зелимхана: до таких «грандиозных мошенничеств», какие удается подчас им осуществлять, тому даже не додуматься...

XVI

После сказанного, я думаю, легко попять, что меры предупреждения и пресечения, применяемые терской администрацией, не столько предупреждают и пресекают грабежи и разбои, сколько поддерживают и плодят хищников и разбойников. В некоторых отношениях это настолько ясно, что сама администрация это отчетливо видит.

Возьму опять ссылку. Удаление порочных людей из среды населения самое верное, казалось бы, средство для его профилактики. По отношению к горцам эта мера явля-

ется вместе с тем одной из самых жестоких, почти равносильной для многих из них смертной казни. Попадая в совершенно иные климатические, топографические и бытовые условия, кавказские горцы, как известно, очень плохо переносят сибирскую жизнь и довольно быстро сходят в могилу: одни сгорают от грудных болезней, другие тают от тоски по родине, третьих доканывают нужда и недоедание.

Вполне понятно поэтому, что ссыльные ингуши и чеченцы так упорно стремятся возвратиться на родину. И администрации, как я уже говорил, до сих пор не удалось придумать средств, чтобы предотвратить самовольное возвращение сосланных туземцев. Само собой понятно, что возвратившихся ловят и вновь высылают, но они вновь возвращаются. По свидетельству начальника 2-го участка Хасав-юртовского округа, г. Абдулкандырова, «на практике много случаев истребования от обществ дважды и даже троекратно одного и того же преступника, выданного обществом иногда по собственной инициативе, но возвратившегося из ссылки».

Не всегда, однако, общества, если даже и хотели бы, могут выдать. Вернувшиеся из ссылки в большинстве случаев переходят на «нелегальное положение» и делаются «форменными абреками».

Опыт показывает, - читаем мы в особом мнении дра Руттенберга, кн. Орбелиани и полковника Стрижева - что ссыльный элемент, находясь не под достаточно сильным надзором, бежит с мест ссылки к себе на родину. Это и понятно, если иметь в виду особое тяготение горца к Кавказу, а равно и чрезвычайную трудность материального их обеспечения на местах ссылки, в виду их незнакомства с русским языком. Возвращаются же они в качестве нелегальных лиц, а следовательно, должны скрываться и заниматься абрече-

ством, иначе говоря, предназначенная мера высылки[44] способствовала бы увеличению контингента абреков, с которыми и без того борьба чрезмерно трудна.

Легко понять, что не только «предназначенная мера», но и вообще высылка приводит к тем же результатами: «порочные люди», имеющие «наклонность к совершению преступлений» и просто «подозрительные» по возвращении становятся несомненными разбойниками. По общим отзывам, это - распространенное явление.

Надо, однако, сказать, что уход в абреки - не единственный выход для «нелегальных лиц», которых плодит своими мероприятиями терская администрация. Некоторым из них удается устроиться... на полицейской службе. В моих материалах имеется любопытная на этот счет переписка, начинающаяся прошением двоих самовольно вернувшихся чеченцев разрешить им остаться на родине. При этом они приложили одобрительный приговор от своего общества. Получив это прошение, генерал-губернатор отдал распоряжение немедленно арестовать просителей. Но в обществе их не оказалось: один вовсе не показывался в своем селении и просил о приговоре через родственников, а другой, как выяснилось, служит в партизанской команде, т.е., занимается искоренением разбойничества. Начальник команды, упоминавшийся уже штабс-ротмистр Кужуев, объяснил, что беглый чеченец был принят на службу начальником участка.

Что касается администрации Веденского округа,- продолжал г. Кужуев,- то она считала вполне нормальным принимать и держать на службе в этих командах самовольно вернувшихся из ссылки, что подтверждается, что в команде 2-го участка того же округа служили таковые Ибрагимов, Витуев и Удиев... Кроме всего этого, в этих командах были и

другие порочные лица, но когда я высказался, что их... придется сменить, начальники участков подняли шум, а старшина Сайханов и переводчик Чумаков посоветовали мне не спешить с этим вопросом, чтобы не вооружить против себя всю окружную администрацию.

Был даже случай, по словам г. Кужуева, что начальник округа добился отмены судебного приговора, чтобы сохранить на своей службе преступника, причем последний был произведен в старшие урядники и получил высший оклад жалованья. Имеются на службе порочные люди в писарских и других должностях. В своем рапорте г. Кужуев объясняет это явление тем, что при таких служащих администрации легче обделывать свои делишки и, в частности, получать денежные расписки, не выдавая денег, и собирать деньги, не выдавая расписок. Но так как и порочным людям чем-нибудь жить надо, то в конечном счете платят за все казна и население. Г. Кужуев приводит длинный ряд фактов неправильного расходования казенных денег и незаконных поборов с населения.

Местной же администрации, сумевшей заручиться беглыми и порочными людьми в качестве служащих, живется недурно. В частности, начальник округа чувствует себя владетельным князем и пользуется подобающими почестями. «И мне, - пишет г. Кужуев, - пришлось раз удостоиться этой чести за компанию»:

Когда мы выехали из Грозного, на опушке подъехал начальник 4-го участка г. Бердзниев со своей участковой партизанской командой и с трехцветным флагом. Команда эта по грязи конвоировала нас до Устар-Гордоя; здесь нас должен был встретить начальник 3-го участка г. Госташев, но он почему-то не сделал, чем капитан Дудников (начальник

округа) остался весьма недоволен... Но за то на станции Эрсеной оказалась стянута вся партизанская команда 3-го участка... Не доезжая до Ведено семи верст, около Ца-Веденской сельской мечети, нас, т. е. капитана Дудникова, встретил с хлебом-солью старший помощник колл. советник Михайлов со штатом своим в полном составе... и с партизанской командой 4-го участка в полном составе, но без флага, что было поставлено на вид заведующему командой; тут же расположилось Ца- Веденское общество со своим старшиной... После рапорта и кратких взаимных приветствий расположились за столом, накрытым холодной закуской, вином и водкой около самой мечети для „обмена" мыслей и впечатлений под громовые возгласы „ура", оглашавшие окрестные горы... Потом, окруженный живописной толпой свиты, капитан Дудников тронулся в Ведено.

Едва ли нужно говорить, что борьба с разбойничеством в этом владетельном княжестве ведется не очень успешно. Но деньги на эту борьбу расходуются весьма энергично, причем «главной статьей,- по словам г. Кужуева,- является Зелимхан»...

XVII

Разбойничество не только не мешает, но, быть может, даже помогает представителям местной администрации жить на всей своей воле и в полном довольстве. Но кроме разбойников и администрации имеется ведь еще мирное население.

Не полагаясь на государственную власть, которая бессильна искоренить разбои, бессильна предупредить их, бессильна даже потом отыскать истинных виновников, население, как я уже говорил, пытается собственными си-

лами оградить свою жизнь и имущество. Туземцы не расстаются с оружием и упорно держатся за свои первобытные институты, доверяя им несравненно больше, чем государственным установлениям. «Русский человек, даже казак, не любит оружия и старается обходиться без него»[45]. Но и русское население в значительной его части,- прежде всего казаки, - ходит вооруженным. И русское население во многих случаях больше полагается на свои собственные силы и выработанные местною жизнью институты, чем на государственные.

В качестве примера я указал в своем месте на институт ответственных караульщиков, которым население гораздо больше доверяет в охране имущества, чем войскам и полиции. После того, как соответствующей очерк[46] появился в печати, я получил письмо от одного из тульских помещиков, А. В. Афанасьева, который 9 лет вел хозяйство на Северном Кавказе и успел за это время достаточно хорошо ознакомиться с условиями тамошней жизни. *«Вот что поучительно,- между прочим писал он,- станица Суворовская (вблизи которой он жил) очень большая, выставляющая чуть ли не полк очередных казаков на службу, в ней есть много георгиевских кавалеров, есть лейбказаки... и она тоже нанимает в пастухи кабардинцев и с такою же ответственностью»*. Г. Афанасьев оспаривает допущенное мною предположение, из которого исходит в своих мероприятиях терская администрация, - а именно, что ответственные караульщики находятся в стачке с ворами и грабителями, благодаря чему их деятельность и является успешной. Предпочтение, оказываемое населением в этом деле туземцам, г. Афанасьев объясняет тем, что они лучше, чем русские, сторожат скот, а главное, в случае кражи или грабежа погонятся за грабителями и даже вступят в бой с

ними, отбивая вверенное им имущество. При этом, исполняя свои обязанности, они опираются на содействие остального населения, и на этот счет имеются свои обычаи, свои «законы».

В качестве примера г. Афанасьев приводить такой случай. Однажды ему доложили, что одну из лошадей необходимо зарезать, так как рана загноилась и в ней завелись черви... Откуда взялась в имении раненная лошадь? Выяснилось следующее:

В каком-то табуне за 60 или более верст украли лошадей. Тамошний ответственный табунщик гнался за ворами, но гнался не по дороге, а по степи, от табуна к табуну. Во всяком табуне он бросал усталую лошадь, получал свежую и, наконец, на нашей лошади догнал вора и подрался с ним на кинжалах в результате чего наша ло-

шадь и получила несколько ран. Хотя неписанный,- продолжает г. Афанасьев, - но это закон: всякий табунщик в погоне за вором имеет право на свежую лошадь в соседнем табуне. И этот закон исполняется свято. Не один раз были случаи, что и у нас пропадали лошади и наш табунщик так же гнался, разыскивал и получал свежих лошадей у других.

Таков закон, свято исполняемый населением. Имеются и другие такие же «законы». Судя по моим материалам, наибольшую роль в деле розыска похищенного имеет институт следоводительства. Состоит он в следующем:

В случае кражи или грабежа население само начинает розыск. Последний производится по следу, какой могли оставить грабители. Если след удается вывести на землю соседнего селения, то вызываются его должностные лица с понятыми, которые должны «принять» след и «вести» его дальше. Так и ведется розыск от станицы к аулу, от аула к станице, - иногда через всю область. Техника следоводительства разработана весьма тщательно, - имеются даже особые специалисты-следоводители, особенно искусные в этом деле. В некоторых случаях по следу удается дойти до самого двора, в котором спрятано похищенное или до стада, к которому присоединен угнанный скот.

Само собой понятно, что следоводительство не обходится без недоразумений, но и для их разрешения имеются свои правила. У ингушей имеется даже особая организация—«отцовский суд». Состав и функции последнего мало известны, но одной из задач его является, как можно думать, разбор претензий, связанных с розыском похищенного. Известны случаи, когда даже казаки обращались к «отцовскому суду» и получали удовлетворение.

Государственная власть к мерам, принимаемым самим населением для охраны своего имущества, относится,

как я уже говорил, в общем, отрицательно, а к некоторым и резко враждебно. Ответственных караульщиков, например, она теперь запрещает. Что касается «отцовского суда», то это - строго конспиративная организация, о которой представители администрации говорят не иначе, как с негодованием… «Я затрудняюсь допустить даже мысль,- говорил, например, на грозненском съезде его председатель, г.-м. Орбелиани, - чтобы на нашем съезде разбирался вопрос об этой тайной организации. Тайный судья, никем не выбранный, это - преступник». «Это - государственное преступление, говорил он в одном из следующих заседаний, а вы его хотите узаконить». Напрасно один из туземцев, г. Куриев, доказывал, что «отцовские суды это - суды примирительные, которые мирят кровников» и что «суды эти вовсе не тайные». Председатель твердил одно: «но все-таки это есть неузаконенная организация».

Однако сознание некоторой ответственности перед мирным населением все-таки остается. В самом деле, если государственная власть не в силах обезопасить жизнь и имущество граждан, то должна же она предоставить им какой-нибудь способ получать хотя бы вознаграждение за вред и убытки. Пусть даже всех туземцев поголовно она считает разбойниками, но и за всем тем остается мирное население: казаки и прочие русские. Бывает ведь, что даже близкие начальственному сердцу люди терпят вред и убытки. Нельзя же их оставить без вознаграждения.

Ничего, однако, лучшего русские власти не придумали в этом случае, как вернуться ко временам Ярослава Мудрого, к тому средству, какое применялось на пороге русской государственной истории. Он ввели круговую ответственность и при помощи «дикой виры» стали вознаграждать частных лиц за вред и убытки.

Сначала это практиковалось спорадически: рассердится соответствующее начальство и предпишет взыскать вознаграждение потерпевшим с аула, на земле которого произошло убийство или жители которого заподозрены в краже. Но потом, в 1879 г., были введены и общие правила на этот счет. Для того же, чтобы облегчить себе задачу, власти легализовали следоводительство. Потерпевшим достаточно было довести след до земли туземцев, и с соответствующего аула, если он оказывался не в состоянии разыскать и выдать виновников, административным порядком взыскивалась стоимость похищенного или пеня в пользу семьи убитого. В результате туземцы из года в год платили в пользу остального населения своего рода многотысячный налог.

Едва ли нужно даже говорить, что круговая ответственность нисколько не содействовала уменьшению разбойничества. Можно даже думать, что она способствовала его развитию. «Ловкий вор,- говорил на грозненском съезде полковник Стрижев, - может себе красть, а все население обязано за него платить. Наконец, я сам могу украсть у себя плохую скотину и получить за нее с селения, на которое наведу следы, большую плату как за хорошую». И туземцы подтвердили, что, действительно, это и наблюдается. «Воры, - говорил, например, Хадис Худабердов, - начали действовать свободнее, потому что за них платили мирные жители, а казаки, обеспеченные уплатой за уворованное, перестали охранять свое имущество». И то, конечно, действовало, что невиновный должен был платить за виновного: «раз я внес в кассу один рубль, - говорил, один из членов съезда,- я обязательно пойду воровать, чтобы вознаградить себя». Круговая ответственность обществ за уголовные преступления сделалась даже орудием мести. По свидетельству участкового начальника Абдулкандырова, если занесенный в список порочных людей «не мог установить главных инициаторов его выдачи при удачной закрытой баллотировке, то месть обществу производится путем совершения тем разбойником ряда вопиющих пре-

ступлений на юртовском наделе того общества, чтобы оно, по существующим административным мерам, понесло материальное и карательное наказание».

В 1905—1906 гг. - под влиянием, быть может, освободительного движения - в описанную систему была сделана попытка внести некоторое улучшение. Круговая ответственность была сохранена, но разрешение спорных вопросов (о достоверности следов, о размерах убытков и т. д.) было решено передать суду. На съездах в станице Червленной тогда же были выработаны правила об особом смешанном суде из представителей как казачьего, так и туземного населения, причем самая ответственность была сделана взаимной, т. о. не только туземцы должны были отвечать перед казаками, но и казаки - перед туземцами. При этом, для облегчения взысканий, туземные общества, примкнувшие к постановлениям червленских съездов, обязаны были внести заранее по рублю с дыма в особый фонд, за счет которого и должны удовлетворяться потерпевшие.

Казачье население, судя по моим материалам, осталось очень довольно новым порядком и, главное, быстротою, с которой, при наличности фонда, удовлетворялись его претензии. В ином положении оказались чеченцы, и на грозненском съезде они подняли прямо вопль против червленских постановлений, согласно которым «за воровство платят авансом все мирные жители».

- Чеченцы почему-то считают, - говорил подполковник Морданов, - что этот суд направлен только против них, а не против казаков. Сколько помню, был, кажется, один или два случая, когда к казакам не применили по каким-то обстоятельствам суда...

Но чеченцы таких случаев, по-видимому, знали больше.

- Мы убеждены, - говорил мулла Сугаиб Гайсумов,- что эти суды полезны только для казаков, но вредны для туземцев и не искореняют разбоев. Жизнь при смешанных судах, по его словам, «походит на мир, заключенный между волком и бараном».

Со своей стороны, туземцы умоляли об одном только, «чтобы честным людям не мешали жить, а разбойников преследовали» (Ахшаат Дзагаев), «чтобы наказание было направлено по возможности на самих преступников, а не на мирное население» (Чермоев). Они соглашались на самые тяжкие наказания: пусть даже отрубают руки и головы, но только действительным ворам и разбойникам, а не тем, кто подвернется под руку.

Но казаки, поддерживаемые администрацией, ни в коем случае не желали отказаться от круговой ответственности. В конце концов остановились на компромиссе. Были выработаны новые правила о «народно-примирительных» судах, согласно которым отвечать друг за друга должны были лишь «порочные люди», заранее внесенные в списки.

Наместник тогда же в «принципе» одобрил эти правила, и новые суды были кое-где уже введены. Но в следующем, 1910, году приказом по Терской области, с согласия наместника, они были упразднены, в виду «обнаружившейся неподготовленности населения к проведению в жизнь основных принципов третейских судов и неоправдания возложенных на эта суды надежд»[47]. Какими соображениями в действительности руководилась администрация
- я не знаю. Возможно, что одни «порочные люди» оказались не в состоянии вознаградить за все убытки. Возможно и то, что в списках «порочных людей» оказались слишком уж очевидные нелепости.

Так или иначе, но администрация для вознаграждения

частных лиц от грабежей и разбоев сочла за лучшее вернуться к дикой вире в ее первобытной и даже еще более грубой форме... Не так давно Зелимхан со своей шайкой напал на инженерную комиссию, причем, убил двоих инженеров и истребил почти весь их конвой. Произошло это в андийском округе Дагестанской области. Помимо других кар, какие посыпались по этому случаю на туземцев Терской области, наместник распорядился: взыскать со всего чеченского населения веденского и грозненского округов штраф в 100.000 рублей, назначив эти деньги в пособие семьям убитых и пострадавших при нападении на дорожную комиссию.

Власти никак не могут искоренить Зелимхана... Ну, так пусть расплачивается за него мирное чеченское население.

XVIII

В личном всеподданнейшем отчете начальника Терской области и наказного атамана терского казачьего войска на 1903 год, между прочим, было сказано:

На материальное благосостояние казаков Терского казачьего войска оказывает самое гибельное влияние соседство хищных горцев. Не говоря уже об отсутствии личной безопасности казака, принужденного работать в поле с оружием в руках, конокрадство и скотокрадство положительно разоряют население, особенно Сунженского и Кизлярского отделов.

На этих словах государем была положена такая резолюция: «По-моему, именно это соседство поддерживает в Терских казаках старую удаль».

Заимствую эти сведения из книги, составленной Г. А.

Ткачевым и изданной войсковым штабом терского казачьего войска под заглавием: «Гребенские, Терские и Кизлярские казаки. Книга для чтения в станичных и полковых школах, библиотеках и командах». Старой казачьей удали в этой книге уделено очень большое внимание, да это и понятно, ввиду ее назначения. «Книга для чтения» имеет целью поддержать старый доблестный дух в современном казачестве и прежде всего в подрастающих его поколениях.

Автор не скрывает от своих читателей, каково было прошлое казачество:

Главным занятием вольного казачества, - пишет он, - было «молодечество», т.е. попросту говоря - разбой; только разбой этот производился над людьми чужой веры и чужого племени, потому вольные казаки в нем греха не видели и считали его войной с неверными.

В частности, терские казаки «также грабили и обирали проезжих купцов и охотившихся инородцев, у которых отнимали не только добычу, но и мелкую рухлядь и оружие». И в других отношениях нравы у казаков были разбойничьи, если не хуже:

Так как жен своих казакам приходилось отвоевывать, воровать или покупать, то у них существовали сначала жены «невенчальные», при чем, если казаку попадалась жена от другого мужа, то, чтобы не вводить в свою семью чужого отродья, первых рожденных детей от таких жен казаки убивали... Такие нравы существовали в то время.

Да и по происхождению своему казаки - тем более терские казаки - были, главным образом, разбойники, и притом отнюдь нельзя сказать, чтобы русского только происхождения. В значительной мере ряды казачества пополнялись «перебеглыми» местными народами - чеченцами, кабардинцами, ногаями, кумыками, которых казаки охотно в свои городки принимали и крестили. Само собой понятно, что этот процесс не был односторонними. Казаки, как можно думать, тоже в значительном числе уходили к туземцам, принимали их веру и язык, совершенно, так сказать, очеченивались. Судя по сохранившимся преданиям, имеются целые аулы, населенные такими перебежчиками и в названиях некоторых из них со-

хранилось указание на их русское происхождение. Даже в совсем недавние времена - во время войны с Шамилем, например, солдаты и казаки дезертировали к чеченцам, о чем в солдатской среде до сих пор сохранились рассказы.

Уже в сравнительно поздние времена - при Петре Великом, например, и даже при Анне Иоанновне, - по сохранившимся сведениям, среди терских казаков насчитывалось около трети инородцев. В более же ранние времена казачество было, несомненно, еще более разноплеменным. Даже атаманами у терских казаков нередко бывали инородцы. В сущности, это была интернациональная разбойничья организация, сложившаяся на закраине государства, куда не достигала власть последнего.

«Разбойничья» - конечно, в ином несколько смысл, чем какой обычно вкладываем в это слово мы, уже сжившиеся с государственной формой. В нашем обычном понимании, разбойник - вместе с тем обязательно преступник, т.е., человек, нарушающий установленные государством законы. Казаки таких законов вовсе не знали; это были безгосударственные люди (каковыми до известной степени остаются и теперь ингуши и чеченцы).

Когда государство распространило свою власть и на земли, занятые казаками, то оно не прочь было искоренить их так же, как теперь «искореняет» кавказских «разбойников». Не располагая достаточными для этого силами, оно, как можно думать, готово было сделать это даже чужими руками. Например, в 1584 году царь Феодор Иоаннович велел передать турецкому султану Амурату, что в городе на Тереке «завели себе притон безгосударственные люди, волжские казаки», и что «хотя вы их и всех побили, нам стоять за них не за что».

Государство нашло, однако, способ, чтобы использовать в своих видах казачью удаль. Прежде всего, она пригодилась ему для «войны с неверными», как казаки и раньше называли свои разбойничьи набеги. А в дальнейшем эта удаль стала применяться и в борьбе с внутренними врагами, так как для казаков, в сущности, было безразлично, на ком показать свое «молодечество». Например, когда приверженцы Стеньки Разина овладели Астраханью, то «гребенские и терские казаки, с князем Каспулатом Муцаловичом, пошли против бунта открытою силою. Они подошли к Астрахани и оказали важную услугу правительству, захватив главного коновода астраханских мятежников Федьку Шелудяка и передав его воеводам государевым, двигавшимся из Казани с ратью».

«Казаки мало-помалу перестали быть вольными и перешли на царскую службу, стали все государевы». На этой службе они и до сих пор числятся и так же, как раньше, их удалью государственная власть пользуется для «войн с неверными» и для борьбы с «внутренними врагами». Впрочем, порою и этой последней борьбе, для успокоения совести, удается, как известно, придать смысл войны с неверными, - с «жидами» и иными «инородцами».

Я воспользовался официозным изданием, чтобы показать отсутствие какой-либо существенной разницы между прежним казачеством и теперешними «разбойничьими племенами». И в крови, и в нравах, и в отношениях к государству у них, несомненно, можно найти много общего. Можно, пожалуй, прибавить, что государственная власть проявляет все время стремление использовать удаль «разбойничьих племен» так же, как она пользуется казачьей. Когда была война с японцами, кавказских туземцев попробовали, ис-

пользовать в качестве военной силы, но, при нынешних способах ведения войны, их удаль оказалась никчемной. Когда началась «смута», ингушей и чеченцев выпустили на «внутренних врагов», и здесь они оказались как нельзя больше у места.

Можно даже сказать, что не только в прошлом, но и теперь нет резкой и непереходимой грани между казаками и туземцами. «Перебеглые народы» в довольно значительном числе поступают на государственную службу и служат вместе с казаками, а казаки, случается, уходят в «безгосударственные люди» и разбойничают вместе с чеченцами. Приведу хотя бы такой факт.

В 1909 году в с. Алисхан-Юрт милиционерами был захвачен некий Хаджи-Мурат (ничего общего с героем повести Л.Н.Толстого «Хаджи-Мурат» этот человек не имеет – В.Ш.), у которого оказалась краденая лошадь. В действительности это был казак станицы Червленной, Пимен Макарович Мартынов, который за несколько лет перед тем, уклоняясь от воинской повинности, бежал из станицы и скрылся в Чечне. На допросе Хаджи-Мурат, он же Мартынов, показал:

Жил я раньше в Кизляре, у пристава Лебедева, там я научился говорить по- кумыкски. Учился в церковной школе в Червленной, знаю и по- скорописному. Когда мне стало 16—17 лет, я ушел из станицы в с. Гудермес; здесь встретил одного молодого чеченца, фамилии его не знаю, хорошо говорил по-русски. Он повел меня в с. Миюртуп и устроил меня к чеченцу Ибрагиму Цимхаеву.

По уверениям Мартынова, он служил у Цимхаева работником и помогал ему в торговых делах. Дознанием, однако, это не подтвердилось. Так, по словам старшины с.

Миюртуп, *«у Ибрагима Цимхаева бывал, но не служил в годовых работниках, казак, по имени Хаджи-Мурат. Он заходил только к Цимхаеву на несколько дней, но подолгу не жил, уходил к другим. Хаджи-Мурата принимали у себя все, так как он считался перешедшим в мусульманство. Дарили ему - то черкеску, то бешмет и т.п. Но я никогда не видел, чтобы он работал».* То же, в общем, показал и сам Ибрагим Цимхаев:

Я не отказывал Хаджи-Мурату в куске хлеба. Он ходил так по всем аулам Чечни. Водился с молодежью, ходил по свадьбам, но чтобы работал где-нибудь когда, я не видел. Учился он в школе с. Миюртуп по- арабски-чеченски, а затем учился в хуторе Билиты около с. Ялхой-Мох.

Из этого видно, что казак Мартынов совсем очеченился, даже образование свое закончил по - чеченски.

Еще труднее провести какую-либо грань между «государственными» и «безгосударственными» людьми в отношениях их к разбойничеству. Мы хорошо знаем, как ведут себя ингуши и чеченцы на государственной службе. Были случаи, что даже офицеры из «перебеглых народов» оказывались руководителями разбойничьих шаек. С другой стороны, давно числящиеся на государевой службе казаки тоже не безвинны в кавказском разбойничестве. В моих материалах имеется не мало на этот счет указаний. Вот какие, например, сведения войсковой старшина Вербицкий собрал об уряднике ст. Щедринской Гаурове:

Высланный из области, казак ст. Щедринской Никита Мингалев года четыре тому назад говорил в Кизлярской тюрьме, что он, Мингалев, продал Гаурову семнадцать лошадей по 10—12—15 рублей. Очевидно, лошади ворованные. У Мингалева никогда своих лошадей не было.

Четыре-пять лет тому назад Гауров отсылал в горы

четырех лошадей, якобы пригулявшихся к табуну Гаурова. На дорогу дал 50 рублей.

Табунщиком у Гаурова, во всем ему помогавшим, был ногаец Абассаур. Когда на сборе в станице Щедринской поднялся вопрос о высылке, как неблагонадежного, Абассаура, то за него заступился атаман Капчерин и Гауров. Так вопрос о высылке и не был осуществлен.

Жена Ивана Хомутова рассказывала, что Гауров совершенно испортил её мужа: придет с Мингалевым и требует закуски, заводит пьянство в доме, седлают лошадей и все трое уезжают; иногда возвращаются скоро, а иногда пропадают дня три; вернутся -новая попойка…

У вдовы Прасковьи Канаткиной была украдена со двора ночью буйволова кожа. Через несколько дней приехал к Канаткиной Гауров и потребовал с неё три рубля за находку кожи, говоря, что он израсходовался на розыски кожи. Та дала три рубля. Тогда Гауров отправился в нежилой дом Юкина и вытащил из-под лавки кожу.

И т. д., и т. д. Словом, выясняется вполне определенная картина: не об одном лишь подозрительном человеке надо говорить, а о целой шайке - и притом о шайке, захватившей в свои руки станичную власть. В приведенной выдержке упоминается, между прочим, атаман Капчерин. Надо сказать, что он довольно часто упоминается в моих материалах. Фигурирует он и в деле Дорошенко, прошение которого я привел выше. По сведениям, собранным г. Вербицким, Дорошенко, это - всем известный вор, хотя он и служил в партизанской команде. И вот:

На сборе 12 марта, - показывали казаки Кисель и Пономаренко, - при баллотировке Петра Дорошенко к высылке, атаман станицы Капчерин ставить его на баллотировку не хотел, а затем при самой баллотировке пытался переложить

шары из черной половины в белую.

Хищнические инстинкты, несомненно, далеко не вполне еще заглушены в казачестве. Не заглушены они и в остальном русском населении. Конечно, русские хищники чаще, чем чеченские пользуются более культурными, так сказать, формами. Поэтому то они не прочь были бы «замирить» инородцев, заключить «мир между бараном и волком»...

Надо, однако, сказать, что и чеченцы проявили уже склонность и способность усвоить эти, менее грубые и кровавые, формы хищничества. В массе же своей чеченцы, как и русские, являются, конечно, мирным трудящимся населением. Во всяком случае и в их среде гораздо больше тех, которых грабят, чем тех, которые грабят. И если это не всем ясно, то только потому, что:

там, - как говорил один из участников грозненского съезда, - следов выводить не к чему, там и запротоколировать краж не для чего. Казаки делают это ради получения вознаграждения; аулам взыскивать не с кого, и там «следы» смываются горькими слезами и безвозвратно гибнут для истории и потомства

Граница между разбойниками и мирным населением, которую должна найти государственная власть, проходит совсем не там, где она ее ищет. Племенная грань, грани веры, языка, обычаев тут не при чем. Хищничество такими гранями не очерчивается, оно выходит далеко за них и поднимается высоко над ними. Хищники, как мы видели, нередко являются агентами государственной власти или пользуются ею, как орудием. Опираясь на нее, они осуществляют наиболее грандиозные свои планы. От давних времен они унаследовали свои инстинкты, но и до сих пор они опираются на «старую удаль», отстаивая свои интересы. До сих пор они

пользуются ею, не брезгуя ни казачьей удалью, ни чеченской...

Искоренить хищничество во всех его видах, это - громадная социальная задача, над которой уже многие тысячи лет бьется человечество. И разрешена она будет не прежде, чем настанет трудовое царство...

XIX

Но кавказская проблема в обычном её понимании - гораздо уже. Вопрос, как мы видели, заключается не в том, чтобы совсем искоренить хищничество, а в том, чтобы оно прекратилось хотя в таких грубых и кровавых формах, как грабежи и разбои... Легко понять, что и эту, сравнительно узкую, задачу нельзя разрешить теми методами, какими пользуется русская администрация. Единственно верные средства для этого - культура и право.

И нельзя сказать, чтобы местные деятели не понимали этого, чтобы не понимала этого сама администрация. Во всех проектах мало-мальски общего характера, кроме «мер немедленного воздействия», обязательно фигурируют и «меры длительного характера». Например, в «Памятной записке от временно-охотничьего отряда» рекомендуются такие длительные меры: 1) устройство дорог; 2) устройство школ; 3) устройство духовного училища для подготовки мулл; 4) борьба с обычаем кровничества; 5) борьба с обычаем калыма; 6) введение воинской повинности, и 7) введение земских учреждений. Таким образом, даже в этом отряде понимали, что одною стрельбою, хотя бы и прямо в лоб, разбойничество не искоренить.

Все дело в том лишь, что с «мерами длительного характера», как представляется местным деятелям, можно не спешить: все равно они будут действовать медленно. Прежде

всего нужно принять «меры немедленного воздействия»: они сейчас же скажутся. Но на этих мерах администрация обыкновенно и останавливается.

Идеалом для неё до сих пор остается полковник (впоследствии генерал-майор) Беллик, бывший начальником чеченского народа во второй половине 50-х годов прошлого века. Чтобы читатели могли судить об этом идеале, приведу несколько выдержек из его приказов:

1858 г. Апреля 26. № 15... Из крепости в короткое время уведено две лошади и корова, следы которых проведены по-над стенами вашего аула. Лошади и корова стоят 264 руб. 50 коп. серебром; деньги эти представьте ко мне для удовлетворения обиженных воровством, и с настоящего времени я возлагаю на вас ответственность за все воровство на расстоянии, начиная от Саранчи-Юрта до вашего аула, на том основании, что земля эта принадлежит вам.

1858 г. Мая 14. № 16... Чеченцы не перестают воровать и я объявляю вверенному мне народу, что всякий из чеченцев, обвиняемый в воровстве за Тереком ...будет ссылаться в Сибирь навсегда.

1858 г. Июля 21. № 20. Ко мне поступило множество жалоб, что мальчики Староюртовской деревни выходят толпами на дорогу и бросают камни в проезжающих. Объявите, князь, народу староюртовскому, что если и после этого я услышу жалобы от проезжающих, то для того, чтобы дорога была свободна от разбойниковмальчишек, я переселю всю Староюртовскую деревню на другое место.

1859 г. Января 14. № 6. Куларцы! Вы не исполнили моего приказания в том, что не выехали на арбах помогать бедным покорившимся чеченцам... и я лучшего наказания не нашел, как сменить вашего доброго старшину Батуку и назначить строгого Гамбулата. Он научит вас порядку.

1859 г. Ноября 21. № 25... 2) Никто из чеченцев не должен отлучаться из аула в другой аул без спроса у старшины...

4) Если чеченец имеет надобность продать свою лошадь или скотину в своем наибстве, то должен иметь свидетельство от старшины (в другом наибстве - от наиба)...

9) Объявляю..,что если чеченцы будут там (в Кабарде, Назрани, на Кумыкской плоскости и т. д.) являться без билетов, то заарестовывать их и присылать ко мне в кандалах за караулом. Люди, пойманные в тех местах без билетов, будут ссылаться в Сибирь.

1860 г. Апреля 9. № 13. Приказ в Шалинский аул. На вашей земле... убит русский человек. По правилам, объявленным уже вам об ответственности за землю, вы обязаны заплатить 1.000 руб. серебром или поймать и представить ко мне виновного в убийстве. Деньги штрафные начать теперь же взыскивать с аула [48].

Слов нет, кое в чем нынешняя администрация не достигла этого идеала, но кое в чем она и превзошла его. Во всяком случае, несомненно, что она создана по образу и подобию Беллика. Приведу еще две-три черты сходства.

«Объявляю народу…,- писал Беллик, - что доказчик за открытие какого-либо преступления пользуется данью уважения, и народы только этою мерой достигают искоренения дурных пороков, вредных обществу. Я желал бы, чтобы и чеченцы перестали держаться вредного для самих себя обычая поощрять воровство и упрекать доказчика» (1857 г. № 21)... И нынешняя администрация очень бы этого хотела, особенно, чтобы побольше было доказчиков...

«Ко мне доходят слухи, что некоторые наибы позво-

ляют себе брать взятки и за то скрывают от меня мошенников и воров». (1858 г. № 12). И до нынешнего генерал-губернатора доходят такие слухи об окружных и участковых начальниках.

В довершение сходства остается прибавить разве одно: приказы, которые издает терская администрация, как мы видели, часто остаются вовсе неизвестными туземному населению; до него доходят только кары. То же наблюдалось и с красноречивыми приказами Беллика.

Я многих чеченцев спрашивал, - пишет он,- читают ли вам мои бумаги, которые я присылал в продолжение 1855, 1856, 1857 и 1858 гг. в каждый аул о том, как должен жить народ. Мне отвечают, что никто не читал.. (1859 г. № 13).

Более пятидесяти уже лет действует одна и та же система - система «мер немедленного воздействия. За это время и «меры длительного характера» могли бы сказаться. Но и до сих пор осуществить их не удосужились. Даже пустяков не сделали. Возьму хотя бы такой пример. «Я знаю,- писал Беллик,- во многих деревнях таких мулл, которые не только неграмотные и непонимающие обязанности своей, но они отличаются еще особою бездарностью ума» (1857 г. № 18), «Поверьте мне, что я Коран знаю больше, как ваш мулла» - писал он в другом приказе (1858 г. № 21). Муллы и до сих пор остаются невежественными. «Немножко мулла» - как подсмеивался г. Вербицкий в Ялхорое. Даже духовных наставников народа просветить не позаботились. Впрочем, что муллы... Даже переводчиков для своих учреждений за пятьдесят лет правительство не подготовило.

Это, конечно, не случайность - не случайность, что дальше репрессий русская администрация не пошла в борьбе с разбойничеством.

Культура и право, - сказал я, - необходимы, чтобы, по крайней мере, кровь перестала литься на Кавказе. Но разве культуру, и тем более, право может внести полицейское государство?

Поэтому-то я и назвал то, что происходит на Кавказе, драмой... Кончится она, по-видимому, не прежде, чем полицейское государство уступит место правовому. А это—вопрос общероссийский.

Примечания

1. Русские солдаты не очень разбирались в местных национальностях и всех горцев называли попросту татарами – прим. А.В. Пешехонова.

2. В частности и горцы наиболее беспокойного чеченского племени играют видную роль в капиталистическом преуспеянии. В Грозном, например, чеченцам принадлежит 31 торговая фирма с оборотом в 1.368 тыс. рублей (из общего числа 196 фирм с оборотом в 4.779 тыс. руб.); в среднем, обороты чеченских фирм оказываются самыми крупными (44,1 тыс. руб.; у русских – 16,4 тыс. руб., у других национальностей – 23,3 тыс. руб.) и у некоторых из них достигают 100-200 тыс. руб. В том же Грозном чеченцам принадлежит 91 недвижимое имущество стоимостью по городской оценке в 443.800 руб. (См. приложение к «Записке терского об-ва любителей казачьей старины» по поводу запроса наместнику кавказскому от 22 декабря 1910 г.) - прим. А.В.П.

3. jupes culottes (франц.) – нижние юбки

4. Автор имеет в виду русскую революцию 1905-1907 годов.

5. Речь идет о практике привлечения горцев в карательные отряды в революционные и последующие годы, а

также на службу к богатым хозяевам в качестве охранников, стражников.

6. Приказ по Терской области от 7 марта 1909 года - прим. А.В.П.

7. Зелимхан Гушмазукаев (Харачоевский) – знаменитый чеченский абрек, прославившийся дерзкими налетами на правительственные учреждения.

8. Октябристы – члены думской фракции партии «Союз 17 октября», образованной после провозглашения манифеста о даровании политических и гражданских свобод в октябре 1905 г. Защищала интересы крупных промышленников, землевладельцев и финансистов.

9. Намек на ту роль, которую казаки играли при подавлении революционных выступлений в городе и деревне.

10. Г.А. Ткачев. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Стр. 87-88 (Труды Терской ова любителей казачьей старины. Вып. 2-й. Владикавказ. 1911) - прим. А.В.П.

11. См.: Терские ведомости, 1907, №114 или у Ткачева, стр. 32-34 - прим. А.В.П.

12. Изворотливый «джентльмен» - капитал , капиталистические отношения.

13. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т XIII (25 полутом) С. 58-61 («Ингуши»); Т XXXVIII (76 полутом) С. 785-786 («чеченцы»).

14. Любопытно отметить: по расчетам г. Ткачева с 1900 по 1908 в Терской области только лошадей и крупного рогатого скота было уворовано на 2.009 тыс. рублей; за то же время оброчной подати со всего горского населения причиталось 2.370 тыс. руб. (Г.А. Ткачев. Казаки и туземцы в Терской области. Владикавказ, 1910) - прим.

А.В.П.

15. Юрт – территория, владения семьи, рода, общины.

16. Devide et impera (лат.) - Разделяй и властвуй.

17. Вербицкий вообще проявил немалую изобретательность . В том же, например, предписании Кужуеву он предписывает ставить посты наполовину из казаков, наполовину из чеченцев. «Чеченцам, - говорит он, - тогда удобнее применять в дело оружие против разбойников, так как убийство последующих в случае столкновения можно будет сваливать на казаков. Да, кстати, удобно это будет и в том отношении, что облегчится назначение старших на посты из урядников или приказных казаков». Стало быть, и за честными кровниками присмотр будет.
- прим. А.В.П.

18. Цитирую по книге «Ингуши и чеченцы» - прим. А.В.П.

19. Прим. к ст. 1256 Уст. Уг. Суд. Кроме похищения женщин, этим примечанием для горцев Терской области изъяты из подсудности окружным судом и отнесены к числу проступков, подлежащих ведению мировых учреждений, ещё следующие преступления: нанесение ран, увечья и смерти в ссоре или драке, начавшейся без всякого намерения совершить убийство или причинить увечье и рану; нарушение пределов необходимой личной обороны; кражи со взломом и кражи при оружии, если цена похищенного менее 300 руб. и если кража совершена в первый или во второй раз - прим. А.В.П.

20. Et tutti guanti (лат.) – и всякие другие; и пр. и пр.

21. Г.А. Ткачев. Ингуши и чеченцы. Стр. 29 - прим. А.В.П.

22. Не моё, конечно, дело входить в оценку, насколько эта инструкция стрелять в лоб являлась верной с военной точки зрения. В качестве бывшего солдата могу лишь засвидетельствовать, что не во всякой роте найдутся стрелки, которые даже на смотру в неподвижную мишень на точно вымеренном расстоянии могли бы наверняка попадать в лоб. Думаю, что и специальный курс стрельбы под руководством шт.-кап. Григорчука не мог довести солдат до такого совершенства. Возможно, поэтому, разрешение попадать не в середину лба, а в бровь или висок на лиц, знакомых с военным делом, произведет прямо комическое впечатление…— прим. А.В.П.

23. Кочевка (кочевье) – месторасположение кочующих людей; кутана – возможно от слова кут – закоулок, тупик, глухое место или от куть – дальний угол леса, поля (по В.И. Далю).

24. Партизанские, партизаны – добровольческие, добровольцы.

25. Надпись Вербицкого на рапорте генералмайора Павлова по поводу столкновения на Гудермесовском базаре. — прим. А.В.П.

26. Рапорт Мескер-Юртовского сельского старшины от 17 марта 1909г. — прим. А.В.П.

27. Рапорт Цацан-Юртовского старшины от того же числа — прим. А.В.П. Чечень (Чечен) – остров – остров в Каспийском море напротив устья Терека. Место ловли рыбы и проведения спортивных состязаний чеченцев, позднее – место ссылки чеченцев.

28. Начальник Веденского округа - прим. А.В.П.

29. Адъютант Вербицкого - прим. А.В.П.

30. «Русское слово». Цитирую по «Речи» от 28 сентября 1910 г. - прим. А.В.П.

31. Рапорт шт.-кап. Вакуловского - прим. А.В.П.

32. В другом рапорте (от 8 мая за №70) эта цель объяснена так: «по обеим сторонам дороги были пущены группами нижние чины для обыска жителей, находящихся на полевых работах». Надо сказать, что обыск жителей на полевых работах производился шт.-кап. Перепелкиным, по-видимому, систематически… Искал он, конечно, оружие. И находил…Помимо других, уже указанных мною причин, заставляющих население области ходить при оружии, имеется ещё специальная надобность в нем при полевых работах и на пастбищах: оружие, и притом огнестрельное, усовершенствованное, необходимо для защиты себя, скота и полей от диких зверей и, в частности, от диких кабанов, которые сильно портят посевы - прим. А.В.П.

33. Не мало было отобрано оружия и патронов самого последнего образца, которые «находятся в частях в неприкосновенных складах». Очевидно, между этими неприкосновенными складами и чеченскими аулами имеются достаточно хорошо проторенные и довольно прямые тропки. - прим. А.В.П.

34. Экзекуция – здесь, наказание в виде постоя войск, содержать и обеспечивать всем необходимым которые должны были жители того или иного селения.

35. Упомянутый в этом протоколе полковник Котляревский был в конце концов устранен от должности и отдан под суд, но покончил с собой, не дождавшись приговора. Весной нынешнего года по просьбе его родственников, желавших реабилитировать покойного, дело было все-таки рассмотрено судом. Обвинение в пленении Месяцева, по-видимому, Котляревскому не было предъявлено, но, между прочим, он обвинялся в том, что отпустил абреков, обвинявшихся в этом преступлении. Судившая покойника палата

признала обвинение доказанным - прим. А.В.П.

36. Читатели, может быть, удивятся, но такова уж кавказская политика: за убийство преступника, правильнее сказать, подозреваемого в преступлении, платят дороже, чем за его поимку. И это пожалуй, понятно: с живым ещё возиться надо, доказательства собирать, деньги на него тратить, а убит – и кончено дело. Сразу полная ликвидация - прим. А.В.П.

37. Телеграмма С.-Петербургского телеграфного агентства в Тифлисе от 27 октября 1911 г. - прим. А.В.П.

38. Рапорт начальника 1 уч. Кизлярского отдела атаману отдела от 3 ноября 1909 г. за № 768 - прим. А.В.П.

39. «Речь», 3 декабря 1909 г. - прим. А.В.П.

40. Прошение Нагая Макаева Вербицкому от 4 апреля 1909 г. - прим. А.В.П.

41. По утверждению председателя комитета овцеводов Северного Кавказа, овцеводами были лишь отцы Филатова, Калмыкова и Курьянова, сами же они «вряд ли имеют определенные занятия, кроме того, в чем они обличаются законом»(«Новое время» 13 апреля 1910 г.) - прим. А.В.П.

42. «Новое время», 13 апреля 1910 г. - прим. А.В.П.

43. См. письмо г. Тимофеева в «Речь» от 27 марта 1910 г. - прим. А.В.П.

44. Грозненский съезд постановил, чтобы ссылка производилась не за счет общества, а за счет казны; по этому вопросу и было подано особое мнение - прим. А.В.П.

45. Приказ по Терской области, 7 марта 1909г., № 209 - прим. А.В.П.

46. Имеется в виду вторая часть очерка, вышедшая в ноябрьском номере журнала «Русское богатство» за 1911 год.

47. Приказ от 14 апреля 1910 г. за № 467 - прим. А.В.П.

48. Цитирую по книге Г.А. Ткачева «Ингуши и чеченцы» - прим. А.В.П.

ВЕБ-БИБЛИОТЕКА Z **АБРЕК ЗЕЛИМХАН**
http://abrek.org/portal-abrek/biblioteka/knigi/

Старая Россия и старая Чечня: невыученные уроки
(Изучающим Отечественную историю)

Компьютерная вёрстка - Ю.В. Машонина

Подписано в печать 20.03.2006

Формат бумаги 60x92/16
Печ. л. 10,62. Тираж 500 экз. Заказ 853.

Издательство Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского
(ЯГПУ)
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108

Типография ЯГПУ
150000, Ярославль, Которосльная наб., 44